

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

**Применение уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 21-22 мая 2024 года)

Москва, 2024

П 76 Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21-22 мая 2024 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2024. – 179 с.

Редакционная коллегия

Бессонов А.А., ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

Саркисян А.Ж., руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Быкова Е.Г., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Казаков А.А., заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции

Сборник включает в себя материалы, предоставленные участниками Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 21-22 мая 2024 года Екатеринбургским филиалом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева. Конференция организована при участии ученых ведущих вузов, судей, сотрудников правоохранительных органов из различных регионов Российской Федерации. Материалы сборника могут представлять интерес для юристов – ученых и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов. Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»

21 и 22 мая 2024 года в Екатеринбургском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева в смешанном формате состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению».

Конференция объединила на своей площадке более 100 участников, из которых 6 докторов наук, 30 кандидатов наук.

Открыла конференцию директор Екатеринбургского филиала кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции *Наталья Борисовна Вахмянина*. Она поприветствовала участников, обозначила важность запланированных к обсуждению вопросов для совершенствования работы следственных органов СК России.

Проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции *Олег Юрьевич Антонов* в своем приветственном слове поблагодарил участников за проявленный к конференции интерес. Он напомнил, что Екатеринбург ассоциируется с ведущими правоведами, представителями Уральской юридической школы. Олег Юрьевич подчеркнул, что Екатеринбургский филиал старается следовать этим традициям, его сотрудники проводят научные исследования, организуют международные, всероссийские научные форумы и активно в них участвуют. Он отметил, что присутствующих объединил теоретический и практический интерес к двум

неразрывно связанным отраслям права – уголовному праву и уголовному процессу, сосуществующим в рамках единой научной специальности (5.1.4 – Уголовно-правовые науки). Представительный состав участников конференции является свидетельством актуальности предложенной к обсуждению тематики. В завершение Олег Юрьевич пожелал всем участникам форума успешной и плодотворной работы.

Модераторами конференции выступили заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *А.А. Казаков* и доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *Е.Г. Быкова*. Техническое сопровождение при организации и проведении форума осуществляли старший преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала подполковник юстиции *А.К. Шеметов* и старший методист Екатеринбургского филиала кандидат педагогических наук, капитан юстиции *О.С. Алабужина*.

В работе конференции приняли участие судьи Верховного Суда РФ, Третьего кассационного суда общей юрисдикции, Томского областного суда, Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

К мероприятию присоединились сотрудники управления по расследованию отдельных видов преступлений, первого следственного управления (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону), третьего следственного управления (с дислокацией в городе Нижний Новгород), четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления СК России, Главного следственного управления СК России по городу Москве, следственных управлений СК России по Республике Башкортостан, Пермскому краю, Брянской, Владимирской, Воронежской,

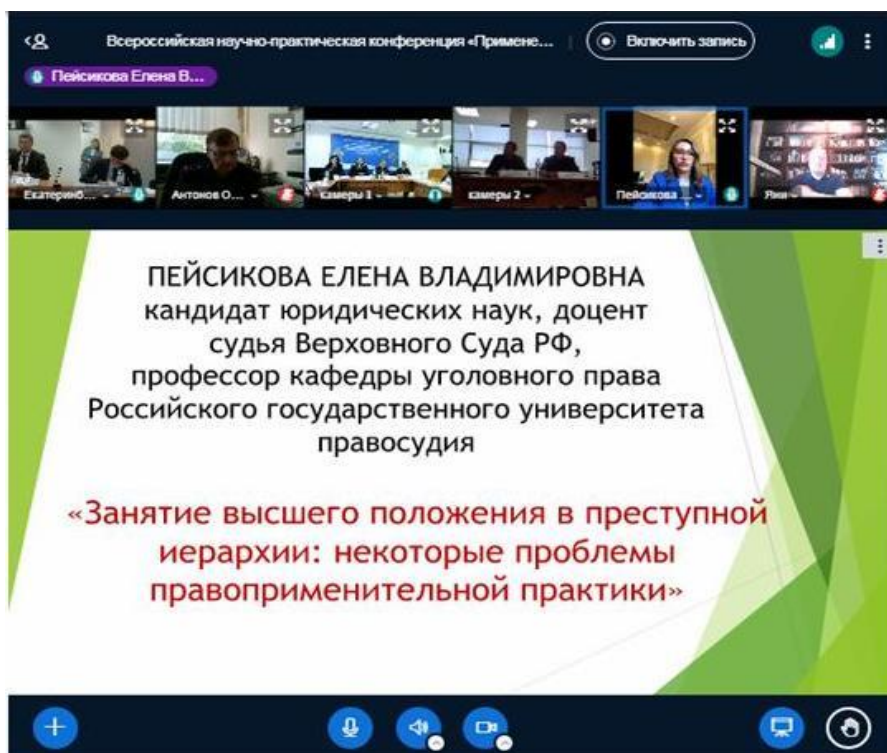
Ивановской, Калужской, Кировской, Курганской, Курской, Московской, Мурманской, Орловской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Тульской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, следственного отдела (на правах управления) СК России на комплексе «Байконур», а также работники прокуратур Вологодской, Ивановской, Свердловской областей.

В дискуссии приняли участие представители Алтайского государственного университета, Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московской академии Следственного комитета имени А.Я.Сухарева, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Российского государственного университета правосудия (в том числе Западно-Сибирского филиала), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Университета прокуратуры РФ (в том числе Иркутского, Казанского, Крымского, Санкт-Петербургского филиалов), Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Уральского юридического института МВД России.

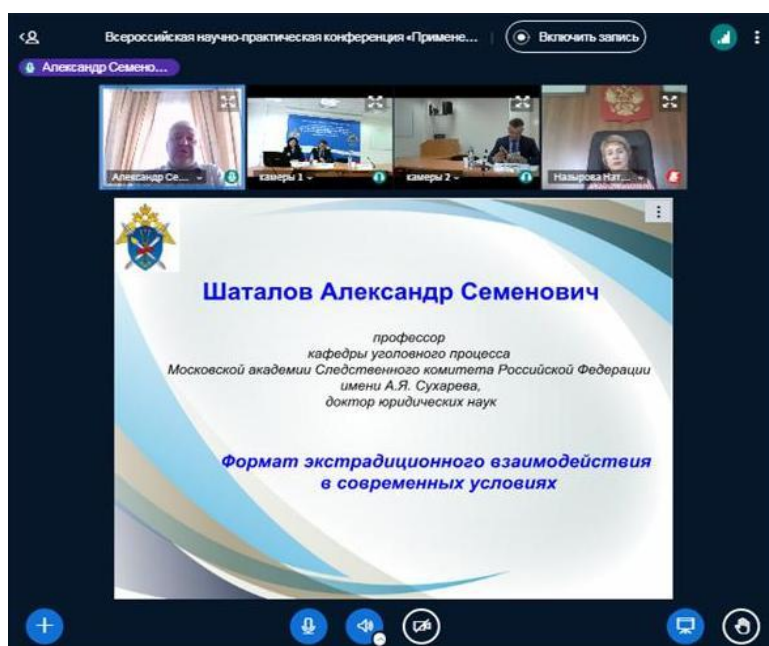
На конференции обсуждались проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, хищений, групповых криминальных деяний, коррупционных преступлений, насильственных половых деяний, незаконного получения должностными лицами дохода от предпринимательской деятельности, психического расстройства как признака вреда здоровью, сложности уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, отдельные аспекты привлечения к ответственности по ст. 171.5, 145.1 УК РФ, вопросы ответственности военнослужащих. Кроме того, в выступлениях рассматривались различные грани доказывания, практика применения ст. 237 УПК РФ, вопросы экстрадиции, заочного производства, приостановления

течения сроков давности, ознакомления с материалами уголовных дел, особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и назначения наказания за ненасильственные преступления, нюансы проведения некоторых процессуальных действий, в том числе с учетом перспективы рассмотрения уголовного дела судом присяжных, особенности освобождения от уголовной ответственности.

21 мая 2024 года прозвучали доклады судьи Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, профессора кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия кандидата юридических наук, доцента *Е.В. Пейсиковой*, профессора кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова доктора юридических наук, профессора *П.С. Яни*, заведующего кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктора юридических наук, профессора *З.А. Незнамовой*, руководителя отделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации *И.Ю. Бедерина*, судьи Томского областного суда, доцента кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия кандидата юридических наук *А.В. Архипова*, судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции кандидата юридических наук *О.В. Гейнце*, доцента кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета кандидата юридических наук, доцента *Н.В. Тыдыковой*, профессора кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета Министерства

внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя доктора юридических наук, профессора *М.Г. Жилкина*, профессора кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ; профессора кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации доктора юридических наук, профессора *Р.Д. Шаранова*, ведущего научного сотрудника сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) кандидата юридических наук, доцента *С.В. Полубинской*, заместителя руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области *Д.С. Малышева*, заведующего лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации *М.Р. Глушкова*, доцента кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева кандидата юридических наук, доцента *И.О. Ткачева*, ассистента кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева *Д.С. Корешникова*.

22 мая 2024 года выступили профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева доктор юридических наук *А.С. Шаталов*, заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук *Н.А. Назырова*, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской

академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева *К.А. Костенко*, заведующий научно-исследовательским отделом Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент *Р.М. Кашипов*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева *М.В. Галдин*, старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации кандидат юридических наук *Д.Б. Чернышев*, следователь по особо важным делам отделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий третьего следственного управления (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук *Р.И. Бардачевский*, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент *С.В. Страхова*, следователь следственного отдела по Ленинскому району города Киров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева *Е.С. Шадрин*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева кандидаты юридических наук, доценты *С.А. Яшков* и *Е.Г. Быкова*. Заключительный доклад прозвучал от заведующего кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева кандидата юридических наук, доцента *А.А. Казакова*.

Проведение таких конференций способствует укреплению научно-практического взаимодействия и становится отправной точкой дальнейших исследований. В ходе работы сформулированы рекомендации применения положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которые могут быть использованы правоприменителями в досудебном и судебном производстве по уголовным делам.

Многие из этих практически значимых рекомендаций получили письменное отражение на страницах настоящего сборника.

*С уважением и благодарностью,
модераторы конференции Е.Г. Быкова и А.А. Казаков*

Оптимизация процедуры ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела

Аннотация. В статье автор на основе собственной практики приводит пример разрешения задачи по оптимизации ознакомления обвиняемых и защитников с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

Ключевые слова: обвиняемый, защитник, ознакомление с материалами уголовного дела, ст. 217 УПК РФ, срок ознакомления, оптимизация срока ознакомления.

Следственная практика зачастую сталкивается с проблемой оперативности ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. По объемным уголовным делам со значительным числом обвиняемых сроки такого ознакомления могут быть значительными как по объективным, так и субъективным причинам. Это существенно влияет на оперативность направления уголовного дела прокурору и в суд.

Одним из способов оценки критерия скорости ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовных дел предлагается расширение процессуальных полномочий лица, проводящего предварительное расследование уголовного дела в части возможности проведения в отношении обвиняемого экспертизы (исследования) по определению параметра допустимой скорости ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, исходя из пола, национальности, гражданства, возраста, образования, образа жизни, сферы деятельности, категории населенного пункта проживания и иных данных, характеризующих обвиняемого¹. Такой подход имеет право на существование, вместе с тем его реализация сама по себе представляет трудоемкую задачу для следователя, а практическая реализация еще не нашла должного применения.

Кроме того, некоторые авторы предлагают дополнить ч. 3 ст. 217 УПК РФ положением о том, что «вне зависимости от количества обвиняемых и эпизодов преступной деятельности общий срок ознакомления с материалами уголовного дела не должен превышать 10 суток, а по сложным и многоэпизодным

¹ Зайцев В.Н. О необходимости расширения полномочий следователя (дознвателя) при реализации положений ч. 3 ст. 217 УПК РФ / Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Б.Я. Гаврилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 2. С. 75-82.

уголовным делам не более 30 суток»¹. Указанное положение также не в полной мере может быть реализовано в следственной практике, так как ограничивает право участников уголовного судопроизводства на защиту.

Помимо этого, в следственной практике распространена ситуация, когда адвокат обвиняемого не является на ознакомление с материалами дела. Согласно ч. 4 ст. 215 УПК РФ предлагаются следующие варианты разрешения ситуации: во-первых, следователь может предложить обвиняемому заявить ходатайство о замене адвоката; во-вторых, у обвиняемого есть возможность ознакомиться с материалами уголовного дела без защитника. При этом в норме закона нет пояснений, какие действия должны быть у следвателя, если обвиняемый не явился на ознакомление с материалами дела и отказывается на замену адвоката².

Вместе с тем в практической следственной деятельности отработаны и применяются инструменты, направленные на повышение оперативности ознакомления с материалами уголовного дела.

Так, при расследовании уголовного дела по обвинению 28 лиц в организации и в участии в массовых беспорядках на территории Пензенской области в 2019 году (при организации и согласовании со стороной защиты ознакомления с материалами уголовного дела) членами следственной группы были подготовлены цифровые отсканированные копии материалов уголовного дела, состоящего из 56 томов. Полученные копии были переданы адвокатам и обвиняемым, которые предварительно ознакомивались с ними, не затрачивая время следвателя, а затем уже с его участием изучали отдельные интересующие их документы. При этом было сэкономлено время, необходимое для самостоятельного копирования материалов уголовного дела стороной обвинения³.

Тем самым приведенный процессуальный прием помог существенно ограничить срок предварительного следствия. Полученные и сохраненные следвателем копии также служили материалом для подготовки к судебным заседаниям государственных обвинителей.

Литература

1. Алиева Н.Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 151-155.

¹ Коновалова Е.А., Есина А.С. Некоторые проблемы применения ст. 217 УПК РФ в деятельности следвателя при расследовании преступлений, совершенных ОПГ // Актуальные проблемы предварительного расследования: [Электронный ресурс]: Сборник научных статей международных научно-практических конференций. Санкт-Петербург, 20 апреля 2021 года и 25 апреля 2022 года / сост. Афанасьев А. В. — Электрон. дан. (4,61 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. 1 электрон. опт. диск. Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. С. 397-401.

² Алиева Н.Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 151-155.

³ Архив Пензенского областного суда. Дело № 1-12/2020.

2. Зайцев В.Н. О необходимости расширения полномочий следователя (дознавателя) при реализации положений ч. 3 ст. 217 УПК РФ / Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Б. Я. Гаврилова, Ю. Е. Салеевой, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 2. С. 75-82.

3. Коновалова Е.А., Есина А.С. Некоторые проблемы применения ст. 217 УПК РФ в деятельности следователя при расследовании преступлений, совершенных ОПГ // Актуальные проблемы предварительного расследования: [Электронный ресурс]: Сборник научных статей международных научно-практических конференций. Санкт-Петербург, 20 апреля 2021 года и 25 апреля 2022 года / сост. Афанасьев А.В. — Электрон. дан. (4,61 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. 1 электрон. опт. диск. Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. С. 397-401.

УДК 343.137.32

ББК 67.410.21

И.Ю. Бедерин

О проблеме постановления заочного приговора по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии

Аннотация. Проанализирована процедура вынесения приговора, который в отношении одних подсудимых выносится в очном, а применительно к другим – заочном порядке. На основе анализа актуальной судебной практики определены некоторые особенности заочного разбирательства и спрогнозированы негативные последствия в случае совершения преступления в соучастии. Предложен вариант, направленный на исключение таких последствий посредством выделения дела в отдельное производство.

Ключевые слова: заочный приговор, заочное разбирательство, заочное производство, подсудимый, основания отмены приговора, сроки давности, выделение уголовного дела

Процедура постановления приговора в заочном порядке имеет довольно длительную историю применения и разнообразные сферы реализации. Отечественному законодателю она известна, по крайней мере, со времени принятия в 1864 году Устава уголовного судопроизводства¹. Нормы права, регулирующие данный аспект в период Российской империи, легли в основу при

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120-251.

разработке соответствующих кодифицированных актов РСФСР в 1923¹ и 1960² годах.

В действующем законодательстве понятие «приговор, вынесенный заочно» присутствует в ч. 7 ст. 247 УПК РФ. Однако легальное определение этого понятия отсутствует. В уголовно-процессуальном законе нет также дефиниции «заочного производства». Ввиду этого в литературе существуют дискуссия о том, какой процессуальный порядок следует рассматривать в качестве такового.

Научный спор осложняется тем обстоятельством, что в УПК РФ предусмотрены четыре ситуации, когда судебное разбирательство может быть проведено в отсутствие подсудимого: 1) в случае его удаления из зала судебного заседания в связи с нарушением порядка участия в нем (ч. 3 ст. 258); 2) в отношении умершего лица (п. 4 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 414); 3) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ); 4) по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд (ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

По мнению А.А. Казакова, все эти процедуры являются разновидностями заочного рассмотрения уголовных дел³. Согласно позиции Н.В. Ильютченко только последняя ситуация относится к рассматриваемому производству⁴. Л.Г. Татьяна и Е.Ф. Тензина выделяют два вида заочного разбирательства уголовных дел: случаи, предусмотренные ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ⁵. Именно последний подход видится наиболее верным.

Наибольшие сложности в практической деятельности вызывает заочное производство, реализуемое в случае уклонения лица от правосудия. Возникают вопросы, которые могут интерпретироваться правоприменителями различным образом. Один из таких – вынесение приговора в отношении одного из лиц в заочном порядке при условии совершения вменяемого преступления в соучастии.

Видится возможным обратить внимание на ряд аспектов.

В целом недостаточность и неоднозначность существующей судебной практики не дает сделать полный и корректный вывод о процедуре вынесения приговора заочно в отношении лиц, совершивших преступление в соучастии.

¹ УПК РСФСР от 15.02.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

² УПК РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2009. С. 82-85.

⁴ Ильютченко Н.В. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого и заочное рассмотрение уголовных дел: соотношение понятий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Ю.Д. Лившица (2-3 апреля 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 233-236.

⁵ Татьяна Л.Г., Тензина Е.Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 729-730.

Нормативная основа также не позволяет сформулировать определенный вывод. По этой причине правоприменитель использует процедуру заочного разбирательства крайне редко¹.

При этом не все лица, совершившие преступление в соучастии, могут предстать перед судом. Предположим, ряд подсудимых присутствует в ходе судебного разбирательства, другие – уклоняются от явки и (или) находятся за пределами Российской Федерации. В таком случае вынесенный приговор, будучи единым судебным актом, является отчасти заочным. В связи с этим присутствующие в ходе судебного разбирательства подсудимые, как показывает практика, заявляют о нарушении своих прав.

Обратимся к следующему наглядному примеру. Один из подсудимых не скрывался и находился под стражей (С.), второй – пребывал за пределами Российской Федерации (И.). В связи с тем, что розыскные мероприятия в отношении последнего не дали никаких результатов, в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ суд решил провести судебное разбирательство в его отсутствие и осудил обоих лиц. С этим решением не согласилась С., в частности, утверждая, что уголовное дело в отношении И. следовало выделить в отдельное производство. Однако высший судебный орган посчитал ее право на защиту не нарушенным. Само по себе рассмотрение дела в отсутствие И. не может свидетельствовать об этом. Приговор оставлен без изменения².

В данном случае следует согласиться с судом, поскольку отсутствие одного из соучастников не повлияло на правовое положение другого. Однако, как будет продемонстрировано далее, суд рисковал попасть в затруднительную ситуацию.

Так, в случае устранения обстоятельств, послуживших основанием для рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, уклонившегося от суда, заочный приговор по ходатайству данного лица или его защитника подлежит безусловной отмене в кассационном порядке. После удовлетворения такой жалобы уголовное дело передается на новое судебное рассмотрение.

Исходя из проанализированной практики Верховного Суда РФ и законодательства следует констатировать, что отмена приговора лишь в определенной части приговора невозможна. Таким образом, в рассматриваемых ситуациях итоговый судебный акт теряет силу и в отношении лиц, присутствовавших в ходе судебного разбирательства.

Соответственно, дело подлежит передаче на новое рассмотрение в отношении всех соучастников. Это означает, что лицо, осужденное очно и до отмены приговора отбывавшее наказание в местах лишения свободы, будет также участвовать в статусе подсудимого в ходе нового рассмотрения.

В таком случае может возникнуть вопрос об истечении предельных сроков, в рамках которых возможно привлечение к уголовной ответственности.

¹ Татьяна Л.Г., Тензина Е.Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 729.

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 04.07.2019 № 80-АПУ19-2сп // СПС «КонсультантПлюс».

Не исключено возникновение неоднозначной ситуации. Предположим, что приговор в отношении соучастников, вынесенный частично заочно, отменен в связи с устранением соответствующих исключительных обстоятельств, дело направлено на новое рассмотрение. Однако в отношении лица, уже отбывающего наказание, истек срок давности привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим подсудимый может быть освобожден. В этом случае можно говорить о нарушении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

Вместе с тем вероятность наступления этих негативных последствий допустимо исключить в рамках действующего правового регулирования.

Так, существует возможность выделения дела в отдельное производство с возможностью его дальнейшего направления в суд (ст. 154 УПК РФ). О правомерности применения данной процедуры в рассматриваемых ситуациях свидетельствует судебная практика.

Например, в одном из решений Верховный Суд РФ указывает: «После проведения ряда следственных действий... органы следствия пришли к выводу, что убийство К. совершил И. В связи с тем, что он скрылся от органов следствия, дело о нем было выделено в отдельное производство, заочно предъявлено обвинение в совершении разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом и в убийстве потерпевшего, сопряженном с разбоем»¹. В свою очередь в приговоре районного суда изложена следующая формулировка: «Из материалов дела видно, что Б. является соучастником преступления, уголовное дело в отношении него после предъявления заочного обвинения выделено в отдельное производство»².

Однако рассматриваемая процедура имеет свои особенности, на которые необходимо обратить внимание. Так, выделение в отдельное производство в отношении лица, обвиняемого заочно, возможно в подавляющем большинстве ситуаций только на этапе предварительного расследования на основании постановления следователя или дознавателя, принявшего решение об этом³.

Данный процесс можно разделить на три этапа.

1. Разработка следователем (дознавателем) конкретного правового обоснования, подтверждающего необходимость выделения дела. Он должен руководствоваться ч. 2 ст. 154 УПК РФ, в соответствии с которой выделение дела в отдельное производство не должно отразиться на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела.

2. Вынесение следователем (дознавателем), принявшим решение об этом, соответствующего постановления. С определенной долей условности выделение дела в отдельное производство с учетом возникающих правовых последствий можно приравнять к возбуждению нового уголовного дела. Это означает, что

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.07.2005 № 53-005-58 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/125908 (дата обращения: 17.04.2024).

² Обзор судебной практики Ивановского областного суда о рассмотрении уголовных дел в кассационном и надзорном порядке за 1 квартал 2008 года // ИПО «Гарант».

³ Вероятно, реализация данной процедуры не исключается также судом по результатам предварительного слушания (ст. 239.1 УПК РФ).

данное постановление необходимо направить прокурору, руководствуясь по аналогии положениями ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

3. Исполнение постановления тем же следователем (дознавателем), который вынес данное решение¹.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что процедура вынесения приговора в комбинированном порядке (очном и заочном одновременно) в случае совершения преступления в соучастии не отработана судебной практикой настолько, чтобы можно было говорить о ее однозначности. Данный вопрос требует детального изучения и соответствующей регламентации.

Правоприменителям следует на этапе предварительного расследования учитывать особенности таких дел при наличии перспективы заочного приговора. Это позволит своевременно определить потенциальные сложности, которые могут появиться в ходе судебного разбирательства, и, как следствие, даст возможность своевременно принять решение о выделении дела в отдельное производство.

Литература

1. Ильютченко Н.В. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого и заочное рассмотрение уголовных дел: соотношение понятий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Ю.Д. Лившица (2-3 апреля 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 233-236.

2. Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2009. 280 с.

3. Рязанцев В.А. Процессуальный порядок выделения уголовного дела и материалов в стадии предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2014. № 3 (27). С. 24-28.

4. Татьяна Л.Г., Тензина Е.Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 727-731.

¹ См. более подробно: Рязанцев В.А. Процессуальный порядок выделения уголовного дела и материалов в стадии предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2014. № 3 (27). С. 24-28.

Сложности квалификации приготовления к мошенничеству при получении выплат

Аннотация. На основе анализа конкретного прецедента иллюстрируется заблуждение относительно границ приготовления к мошенничеству при получении выплат. С учетом исследования положений ст. 30 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», правоприменительной практики сделан вывод о том, что иное умышленное создание условий для совершения преступления может быть длительным. По уголовному делу о приготовлении к преступлению, предусмотренному ст. 159.2 УК РФ, юридически значимыми обстоятельствами являются момент возникновения умысла на это хищение до начала создания условий для его совершения, а также заведомая осведомленность лица о полагающейся ему сумме социальной выплаты.

Ключевые слова: мошенничество, ст. 159.2 УК РФ, социальная выплата, приготовление к преступлению, ст. 30 УК РФ, умысел, создание условий

Правовая оценка неоконченных преступлений вызывает затруднения у правоприменителей, в частности, проблемы возникают при расследовании уголовных дел о приготовлении к хищению. Они обусловлены неоднозначностью сложившихся в судебной практике подходов к толкованию объективных и субъективных признаков¹, а также сложностями их доказывания. Любое сомнение суда относительно наличия таких признаков влечет постановление оправдательного приговора или отмену вышестоящими инстанциями обвинительного.

Например, Л. признан виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ. Суд посчитал доказанным, что у Л. в период до 02.10.2009 возник умысел на совершение хищения социальной выплаты на приобретение жилья (государственного жилищного сертификата) путем предоставления в жилищную комиссию ФКУ *** УФСИН России по Кировской области (далее – жилищную комиссию) заведомо ложных сведений о своем проживании по определенному адресу и последующем умолчании о своем проживании в другом месте, то есть об обстоятельствах, исключающих возможность получения выплаты. Реализуя задуманное, 09.10.2009 Л. приобрел жилой дом, оформив право собственности

¹ Архипов А.В. Проблемы применения ст. 159.2 УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности, Томск, 28–30 января 2016 года. Том Часть 70. Томск: Издательство Томского университета, 2016. С. 28-30.

на свою супругу. При этом Л. и члены его семьи не намеревались проживать в этом помещении, они лишь оформили фиктивную регистрацию. 07.12.2011 Л. предоставил в жилищную комиссию заявление и документы о включении его в состав участников одной из подпрограмм федеральной целевой программы «Жилище» на 2011-2015 годы. Решением жилищной комиссии, введенной Л. в заблуждение, 30.12.2011 Л. был признан участником подпрограммы. 23.04.2013 Л. обратился в ФКУ *** УФСИН России по Кировской области с заявлением о предоставлении ему государственного жилищного сертификата в 2014 году. При этом в заявлении Л. указал заведомо ложные сведения о том, что он проживает на определенной территории, а также умолчал о своем фактическом проживании в другом месте. На основании поданного заявления Л. включен в сводный список граждан-участников подпрограммы на получение социальной выплаты. Однако в связи с недостаточным объемом финансирования Л. ее не получил. В период с 23.04.2013 по 24.02.2015 Л. снес жилой дом, в связи с чем утратил ранее незаконно полученное им право на получение государственного жилищного сертификата. 08.06.2015 Л. с целью фиктивной регистрации на определенной территории обратился в жилищно-бытовую комиссию администрации сельского поселения с заявлением о предоставлении ему жилого помещения по определенному адресу. Было принято положительное решение и 01.10.2015 между Л. и администрацией сельского поселения заключен договор социального найма жилого помещения. 17.02.2016 Л. обратился в ФКУ *** УФСИН России по Кировской области с заявлением о предоставлении ему социальной выплаты в 2017 году. При этом в заявлении Л. указал заведомо ложные сведения о том, что он проживает на определенной территории, а также умолчал о своем фактическом проживании в другом месте. На основании поданных заявлений Л. включен в сводный список граждан-участников подпрограммы на получение государственного жилищного сертификата в сумме 3 078 216 рублей. Однако довести свои преступные действия до конца Л. не смог по независящим от него обстоятельствам ввиду их пресечения сотрудниками УФСБ России по Кировской области.

Апелляционным приговором Л. оправдан по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ в связи с недоказанностью момента возникновения умысла на хищение социальной выплаты до 02.10.2009 (т.е. до начала совершения действий, направленных на ее получение), отсутствием доказательств, опровергающих довод Л. о добросовестном заблуждении относительно законности своих действий при обращении с заявлениями об участии в подпрограмме по получению социальной выплаты. Кроме того, апелляционная инстанция посчитала не подтвержденными намерение Л. воспользоваться правовой неграмотностью членов жилищной комиссии и ввести их в заблуждение относительно проживания по определенному адресу, а также заведомую осведомленность о том, какую сумму он сможет получить, став участником подпрограммы. Одним из самых примечательных доводов стало суждение о стадии преступной деятельности: «в данном случае Л. лишь принял меры к получению сертификата, который мог бы подтвердить его право на получение

социальной выплаты, то есть применительно к преступлению, за которое он осужден, создал условия, которые могли повлечь наступление события, подлежащего квалификации как приготовление к мошенничеству»¹. Кассационная инстанция оставила апелляционный приговор без изменения².

Вместе с тем довод апелляционной инстанции относительно того, что Л. не приступил к приготовлению к мошенничеству при получении выплат видится необоснованным.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ «признание лица виновным в приготовлении к преступлению возможно лишь в том случае, если в ходе производства по уголовному делу судом будет установлен факт того, что лицом предпринимались перечисленные в части первой статьи 30 УК Российской Федерации действия, свидетельствующие о его реальном намерении совершить преступление, которое лишь в силу не зависящих от этого лица обстоятельств не было доведено до конца»³.

Одним из способов приготовления к преступлению согласно положениям ч. 1 ст. 30 УК РФ является иное умышленное создание условий. Уголовный закон не ограничивает во времени стадию приготовления и не исключает, что оно может совершаться в несколько действий. Поэтому обязательным условием выступает наличие прямого умысла на хищение социальных выплат⁴, возникшего до начала совершения действий по приготовлению к преступлению. В этой связи применительно к рассматриваемому примеру действительно важно установить момент возникновения у Л. умысла на хищение. В обоснование принятия решения об оправдании Л. апелляционная инстанция констатировала недоказанность этого юридически значимого обстоятельства.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁵ (далее - постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48) получение сертификата, подтверждающего право на получение социальной выплаты, квалифицируется как приготовление к мошенничеству при получении выплат. Здесь же акцентируется внимание на том, что должен быть доказан умысел лица на использование этого документа для совершения преступления, предусмотренного ч. 3 или 4 ст. 159.2 УК РФ. Как видится, данное разъяснение ориентирует суды на разграничение стадий приготовления и покушения. В этом пункте Пленум Верховного Суда РФ не затрагивает вопрос о начале стадии приготовления к хищению. Поэтому ссылку на него апелляционной инстанцией

¹ Апелляционный приговор Кировского областного суда от 15.03.2021 № 22-475 // ГАС «Правосудие».

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 № 77-4130/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 573-О-О // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision63232.pdf> (дата обращения: 02.05.2024).

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9. С. 32-34.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: <https://www.vsrp.ru/files/26106/> (дата обращения: 02.05.2024).

по делу Л. можно рассматривать как ограничительное толкование ч. 1 ст. 30 УК РФ, основанное на неправильной интерпретации подхода высшей судебной инстанции к решению вопроса о стадиях мошенничества при получении выплат.

Конституционный Суд РФ¹ и Верховный Суд РФ² неоднократно подчеркивали, что само по себе обращение с целью получения выплат из бюджета хотя и может быть необоснованным, но при условии предоставления всех необходимых достоверных документов не свидетельствует об обмане и направленности умысла на хищение. В этом случае выплата производится ввиду допущенной должностными лицами при проверке документов ошибки.

О наличии признаков хищения бюджетных средств может свидетельствовать обращение заявителя с целью необоснованного получения социальных выплат, соединенное с представлением заведомо подложных документов³ и (или) утаиванием юридически значимой информации. По справедливому замечанию П.С. Яни, это создает у представителей органов, осуществляющих соответствующие выплаты, ложное представление о наличии оснований для передачи именно ему, мошеннику, денежных средств⁴. Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, военнослужащий осужден по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ за незаконное получение и реализацию государственного жилищного сертификата, несмотря на то, что на момент включения в списки нуждающихся в жилом помещении на территории РФ он соответствовал необходимым критериям, однако потом приобрел жилое помещение и утаил этот факт при подаче заявления о выдаче сертификата⁵.

В анализируемом примере фактическое проживание Л. на определенной территории было обязательным условием для признания его и членов семьи участниками Федеральной целевой программы, а также включения в число лиц, которым должен быть выдан государственный жилищный сертификат в конкретном календарном году. В этой связи действия Л., направленные на создание видимости проживания в населенном пункте, и предоставление документов об этом в жилищную комиссию, были необходимыми этапами на пути к получению государственного жилищного сертификата.

В ч. 2 ст. 30 УК РФ предусмотрено, что уголовно наказуемым является

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1832-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.04.2021 № 211-УД21-1-К10; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.11.2020 № 7-ПК20 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 15.11.2022 № 22-1611/2022 // ГАС «Правосудие».

⁴ Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 4 (966). С. 26.

⁵ Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 24.06.2022 № 22-92/2022 // ГАС «Правосудие».

приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Поэтому к уголовной ответственности за приготовление к мошенничеству при получении выплат может быть привлечено лицо, умыслом которого охватывается получение бюджетных денежных средств в сумме не менее 250 000 рублей (т. е. намеревающегося похитить чужое имущество в крупном или особо крупном размере)¹. В этой связи в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 сделан акцент, что жилищный сертификат должен быть получен для совершения преступления, предусмотренного ч. 3 или 4 ст. 159.2 УК РФ.

По уголовному делу в отношении Л. апелляционная инстанция также упоминала об этом, однако нашла недоказанной осведомленность Л. о причитающейся ему сумме социальной выплаты. Ввиду того, что данное обстоятельство имеет принципиальное значение, рекомендуется уделить особое внимание его доказыванию.

Следует учитывать, что в соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, по общему правилу, стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, определяется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. В этом разъяснении высшая судебная инстанция не сделала каких-либо оговорок относительно неоконченных хищений. Согласно сложившейся судебной практике в случае, когда умысел на мошенничество не удалось реализовать по не зависящим от лица обстоятельствам, стоимость предмета посягательства определяется на дату пресечения либо прекращения криминального посягательства². Суд первой инстанции по уголовному делу в отношении Л. посчитал установленным, что на дату пресечения его противоправной деятельности в 2017 году «Л. включен в сводный список граждан-участников подпрограммы на получение государственного жилищного сертификата в сумме

¹ Неустановление направленности умысла является одним из оснований для отмены приговоров по уголовным делам о неоконченных хищениях. См., например: апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.06.2020 № 22-186/2020 // ГАС «Правосудие».

² К примеру, по приговору Архангельского областного суда от 26.06.2020 № 2-4/2020, оставленному без изменения апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 06.04.2021 № 55-130/2021 и кассационным определением Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 1-УД21-19-А2, несколько лиц осуждены, в частности, по п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ за убийство в марте 2015 года потерпевшего с целью последующего завладения его квартирой. После убийства посягающие похитили паспорт собственника жилого помещения, переклеили в нем фотографию, но приступить к выполнению объективной стороны мошенничества не смогли по не зависящим от них обстоятельствам, поскольку родственники потерпевшего обратились в правоохранительные органы с заявлением о его безвестном исчезновении. В этой связи реализация преступного плана стала невозможна. Осужденные вынужденно прекратили свои действия по приобретению путем обмана права на квартиру стоимостью 2 151 172 руб., направленные на причинение потерпевшему ущерба в особо крупном размере и лишение его права на жилое помещение. Стоимость жилого помещения определена на основании заключения эксперта о стоимости квартиры потерпевшего по состоянию на март 2015 года // СПС «КонсультантПлюс».

3 078 216 рублей». При таком условии в случае доказанности всех признаков объективных и субъективных признаков в действиях Л. усматривается ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ.

Примечательно, что по другому уголовному делу суд также постановил оправдательный приговор по ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, приведя аргументы, аналогичные доводам апелляционной инстанции по делу Л.¹ В связи с данной ситуацией сторона обвинения обратилась в целях научно-практического консультирования в Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева. Авторами настоящей статьи на основе исследования представленных сведений о фактических обстоятельствах содеянного в письменном виде высказано мнение об ошибочности суждений, приведших к оправданию подсудимого. Позднее этот приговор был отменен кассационной инстанцией ввиду неправильного применения уголовного закона, поскольку приготовление к мошенничеству при получении выплат не ограничивается получением жилищного сертификата². В настоящее время данное уголовное дело вновь рассматривается судом первой инстанции³.

В заключение следует отметить, что в ч. 1 ст. 30 УК РФ не содержится временных рамок приготовления к преступлению. В ходе расследования уголовного дела о приготовлении к мошенничеству при получении выплат необходимо уделять особое внимание доказыванию момента возникновения умысла на это хищение до начала создания условий для его совершения, а также заведомой осведомленности лица о полагающейся ему сумме социальной выплаты.

Литература

1. Архипов А.В. Проблемы применения ст. 159.2 УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности, Томск, 28–30 января 2016 года. Том Часть 70. Томск: Издательство Томского университета, 2016. С. 28-30.
2. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 4 (966). С. 23-28.

¹ Приговор 26 гарнизонного военного суда от 07.07.2023 № 1-13/2023 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

² Кассационное определение Кассационного военного суда от 06.02.2024 № 77-83/2024 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

³ Информация по делу № 1-13/2024 на сайте 26 гарнизонного военного суда // URL: https://26gvs--kaz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18017703&case_uid=4bd19baf-d628-4486-9c9c-7d9775c0d989&delo_id=1540006 (дата обращения: 02.05.2024).

**О сущности нового основания освобождения
от уголовной ответственности и его некоторых недостатках**

Аннотация. В статье рассмотрены новые основания освобождения от уголовной ответственности, наказания и погашения судимости в связи с призывом лица на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Автор сравнил внесенные в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс РФ изменения с законом № 270-ФЗ от 24.06.2023. Отмеченные недостатки указывают на экстраординарный характер нового основания для освобождения от уголовной ответственности, которые не позволяют приравнивать его ни к одной из известных форм деятельного раскаяния.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, погашение судимости, военнослужащие, мобилизация, военное положение, военное время, специальная военная операция

23 марта 2024 года опубликован федеральный закон № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Он был принят на смену закона № 270-ФЗ от 24.06.2023, который существовал в полном противоречии с идеями права. Только в нем были предусмотрены во многом сходные с новыми основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также погашения судимости. Уголовное законодательство России состоит из Уголовного кодекса, и новые, предусматривающие уголовную ответственность, законы должны быть включены в него (ст. 1 ч. 1 УК РФ). Отсутствие соответствующих изменений в кодифицированных нормативно-правовых актах не без оснований критиковалось учеными¹ и ожидаемо привело к затруднениям при реализации положений статей 3 и 4 федерального закона № 270-ФЗ.

Первоначально необходимо отметить, что практика формирования воинских частей из совершивших преступление лиц не нова и характерна для многих государств². Исследователи отмечают, что во время Великой Отечественной

¹ См., например: Головкин Л.В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы. Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26-28.

² Шишков А.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 259.

войны на фронт было направлено около 400 тысяч осужденных военнослужащих с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, что сопоставимо с численностью личного состава одного фронта¹. Разработчики законопроекта учли уроки истории и отметили успешный опыт рекрутирования ЧВК «Вагнер» заключенных². Новый закон позволяет комплектовать Вооруженные Силы России за счет призыва или поступления на военную службу осужденных и привлеченных к уголовной ответственности лиц. При существующей ситуации он составляет проверенную временем альтернативу полномасштабной мобилизации³, а равно объявлению состояния войны. В последнем случае в жизни правового государства происходят серьезные изменения – *inter arma silent leges*⁴.

При всех своих положительных в масштабах всего государства качествах принятый закон не только не разрешил недостатки прежнего закона, но и преумножил их. К их числу следует отнести небесспорный перечень преступлений, предусмотренных частью первой ст. 78¹ УК РФ. Анализ состояния судимости приводит к выводу, что фокус-группой нового основания освобождения являются лица, которые привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности, против жизни и здоровья, против здоровья населения и общественной нравственности, против безопасности движения и эксплуатации транспорта и против собственности⁵. Особую тревогу здесь вызывает вероятность освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлеченных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, против порядка управления и военной службы.

По новому закону освобождению от уголовной ответственности или наказания подлежат лица, обвиняемые и осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Примечательно, что в первоначальной редакции части первой ст. 78¹ УК РФ речь шла о лице, совершившем преступление небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных частью второй ст. 200¹, частью первой ст. 205², пунктом «б» части второй ст. 215⁴, частями первой и второй ст. 217¹, частями первой и второй ст. 220, частью первой ст. 221, частью первой ст. 274¹, ст. 280, ст. 280¹, частью первой ст. 280⁴, частью первой ст. 283, частью первой ст. 283¹, частями первой и

¹ Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. Москва: Воениздат, 1993. С. 140.

² Корня А., Веретенникова К. Искушение в законе. Сетевое издание «Коммерсантъ» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043282> (дата обращения: 24.04.2024).

³ Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Во время войны законы безмолвствуют (лат.).

⁵ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 24.04.2024).

второй ст. 283² и 284 УК РФ¹. Однако ко второму чтению указание на тяжесть совершенного преступления из законопроекта исчезло. В несколько сокращенной редакции такой перечень исключений преступлений был закреплен в ранее действовавшем законе, однако в нем говорилось только о судимых². Этот закон распространялся на обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой ст. 205², частями первой и второй ст. 220, частью первой ст. 221 и ст. 280 УК РФ, в отношении которых осуществляется предварительное расследование.

С позиций криминологических исследований освобождение лиц от уголовной ответственности продолжает оставаться не вполне оправданным. Дело в том, что риск повторного совершения преступления освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лицом в сравнении с ранее не привлекавшимся к уголовной ответственности лицом удваивается. Такие лица вновь оказываются на скамье подсудимых, причем за совершение тяжких или особо тяжких преступлений³. После такого освобождения от уголовной ответственности лицо не приобретает судимости⁴ и выпадает из поля зрения правоохранительных органов. Вслед за отказом от решения профилактических задач остается нереализованной воспитательная функция уголовно-правового воздействия. В дополнение к этому закон не запрещает повторного освобождения такого лица по этому, предусмотренному ст. 78¹ УК РФ или любому иному основанию. Следствием этого может быть упрочение антисоциальных установок лица, привлеченного к уголовной ответственности за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, вернуть которого к жизни на «гражданке» после участия в боевых действиях становится непосильной задачей.

В угоду публичным интересам законодатель в очередной раз отказал потерпевшему в соблюдении его конституционных прав. Если для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа получать его согласие не

¹ Законопроект N 569651-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время). Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8> (дата обращения: 24.04.2024).

² Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Данелян Р.С., Данелян С.В. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности с назначением судебного штрафа // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 07 октября 2016 г Саратов: Издательство «Саратовский источник». 2016. С. 66.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (п. 2) // СПС «КонсультантПлюс».

требуется¹, то для прекращения уголовного преследования на основании ст. 28² УПК РФ необязательно выяснять мнение потерпевшего на этот счет и требовать от виновного возмещения ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда иным образом. Согласно части второй ст. 3 закона касающиеся гражданского иска вопросы подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Для этого после получения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) потерпевший вынужден обращаться с исковым заявлением в суд и предоставлять достаточные для этого доказательства (ст. 56 ГПК РФ). Фактически такой порядок равнозначен отказу в рассмотрении заявленного в уголовном деле гражданского иска. Он существенно затрудняет гарантированное ст. 45, 52, 53 Конституции РФ право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, опосредует реализацию предназначения уголовного судопроизводства, вынуждая дублировать исследование одних и тех же преступных обстоятельств (ст. 6 ч. 1 п. 1 УПК РФ).

В целях облегчения и без того незавидного положения потерпевшего С.В. Валов предлагает возложить на следователя обязанность по предоставлению в суд документов, необходимых для разрешения вопроса об удовлетворении требований гражданского истца². Следователь вправе довести информацию о наличии исковых требований по уголовному делу до обвиняемого (подозреваемого) любым доступным для этого способом. Такая информация может быть изложена в ходе допроса или представлена в виде отдельного процессуального документа, например, протокола разъяснения прав³. После получения предусмотренного частью второй ст. 28² УПК РФ ходатайства о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу на основании ст. 208 ч. 1 п. 3¹ УПК РФ следователь вправе направить командованию воинской части (учреждению) документ с разъяснением обвиняемому (подозреваемому) его процессуальных прав, в том числе его права возместить причиненный преступлением ущерб.

Из отсутствия прямой обязанности виновного возместить причиненный преступлением ущерб вытекает вывод о необязательности выяснения его отношения к вине. Обвинение по уголовному делу представляет собой соответствующую уголовному закону формулировку с изложением фактических обстоятельств дела, которые включают в себя вину, цель, мотивы деяния, а также характер и размер причиненного вреда. Для ряда нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности признание вины является одним из его условий. В противном случае, отказываясь от возмещения ущерба, отрицая

¹ Галдин М.В. Практика прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа: учебное пособие. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2023. С. 41-44.

² Валов С.В. Обеспечение следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в досудебном производстве возмещения вреда, причиненного преступлениями: методическое издание. М.: Московская академия Следственного комитета, 2024. С. 133-134.

³ Галдин М.В. Порядок прекращения уголовного дела и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства: методические рекомендации. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2023. С. 9-10, 32-35.

свою вину в совершении преступления и, следовательно, в наступивших общественно опасных последствиях, лицо в целом выражает свое несогласие с решением о прекращении уголовного преследования (ст. 28² ч. 3 УПК РФ). По этой причине в материалах уголовного дела рекомендуется отражать согласие лица с предъявленным обвинением.

Отмеченные недостатки позволяют утверждать, что условия нового основания для освобождения от уголовной ответственности не укладываются в существующие концепции восстановительного правосудия и возмещения вреда как основания для освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 75, 76¹, 76² УК РФ. Позитивное посткриминальное поведение, как необходимое условие освобождения от уголовной ответственности, должно быть направлено на восстановление погрязших в результате совершения преступления общественных отношений либо указывать на снижение общественной опасности виновного. В отсутствие сведений об этом сделать вывод о его деятельном раскаянии и освободить его от уголовной ответственности не представляется возможным.

Согласно ст. 78¹ УК РФ спектр позитивного посткриминального поведения виновного сконцентрирован на юридическом факте получения государственной награды или увольнения с военной службы по возрасту, состоянию здоровья либо в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени¹. Искупление вины за совершенное преступление происходит в период прохождения военной службы только перед государством, но не перед потерпевшим. Представляется очевидным, что такие события не могут быть отнесены ни к одной из известных форм возмещения ущерба: реституции, компенсации, реабилитации, сатисфакции².

Более того, нормы нового закона являются императивными по своему характеру, то есть при наступлении любого из предусмотренных частью первой ст. 78¹ УК РФ, частью второй ст. 80² УК РФ, частью третьей¹ ст. 86 УК РФ оснований возникает обязанность принять соответствующее решение. Никакой свободы усмотрения правоприменителя, в том числе обязанности проанализировать совокупность установленных по уголовному делу обстоятельств конкретного дела, новые нормы закона не предполагают. Выполнение предусмотренных новым законом условий рассматривается в качестве универсальных для освобождения от уголовной ответственности, наказания либо погашения судимости лица, совершившего любое преступление, кроме прямо предусмотренных частью первой ст. 78¹ УК РФ преступлений. На наш взгляд, такой подход противоречит принципам справедливости и индивидуализации уголовно-правового воздействия (ст. 6 УК РФ) и лишь усугубляется отказом от возложения бремени возмещения ущерба на виновного и выяснения его отношения к предъявленному обвинению.

¹ Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 51 п. 1 п.п. «а», «в» и «о») // СПС «КонсультантПлюс».

² Валов С.В. Указ. соч. С. 80-86.

Изложенное не позволяет приравнивать предусмотренное ст. 78¹ УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности к деятельному раскаянию. По сравнению с действовавшим до 23 марта 2024 года законом новое основание для освобождения от уголовной ответственности еще больше дистанцировалось от деятельных форм раскаяния. В настоящее время оно представляет собой экстраординарное основание, которое при внимательном рассмотрении обнаруживает определенное сходство с казалось бы канувшим в Лету освобождением от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК РФ).

Литература

1. Валов С.В. Обеспечение следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в досудебном производстве возмещения вреда, причиненного преступлениями: методическое издание. М.: Московская академия Следственного комитета, 2024. 200 с.

2. Галдин М.В. Практика прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа: учебное пособие. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2023. 116 с.

3. Галдин М.В. Порядок прекращения уголовного дела и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства: методические рекомендации. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2023. 45 с.

4. Головки Л.В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26-28.

5. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. Москва: Воениздат, 1993. 415 с.

6. Данелян Р.С., Данелян С.В. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности с назначением судебного штрафа // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 07 октября 2016 г. Саратов: Издательство «Саратовский источник». 2016. С. 63-73.

7. Шишков А. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 258-262.

О некоторых вопросах применения меры пресечения и назначения наказания за ненасильственные преступления

Аннотация. В статье изучаются и анализируются положения законодательства, доктринальные позиции и судебная практика по вопросам, связанным с уголовно-правовой оценкой деяний, подпадающих под признаки «ненасильственных преступлений». Исследование проведено в контексте актуального тренда на гуманизацию уголовного законодательства, в том числе отраженного в поручениях Президента РФ в части корректировки правоприменительной практики. В качестве эмпирической основы использована практика судов всех уровней (первая инстанция, апелляция, кассация), а также материалы досудебного производства. Рассматриваются вопросы применения меры пресечения и назначения наказания по заявленной тематике. Исследуются проблемы, связанные с оценкой общественной опасности соответствующих деяний. Предлагаются варианты совершенствования уголовного закона и практики его применения.

Ключевые слова: гуманизация уголовного законодательства, уголовно-правовая охрана, меры пресечения, назначение наказания, общественная опасность, ненасильственное преступление

Перечень поручений Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 7 декабря 2022 года, содержит рекомендацию Верховному Суду Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России, Минюстом России, ФСИН России и Общественной палатой Российской Федерации проанализировать практику заключения под стражу лиц, обвиняемых в ненасильственных преступлениях, в том числе лиц, страдающих заболеваниями, и женщин, имеющих малолетних детей, и при необходимости представить предложения по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на гуманизацию правосудия (п. 17)¹.

В октябре 2023 года Верховным Судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс РФ изменений, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу. В частности, предлагается дифференцировать условия заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых в преступлениях средней тяжести насильственного и

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (утв. Президентом РФ 12.01.2023 № Пр-19) // СПС «КонсультантПлюс».

ненасильственного характера, а также в отношении женщин, имеющих малолетних детей и лиц, страдающих заболеваниями. В октябре 2023 года комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству поддержал законопроект, после чего он был принят в первом чтении¹.

Представляется, что такое изменение закона способно существенным образом скорректировать правоприменение.

Как показывает изучение судебной практики, перечень преступлений, которые по конструкции составов (по объективной стороне) могут быть отнесены к так называемым «ненасильственным» (данный термин новый, классификация / градация преступлений по данному признаку официально не производится), является весьма обширным. Из наиболее распространенных в судебной практике к категории таковых могут быть отнесены все виды хищений без квалифицирующих признаков (а хищения – это самые распространенные преступления), деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, должностные преступления, преступления коррупционной направленности, преступления в сфере нарушения специальных правил, доведение до самоубийства, хулиганство, клевета, развратные действия, угон, вымогательство, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и др.

Перечень статей Особенной части УК РФ, подпадающих под заданный критерий, может быть весьма «пестрым»: ст. 110, 128.1, 134, 135, 143, 215, 216-219, 158, 158.1, 159, 159.1-159.7, 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 166, 169-200.6, 205, 207, 205-210.1, ч. 1 ст. 213, 222-226.1, 228-234.1, 246-262, 263-271.1, 280, 280.1, 282, 282.1-282.3, 285-288, 291, 291.1, 291.2, 292, 293 и др.

Применительно к избранной мере пресечения упоминание о «ненасильственном преступлении» встречается в Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей Верховного Суда РФ, где, в частности, со ссылкой на ст. 99 УПК РФ констатировано, что, «руководствуясь данной нормой закона, предписывающей дифференцированно подходить к избранию меры пресечения, суды отказывают в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу и избирают другие меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, а в ряде случаев и более тяжкого преступления, в частности, когда лицо имеет постоянное место жительства и устойчивые социальные связи, у него

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2023 № 19 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями» // СПС «КонсультантПлюс».

отсутствуют судимости. Преимущественно такие решения принимались по делам о преступлениях ненасильственного характера»¹.

Выборочное изучение подходящих под заданные критерии судебных актов показало, что в ряде случаев суды прямо ссылаются в обоснование своих выводов об отказе в избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу на ненасильственный характер инкриминированного деяния.

Например, отменяя ранее принятые судебные решения, Второй кассационный суд общей юрисдикции указал, что «ФИО1 обвиняется в вымогательстве, то есть требовании передачи чужого имущества, под угрозой распространения сведений, позорящих близких родственников потерпевшего, то есть в совершении преступления ненасильственного характера. ФИО1 является матерью-одиночкой, воспитывающей малолетнего ребенка, до задержания работала»².

В других случаях данному признаку выдвинутого против лица обвинения не придается самостоятельного значения. Например, Первый апелляционный суд общей юрисдикции не согласился с доводами стороны защиты о том, что инкриминированное обвиняемому преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 290 УК РФ, «является не насильственным и не несет общественной опасности»³, отметив, что «условия индивидуального исследования обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о мере пресечения в отношении каждого обвиняемого, судом первой инстанции соблюдены»⁴. Аналогичные решения принимались Пятым кассационным судом общей юрисдикции и др.⁵.

Изучение складывающейся практики показало, что ссылка на насильственный или ненасильственный характер предъявленного обвинения крайне редко встречается как в судебных решениях, так и в ходатайствах органов предварительного расследования об избрании или продлении меры пресечения. Возможно, это связано с отсутствием соответствующего положения в законе, согласно которому при решении вопроса об избрании меры пресечения учитывается тяжесть предъявленного обвинения (ст. 99 УПК РФ), которая определяется другими критериями, в т.ч. категоризацией преступления в соответствии со ст. 15 УК РФ.

Однако при более широком толковании закона не исключается и учет характера выдвинутого обвинения (насильственный либо нет), с точки зрения наличия оснований для избрания меры пресечения, предусмотренных ст. 97 УПК

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15185/> (дата обращения: 02.05.2024).

² Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 № 77-3391/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.04.2021 № 55к-531/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

⁵ См.: кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2020 № 77-1133/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

РФ – лицо может скрыться, продолжить преступную деятельность, оказать воздействие на участников уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, иным способом воспрепятствовать производству по делу.

Достаточно очевидно, что по насильственным посягательствам степень их интенсивности столь высока, что может вызывать обоснованное предположение о совершении обвиняемым лицом вышеуказанных действий, требуя более жестких мер пресечения, возможно – самой суровой меры в виде заключения под стражу. В свою очередь, по иным посягательствам риск менее высок.

Об этом упоминает А.В. Галахова в контексте возможного задержания лица, совершившего преступление: «допустимый вред, причиняемый лицу, совершившему ненасильственное преступление небольшой или средней тяжести, например кражу, значительно меньше, чем вред, причиняемый преступнику, осуществившему тяжкое насильственное преступление»¹. Здесь же, правда, автор делает оговорку, что «имеет значение и обстановка задержания. Такие ее характеристики, как время суток, место задержания, наличие других людей, могут серьезно изменить ситуацию и сделать причинение вреда преступнику излишним»².

В другом источнике раскрывается, что «вид и интенсивность мер задержания определяются с учетом объекта и способа совершенного посягательства, использованных орудий и средств, характера и размера причиненных общественно опасных последствий, формы и степени вины и др. Например, при задержании лица, совершившего карманную кражу, являющуюся ненасильственным преступлением против собственности, недопустимо причинение тяжкого вреда здоровью. Если же лицо совершило разбойное нападение и убийство потерпевшего, причинение тяжкого вреда здоровью задерживаемого правомерно. Чем тяжелее совершенное преступление, чем опаснее личность преступника, тем больший вред ему может быть причинен при задержании. Так, если задерживается преступник, неоднократно судимый за совершение преступлений, то ему может быть причинен более тяжелый вред, чем лицу, совершившему преступление впервые»³.

Применительно к вопросам меры пресечения – действительно, с одной стороны, обвинение лица в ненасильственном преступлении, например, в хищении, позволяет оценить личность как менее опасную для общества, нежели того, кто обвиняется в преступлении насильственным (например, в убийстве или вооруженном разбое). С другой стороны, нельзя исключить совершение предусмотренных ст. 97 УПК РФ действий лицом, обвиненном в ненасильственном преступлении, и в этом случае какая-то более мягкая мера

¹ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с. // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с. // СПС «КонсультантПлюс».

пресечения, не связанная с изоляцией лица от общества, не позволит достичь целей, для которых мера пресечения должна быть избрана, не исключит возможное воздействие обвиняемого на других участников, возможность скрыться и т.д. Соответственно, представляется важным поиск разумного баланса, основанного на реальной оценке конкретных фактических обстоятельств и оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. В целом практика ориентирована именно на такой подход¹. Вместе с тем критерий оценки деяния как насильственного или ненасильственного является достаточно новым и во многом оценочным, что может привести к не единообразному его пониманию и применению. Проиллюстрированные выше примеры из практики подтверждают вышеуказанную проблему.

Если обратиться к понятию насилия или угрозы применения насилия, то можно отметить, что эти признаки во многих случаях указывают именно на квалифицированные составы преступления, обуславливающие более строгую ответственность. Соответственно, можно предположить, что законодатель оценивает эти деяния как обладающие более выраженным свойством «общественной опасности».

В свою очередь, научный спор о понятии общественной опасности на сегодняшний день не только не закрыт, но и получил новый виток с учетом изменения общественных и политических реалий, криминализации отдельных деяний, постоянного дополнения УК РФ новыми составами преступлений и новыми альтернативными наказаниями и т.д.

Автору близко понимание общественной опасности, сформулированное А.В. Наумовым, как «способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»². Вместе с тем, эта позиция, как и ряд других, до сих пор являются предметом острых споров и диспутов³, наглядно демонстрируя сложность единообразного понимания любых оценочных терминов и их производных.

Исходя из понятия преступления как общественно опасного деяния, имеющего характер и степень, учитываемых в том числе при назначении судом уголовного наказания, представляется, что предлагаемый законопроектом новый критерий оценки деяний как насильственного или ненасильственного должен быть связан с оценкой его общественной опасности, основанной в том числе на категории тяжести, являющейся одним из условий для применения к лицу той или иной меры пресечения.

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., Юрид. лит., 2004. С. 156.

³ Об этом наглядно показано в статье: Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерий верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124-140.

Безусловно, как будет складываться практика – покажет время. Тем не менее, очевидно, что характер деяния по признаку применения или неприменения насилия становится предметом отдельной оценки (с учетом всех фактических обстоятельств и обстановки его совершения) в целях законного и обоснованного решения о применении меры пресечения.

При обращении к итоговым судебным актам (обвинительным приговорам) в рамках изучаемого вопроса установлено, что подавляющее большинство судебных постановлений первой и (или) апелляционной инстанции были изменены и отменены в кассационном порядке по вопросам назначения наказания, связанным с применением специальных правил, когда неправильное применение уголовного закона влечет несправедливость (чрезмерную мягкость или суровость) приговора.

Что касается смягчения ответственности или наказания со ссылкой на насильственный или ненасильственный характер деяния, то такая формулировка сама по себе крайне редко встречается в судебных решениях, поскольку при назначении наказания в соответствии со ст. 60 УК РФ суд учитывает характер общественной опасности преступления, который определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления (криминообразующих и квалифицирующих, в т.ч. связанных с применением или неприменением насилия). Примеров, когда суды прямо ссылались на ненасильственный характер преступления (в отрыве от общих начал назначения наказания согласно ст. 60 УК РФ) за анализируемый период не выявлено.

Также при оценке степени общественной опасности преступления суды учитывают (и ссылаются в приговорах) на конкретные обстоятельства содеянного, способ совершения преступления, вид умысла и т.д.

Примеров, когда в качестве обоснования вида или размера назначаемого лицу наказания прямо указывался насильственный или ненасильственный характер деяния, не установлено.

Кроме того, корреляция общественной опасности деяния и насилия (с позиции выбора вида и размера наказания) не всегда возможна или по меньшей мере затруднительна, учитывая, что ряд преступных деяний, в силу закона являющихся тяжкими и особо тяжкими преступлениями, не предполагают насилие или угрозу его применения в качестве признака состава преступления (например, деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств, хищения в крупном и особо крупном размере и др.). Соответственно, в этих случаях аргумент о том, что деяние носит ненасильственный характер, теряет свою юридическую силу.

Как показало изучение судебных актов, в случае назначения наказания, подлежащего реальному исполнению, суды приводили мотивы невозможности применения к подсудимому условного осуждения, основанные в т.ч. на характере выдвинутого обвинения, без отдельного указания на то, является ли совершенное преступление насильственным или нет.

Примеров, когда в кассационных жалобах или представлениях оспаривается несправедливость назначенного наказания исключительно по мотиву отнесения

совершенного деяния к категории «ненасильственного преступления», автором статьи не найдено.

В качестве возможного примера установлен единичный случай, когда Третьим кассационным судом общей юрисдикции были изменены судебные решения первой и апелляционной инстанции в отношении Б., осужденного к лишению свободы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, путем исключения из описательно-мотивировочной части приговора указания на учет при назначении наказания «дерзкого характера преступления» и суммы ущерба, со снижением наказания на 1 месяц¹.

По вопросам же, связанным с освобождением от наказания, заменой наказания более мягким видом, отсрочкой от отбывания наказания по основаниям, предусмотренным статьями 79-82 УК РФ, характер преступления, за которое осуждено лицо, учтен быть не может.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»² характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному.

Что касается предполагаемых изменений уголовно-процессуального законодательства, в частности, законопроекта, направленного на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, которым инкриминируются преступления средней тяжести ненасильственного характера, то, на наш взгляд, его принятие может способствовать совершенствованию закона и правовой определенности.

Литература

1. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124-140.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., Юрид. лит., 2004. 496 с.
3. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов,

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2022 № 77-293/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.

4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.

УДК 343.15
ББК 67.410.2

О.Г. Зацепина

Следственные ошибки как препятствие для своевременного рассмотрения уголовного дела судом

Аннотация. В статье рассмотрены практические случаи, при которых односторонность и неполнота предварительного расследования, ошибки в оценке доказательств, неправильная или неполная квалификация действий обвиняемого, технические опiski послужили основанием возвращения уголовного дела для организации дополнительного следствия. Проанализировано, как такие ошибки затрагивают конституционные права граждан, а также влияют на быстроту вынесения по делу итогового решения судом.

Ключевые слова: суд, прокурор, предварительное расследование, обвинительное заключение, типичная ошибка

Обвинительное заключение – итоговый процессуальный документ предварительного расследования, содержащий описание преступного деяния в том виде, в котором оно установлено на момент окончания предварительного расследования по уголовному делу. В обвинительном заключении дается юридическая квалификация преступления, приводятся доказательства стороны обвинения и стороны защиты, а также содержится иная информация, имеющая значение для последующего рассмотрения и разрешения уголовного дела судом первой инстанции.

Аксиоматично утверждение о том, что от качества составленных процессуальных актов во многом зависит эффективность предварительного расследования по уголовному делу. В данном контексте обвинительное заключение выступает в качестве наиболее важного и содержательного акта, завершающего стадию предварительного расследования.

Согласно требованиям уголовно-процессуального закона суд в ходе судебного разбирательства призван обеспечивать соблюдение всех нормативно-правовых предписаний, необходимых для вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения по делу.

В случае выявления допущенных органами предварительного расследования процессуальных нарушений суд вправе вернуть уголовное дело прокурору с

целью приведения процедуры предварительного расследования, а также обвинительного заключения, в соответствие с требованиями, установленными уголовно-процессуальным законом.

Статьей 220 УПК РФ установлены основные положения, подлежащие отражению в обвинительном заключении. Несмотря на подробное описание законодателем требований к составлению обвинительного заключения, на практике все же встречаются случаи, когда обвинительное заключение составлено с нарушением, что влечет за собой возвращение уголовного дела органу предварительного расследования.

Не вызывает сомнений, что нарушения закона, допущенные при составлении обвинительных заключений, в подавляющем большинстве случаев выявляются прокурором при изучении уголовного дела перед направлением в суд. Однако на практике встречаются случаи, когда такие нарушения выявляются уже после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Основанием для этого являются допущенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям законности и справедливости.

В случае, если в процессе предварительного слушания будет установлено наличие препятствий для рассмотрения судом поступившего уголовного дела, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для устранения таких препятствий. При этом наличие ходатайства сторон не является обязательным.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в статьях 220, 225 УПК РФ положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта. В частности, исключается возможность вынесения судебного решения в случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; когда обвинительное заключение или обвинительный акт не подписан следователем, дознавателем либо не утвержден прокурором; когда в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указание на прошлые судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу, и др.¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

С момента вступления в законную силу Федерального конституционного закона от 04.10.2022 № 6-ФКЗ¹ на территории Луганской Народной Республики действуют законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации. Следовательно, со дня принятия в Российскую Федерацию уголовное судопроизводство на территории Луганской Народной Республики осуществляется исключительно согласно требованиям УПК РФ.

Анализ судебной практики Луганской Народной Республики показал, что в 2019 г. судами Луганской Народной Республики было возвращено прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом 88 уголовных дел, в 2020 г. – 49 дел, а в 2022 г. – 59 уголовных дел. В 2023 году количество возвращенных прокурору уголовных дел снизилось на 54 % и составило всего 27 уголовных дел по Республике.

Не вызывает сомнений, что положительное влияние на данный показатель оказало внедрение в деятельность органов предварительного расследования Луганской Народной Республики устоявшейся практики расследования преступлений, сформировавшейся в Российской Федерации.

Кроме того, значительное снижение количества возвращенных прокурору уголовных дел судами обусловлено использованием следственными органами Республики ведомственных методических рекомендаций по расследованию преступлений различной категории.

По своей правовой природе возвращение уголовного дела судом прокурору для устранения препятствий его рассмотрения отличается от возвращения уголовного дела прокурором следователю для организации дополнительного следствия.

Несмотря на это, изучение прокурорской и судебной практики позволило выявить ряд одинаковых, наиболее часто встречающихся ошибок при составлении обвинительного заключения, которые явились основанием для возвращения уголовного дела органу предварительного расследования.

Среди таких ошибок значительную часть занимает односторонность и неполнота предварительного расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании. Односторонность и неполнота предварительного расследования является одной из основных причин возвращения уголовного дела прокурором органу предварительного расследования и выявляется в подавляющем большинстве случаев на стадии изучения уголовного дела прокурором перед утверждением обвинительного заключения и направлением уголовного дела в суд.

Полнотой расследования в уголовно-процессуальной науке называют совокупность доказательств, которая является достаточной и необходимой для достоверного уточнения того либо иного факта. По данным исследования уголовных дел, значительная часть пробелов в расследовании заключается в недоказанности такого важного элемента предмета доказывания, как виновность

¹ Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс».

обвиняемого, половина ошибок этого вида – недоказанность совершения преступления обвиняемым, в то время как наличие самого факта совершения преступления не вызывало сомнений, третья – неустановление мотивов преступлений. Именно при решении сложного вопроса о виновности односторонность расследования часто граничит с его неполнотой.

Так, по уголовному делу по обвинению П. органом предварительного расследования не была доказана виновность в причинении им телесных повреждений потерпевшему в соучастии с Д. Причиненные телесные повреждения повлекли в последующем смерть потерпевшего по неосторожности, а Д. был на стадии предварительного расследования допрошен в качестве свидетеля, свою причастность к причинению потерпевшему телесных повреждений отрицал, иным образом органом предварительного расследования его причастность к содеянному не проверялась, что привело к тому, что Д. мог избежать уголовной ответственности за содеянное. Исходя из заключений экспертов, усматривая множественность причиненных телесных повреждений, их локализацию, прокурор вернул уголовное дело для организации дополнительного следствия, поручив органу расследования допросить свидетелей, провести очные ставки и следственные эксперименты. Выполнив поручение прокурора, следователь допросил дополнительного свидетеля, которая показала, что видела, как Д. наносил потерпевшему телесные повреждения совместно с П., данные обстоятельства были тщательно проверены и позволили следователю прийти к убеждению о наличии в действиях Д. состава преступления.

При составлении обвинительного заключения довольно часто следователем допускаются ошибки в оценке доказательств, при которых следователь отступает от правила, предусмотренного ч. 2 ст. 17 УПК РФ, которое предусматривает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

В частности, по уголовному делу в отношении Ш. следователь, получив признательные показания от последнего о совершении им кражи, иным путем причастность Ш. к совершению преступления не проверил. Следователь ограничился лишь наличием в материалах уголовного дела показаний свидетелей, которые прямо не указывали на причастность Ш. к совершению преступления, а также судебной товароведческой экспертизы, подтверждающей сумму вреда, причиненного преступлением. Следователь посчитал достаточным наличие единственного прямого доказательства, подтверждающего виновность Ш., а именно его признательных показаний. По результатам изучения материалов уголовного дела прокурор возвратил материалы дела для организации дополнительного следствия, посчитав предварительное расследование односторонним.

Самой распространенной следственной ошибкой, допускаемой при расследовании уголовных дел, является неправильная квалификация действий обвиняемых. Кроме того, при квалификации преступных действий имеют место случаи, когда следователем не указываются все квалифицирующие признаки

преступного деяния, вменяемого в вину обвиняемому, либо вообще не квалифицируются действия, образующие самостоятельный состав преступления.

Так, согласно материалам уголовного дела, поступившим в суд первой инстанции с обвинительным заключением, органом предварительного расследования Т. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 166 УК РФ, то есть в незаконном завладении транспортным средством, совершенном по предварительному сговору группой лиц, соединенным с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, а также с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Исходя из материалов уголовного дела, помимо действий, которые вменялись Т. в вину, им совместно с неустановленными лицами было применено удержание потерпевшего в подвальном помещении с целью подавления с его стороны действий, направленных на пресечение преступления. Однако в уголовном деле решение по факту его незаконного удержания органом предварительного расследования принято не было, что привело к тому, что действия Т. были квалифицированы не в полной мере.

В случаях, когда органом предварительного расследования действия обвиняемых квалифицированы недостаточно, либо действия квалифицированы как менее тяжкое преступление, суду необходимо возвращать такое уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Это связано с тем, что установление обстоятельств совершения преступления относится к исключительной компетенции органов предварительного следствия. Суд не вправе самостоятельно изменить существо обвинения и дополнить его в части указания обстоятельств события преступления, а от существа обстоятельств обвинения зависит определение пределов судебного разбирательства и порядок реализации права обвиняемого на защиту. Приведенный пример недостаточной или более мягкой квалификации исключает возможность рассмотрения уголовного дела по существу на основании составленного по делу обвинительного заключения.

В таких случаях допущенные нарушения должны признаваться судами существенными, исключающими возможность постановления приговора или иного судебного решения на основании данного обвинительного заключения, поскольку не могут быть устранены судом самостоятельно с учетом четкого распределения уголовно-процессуальным законодательством возложенных на суд и орган предварительного расследования функций.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Кроме того, на практике, к сожалению, имеют место случаи возвращения уголовных дел органу предварительного расследования в связи с наличием ошибок, допущенных следователем при составлении обвинительного заключения из-за банальной невнимательности.

Так, по уголовному делу по обвинению К. его действия квалифицированы по ч. 1 ст. 222 УК РФ как незаконное приобретение, хранение и ношение оружия, но не указано, что данное оружие является огнестрельным.

По уголовному делу по обвинению Г. при квалификации его действий указано, что им совершено причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, в отношении двух лиц, но не конкретизировано по какому пункту ч. 3 ст. 111 УК РФ следует квалифицировать такие действия, по «а» или «б» указанной части.

По уголовному делу по обвинению Г. при квалификации его действий по ч. 1 ст. 139 УК РФ указано, что им совершено незаконное проникновение в жилище, против воли проживающего в нем лица, однако, в описании существа обвинения не указано, в отношении кого конкретно данные действия были направлены, не указаны фамилия, имя и отчество потерпевшего.

Несомненно, допущенные при составлении обвинительного заключения ошибки имеют негативное воздействие на осуществление по делу уголовного судопроизводства и в значительной степени влияют на реализацию конституционных прав его участниками.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 162 УПК РФ предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Если на момент возвращения уголовного дела срок предварительного расследования по нему истек, то после получения дела следователь решает вопрос о продлении срока. Это касается случаев, когда дело возвращается органу предварительного расследования для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, или для пересоставления обвинительного заключения. Поскольку возвращение уголовного дела следователю свидетельствует о недостатках в его процессуальной деятельности, такое возвращение приводит к необоснованному затягиванию сроков предварительного расследования.

Во-вторых, согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Если речь идет о возвращении уголовного дела судом прокурору, то в обязательном порядке должен решаться вопрос о примененной мере пресечения в качестве обвиняемого.

Поскольку такие меры пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, запрет осуществления определенных действий, ограничивают конституционные права граждан, возвращение уголовных дел следователю из-за допущенных следственных ошибок приводит к более продолжительному ограничению прав и свобод граждан, к которым данная мера применена.

В-третьих, исходя из ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, предусмотренных УПК РФ, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок. Допущенные следователем

нарушения, которые стали причиной возвращения уголовного дела прокурору и признаны судом неустранимыми в ходе судебного разбирательства, приводят к затягиванию судебного рассмотрения уголовного дела в разумный срок.

УДК 343
ББК 67.408, 67.410.2

А.А. Казаков

**Современные проблемы прекращения уголовных дел
о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности
при ведении строительных и иных работ**

Аннотация. Автором выявлена высокая статистическая вероятность прекращения уголовного преследования в отношении представшего перед судом лица, которому предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ. Возможность принятия таких решений сохраняется и в ходе предварительного расследования. На основе анализа решений Верховного Суда РФ сделан вывод об обстоятельствах, которые следует учитывать при рассмотрении вопроса о допустимости применения положений ст. 25, 25.1 и 28 УПК РФ. Дополнительно освещена угроза принятия реабилитирующего решения при длительном расследовании обозначенных деяний.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, нарушение требований охраны труда, нарушение правил безопасности, судебный штраф, примирение сторон, истечение сроков давности

Согласно официальным статистическим данным в 2023 году по результатам рассмотрения судами уголовных дел о нарушениях правил охраны труда и безопасного производства работ (ст. 143, 215, 216-219 УК РФ) осуждено 605 лиц, оправдан 21 подсудимый. При этом в отношении 647 предполагаемых субъектов преступления уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям¹.

Для сравнения обратимся к аналогичным показателям 2022 года. Количество осужденных – 545, оправданных – 16. Соответственно уголовное преследование судами по нереабилитирующим основаниям прекращено в отношении 558 лиц².

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (далее – сводные статистические сведения за 2023 год) // URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/F1-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 08.05.2024).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (далее – сводные статистические сведения за 2022 год)

На основе анализа представленных данных допустимо утверждать, что обвиняемому в совершении указанных деяний по уголовному делу, направленному в суд, почти в половине случаев назначение наказания не грозит. Этот фактор предопределяет интерес к исследованию некоторых аспектов прекращения уголовного преследования по ст. 143 и 216 УК РФ, которые в достаточной степени представляются актуальными (но с определенными поправками) и для стадии предварительного расследования.

Сложившаяся ситуация, по всей видимости, обусловлена категорией обозначенных деяний, что предполагает возможность реализации широкого спектра оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, в ч. 1 ст. 143 УК РФ, ч. 1 ст. 216 УК РФ предусмотрены преступления небольшой тяжести, в ч. 2 и 3 ст. 143 УК РФ, ч. 2 и 3 ст. 216 УК РФ – средней тяжести.

Как следствие, допустимым становится применение ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ. Однако одним из обязательных условий принятия решения о прекращении уголовного дела по данным основаниям является заглаживание вреда. Констатировать достижение данного результата – достаточно проблематичная задача на практике, что вызвано конструкцией рассматриваемых уголовно-правовых норм, в которых описаны деяния, представляющие угрозу для различных общественных отношений одновременно. Так, применительно к ст. 143 УК РФ основным непосредственным объектом выступают безопасные условия труда¹, а дополнительным – здоровье и жизнь человека. В свою очередь преступление, зафиксированное в ст. 216 УК РФ, посягает прежде всего на общественную безопасность в ходе ведения соответствующих работ. Однако также страдают такие блага, как здоровье, интересы собственности, жизнь.

В связи с этим примечательны следующие официальные сведения. Согласно сводным статистическим данным по уголовным делам о нарушениях правил охраны труда и безопасного производства работ (ст. 143, 215, 216-219 УК РФ) судами в 2023 году: 1) удовлетворено 26 ходатайств органов предварительного расследования о применении судебного штрафа (в 2022 – 53); 2) прекращено преследование по данному основанию в рамках судебного производства в отношении 56 лиц (в 2022 – 47).

Снижение первого из данных показателей объясняется переосмыслением данного института в последние годы в следственной и прокурорской практике, что привело к существенному снижению его реализации по инициативе правоохранительных органов. Однако даже несмотря на наличие этой тенденции, допустимо говорить о значительном количестве случаев, когда признается состоявшимся факт заглаживания вреда, причиненного ранее

// URL: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 08.05.2024).

¹ Курсаев А.В. Бланкетность уголовно-правового предписания в составе нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 97; Соктоев З.Б., Грецкий И.А. К вопросам квалификации и законодательной регламентации преступных нарушений требований охраны труда // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 168-169.

обозначенным общественным отношениям. Вероятно, этот вывод сделать суду «проще», когда пострадали здоровье и интересы собственности. Вместе с тем возможно ли в рассматриваемом ракурсе (со ссылкой на ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ) «простить» субъекта, содеянное которым привело к смерти другого лица?

Анализ ранее сложившейся положительной практики был объектом внимания в научной литературе¹. На сегодняшний день ситуация, думается, изменилась. Так, высший судебный орган (в отличие от нижестоящих инстанций) посчитал неправомерным применение судебного штрафа при вменении лицу ч. 1 ст. 109 УК РФ, когда по неосторожности смерть была причинена несовершеннолетнему². Думается, что это решение – значительный шаг к минимизации возможностей для реализации данного института в рассматриваемых ситуациях. Специалисты отмечают, что Верховный Суд РФ в этом акте «между строк» установил запрет на применение штрафа в составах, связанных с причинением смерти³.

Однако, по всей видимости, не всегда этот запрет воспринимается нижестоящими судами как однозначный⁴. Так, Г. осуждена по ч. 2 ст. 143 УК РФ к 2 годам лишения свободы. Она признана виновной в нарушении требований охраны труда, будучи лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, повлекшем по неосторожности смерть человека – М. В ходе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции потерпевшая Е. заявила ходатайство о прекращении производства по делу, так как она примирилась с осужденной. В свою очередь Г. дала согласие на прекращение в отношении нее уголовного дела по указанному основанию. Апелляционная инстанция констатировала, что Г. загладила причиненный Е. вред путем выплаты денежных средств в счет компенсации морального вреда в сумме, определенной самой потерпевшей, а также путем аналогичных выплат родственникам погибшей, принесла им свои извинения. Ранее Г. не судима, впервые привлекается к уголовной ответственности, совершила преступление, относящееся к категории средней тяжести, в полном объеме возместила потерпевшей имущественный ущерб и моральный вред. При таких обстоятельствах препятствия к прекращению дела отсутствуют⁵.

¹ Быкова Е.Г., Казаков А.А. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования неосторожных преступлений, связанных с нападением собак на людей // Уголовное право. 2020. № 5. С. 127-134; Казаков А.А., Казаков А.И. Пределы применения судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях, повлекших по неосторожности смерть человека // Российский следователь. 2020. № 7. С. 40-44.

² Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2021 № 18-УДп21-100-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Есаков Г.А., Гейнце О.В. Судебный штраф в судебной практике и статистике: современные тенденции // Уголовное право. 2023. № 11 (159). С. 36.

⁴ См., например: кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2022 № 77-5274/2022 // СПС «КонсультантПлюс». Стоит отметить, что в этом случае пострадавший (погибший) не был несовершеннолетним.

⁵ Апелляционное постановление Самарского областного суда от 23.11.2023 № 22-6617 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Как видно, за основу было взято мнение потерпевшей – близкой родственницы (близкого лица, родственницы) погибшего. Вопрос об уроне безопасным условиям труда (пускай даже в разрезе конституционного права конкретного человека) не исследовался. Вместе с тем в одном из значимых на настоящий момент решений Верховного Суда РФ применительно к примирению с лицом, совершившим деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, было отмечено, что «отсутствие лично у потерпевшей В. претензий к Т., а также ее мнение о полном заглаживании причиненного им вреда не могут являться единственным подтверждением такого уменьшения степени общественной опасности содеянного, которое позволило бы суду освободить Т. от уголовной ответственности». Кроме того, по мнению высшего судебного органа, суд первой инстанции не привел суждений о том, «соответствует ли прекращение уголовного дела по данному основанию общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом характера нарушения Т. правил дорожного движения и способны ли меры, которыми ограничился суд, предотвратить в будущем подобные нарушения, поскольку прекращение уголовного дела не ограничило Т. в праве управления транспортными средствами». Прекращение в связи с примирением сторон признано незаконным. Дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹. Эти доводы с учетом определенной аналогии следует учитывать и применительно к уголовным делам о деяниях, ответственность за совершение которых установлена в ст. 143 и 216 УК РФ.

Подтверждением тому служит и следующий пример. Так, постановлением городского суда уголовное дело по обвинению Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 35 000 рублей. Е. уличался в том, что он в нарушение ряда нормативных актов, являясь ответственным лицом за организацию и безопасное проведение монолитных работ на объекте строительства многоквартирного жилого дома, в том числе при отсутствии защитных ограждений зоны опасного перепада высот, без средств индивидуальной защиты (предохранительного пояса) и оформления наряда-допуска, допустил к выполнению самостоятельных работ на высоте Ч., который при выполнении этих работ сорвался и упал вниз с четвертого этажа строящегося дома. Ч. был госпитализирован в городскую больницу, где скончался.

В ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции от Е. и его адвоката поступило ходатайство о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд, рассмотрев указанное ходатайство, пришел к выводу о наличии оснований для его удовлетворения. В обоснование такого решения суд первой инстанции сослался на то, что Е. обвиняется в совершении преступления средней тяжести, ранее не судим, вину признал в полном объеме, в содеянном раскаялся, принес

¹ Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 71-УДП23-11-КЗ // СПС «КонсультантПлюс».

потерпевшей Ш. извинения, которые ею были приняты, в полном объеме загладил причиненный материальный ущерб (расходы на погребение) и моральный вред в размере 1 100 000 рублей. Кроме того, Е. прекратил свою деятельность по осуществлению строительных работ в качестве индивидуального предпринимателя, в добровольном порядке оказал благотворительную помощь фонду в сумме 5 000 рублей.

Между тем, по мнению высшего судебного органа, суд первой инстанции оставил без внимания основной и дополнительный объекты совершенного преступления. Общественная опасность данного уголовно наказуемого деяния заключается в пренебрежении работодателем правилами труда и, как следствие, основополагающим правом человека на жизнь, утрата которой необратима и невосполнима. В должной степени не оценен и статус потерпевшей стороны, которая в данном случае наделена в судебном заседании лишь процессуальными полномочиями, фактически являясь представителем погибшего. То обстоятельство, что Е. в настоящий момент прекратил свою деятельность по осуществлению строительных работ в качестве индивидуального предпринимателя, не исключает ее осуществление вновь при отсутствии об этом судебного решения. Постановление городского суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение¹.

С учетом содержательной стороны данных актов высшего судебного органа видится возможным резюмировать следующее применительно к учету обстоятельств в случае смерти лица: 1) мнение потерпевшего, привлеченного в порядке ч. 8 ст. 42 УПК РФ, не может являться единственным (и даже, пожалуй, основным) подтверждением заглаживания вреда; 2) освобождение от уголовной ответственности целесообразно ставить в первую очередь в зависимость от совершения субъектом таких посткриминальных действий, которые способствуют реализации именно интересов, непосредственно страдающих при посягательстве на объект преступления². Одновременно не исключено, что практика Верховного Суда РФ в настоящий момент приведет к полному отказу от назначения судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях, повлекших смерть лица. Соответственно, инициирование следствием применения в таких случаях оснований прекращения уголовного преследования, перечисленных в ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ, предполагает наличие неоправданных рисков и видится преимущественно нецелесообразным. Однако сформулированные выводы остаются актуальными в тех ситуациях, когда последствием явился тяжкий вред здоровью (крупный ущерб).

Другой значительный фактор, предопределяющий прекращение уголовного преследования, – истечение сроков давности. В связи с этим существует еще

¹ Определение Верховного Суда РФ от 02.05.2024 № 12-УДп24-2К6 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом более подробно, например, применительно к ст. 303 УК РФ: Быкова Е.Г., Казаков А.А. Обоснованность назначения судебного штрафа подозреваемым, обвиняемым в совершении фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) // Российский следователь. 2021. № 4. С. 54-56.

один риск, возможность наступления которого должна быть минимизирована. Его наличие вытекает из положений ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, которые вряд ли можно признать целесообразными, однако на данный момент таковые обязательны для исполнения. В случае, если производство предварительного расследования составило 2 месяца (по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести) либо 3 (по уголовным делам о преступлениях средней тяжести) с момента истечения сроков давности (при условии, что подозреваемый, обвиняемый ранее возражал против применения п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), следователь обязан прекратить уголовное преследование в отношении данного лица в связи с непричастностью. Реализация этого основания, как думается, существенно осложняет возмещение потерпевшему ущерба, причиненного преступлением, в последующем в порядке гражданского судопроизводства. Вывод о непричастности подозреваемого, обвиняемого только лишь потому, что истек определенный срок, напрямую обязывает следователя констатировать обстоятельства, не соответствующие действительности. Избранный законодателем подход видится ошибочным и не соответствующим положениям о назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Однако в рамках действующего правового регулирования остается единственная возможность – направить дело в суд в установленные сроки, поскольку данный порядок распространен только на досудебное производство. Именно с учетом этого обстоятельства, пока закон либо его официальное толкование не будут изменены, должно быть организовано и проведено предварительное следствие. В противном случае работа следователя будет практически сведена на нет, а значимая для общества защита интересов пострадавшего от соответствующих нарушений требований и правил окажется под угрозой.

Литература

1. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Обоснованность назначения судебного штрафа подозреваемым, обвиняемым в совершении фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) // Российский следователь. 2021. № 4. С. 54-56.
2. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования неосторожных преступлений, связанных с нападением собак на людей // Уголовное право. 2020. № 5. С. 127-134.
3. Есаков Г.А., Гейнце О.В. Судебный штраф в судебной практике и статистике: современные тенденции // Уголовное право. 2023. № 11 (159). С. 25-38.
4. Казаков А.А., Казаков А.И. Пределы применения судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях, повлекших по неосторожности смерть человека // Российский следователь. 2020. № 7. С. 40-44.

5. Курсаев А.В. Бланкетность уголовно-правового предписания в составе нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 96-102.

6. Соктоев З.Б., Грецкий И.А. К вопросам квалификации и законодательной регламентации преступных нарушений требований охраны труда // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 165.

УДК 343.2
ББК 67.408

Р.М. Кашапов

Освобождение от уголовной ответственности по ст. 78¹ УК РФ

Аннотация. В статье автором рассмотрен новый вид освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Рассмотрены условия и основания освобождения, сделан вывод, что по юридической природе уголовно-правовая норма является императивной и поощрительной, стимулирующей виновное лицо к позитивному посткриминальному поведению. Относится к безусловным мерам освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление, освобождение от уголовной ответственности, поощрительная норма, посткриминальное поведение

Законодатель, криминализируя или декриминализируя определенные отношения, возникающие в обществе, стремится дифференцировать уголовную ответственность с одной стороны путем усиления мер ответственности, в частности за тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления террористического и экстремистского характера, организованные формы преступной деятельности, с другой стороны увеличивая количество поощрительных норм, позволяющих освобождать виновное лицо от уголовной ответственности.

В главе 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» предусмотрены следующие виды освобождения от уголовной ответственности:

- 1) в связи с деятельным раскаянием (ст. 75);
- 2) в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76);
- 3) в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹);
- 4) с назначением судебного штрафа (ст. 76²);
- 5) в связи с истечением сроков давности (ст. 78).

Кроме того, законодатель закрепил некоторые виды освобождения от уголовной ответственности и в иных статьях УК РФ, предусматривая возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с актом

амнистии (ст. 84 УК РФ), освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ)¹.

Глава 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» дополнена новой статьей 78¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время»².

Председатель Следственного комитета Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А.И. Бастрыкин выступил перед студентами Санкт-Петербургского университета в рамках элективного курса «Доказательства и доказывание по уголовным делам» с лекциями на темы «Доказательственное право и доказывание по уголовным делам» и «Расследование убийств», в том числе затронул проект Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»³.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» говорилось, что «проект федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» направлен на законодательное закрепление правовых гарантий освобождения от уголовной ответственности лиц, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время»⁴.

Причем в ст. 3 данного проекта было предложено освобождать только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

В окончательной редакции ст. 78¹ УК РФ отсутствует ограничение по категории преступлений, совершаемых виновным лицом.

В части первой рассматриваемой статьи говорится, что лицо, совершившее преступление, за исключением преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренного пунктом «а» части третьей, пунктом «б» части четвертой, частью пятой статьи 131, пунктом «а» части третьей, пунктом «б» части четвертой, частью пятой статьи 132,

¹ Освобождение от уголовной ответственности: учебное пособие / Р.М. Кашапов; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 7.

² Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 07.04.2024).

³ Председатель СК России выступил с лекциями для студентов Санкт-Петербургского государственного университета // URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 07.04.2024).

⁴ Проект федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2024).

частями третьей-шестой статьи 134 или частями третьей-пятой статьи 135 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 189, 200¹, 205-205⁵, 206, 208-211, пунктом «б» части второй статьи 215⁴, статьями 217¹, 220, 221, 226¹, 229¹, 274¹, 275, 275¹, 276-280², 280⁴, 281-281³, 282¹-282³, 283-283², 284, частью второй статьи 322¹, статьями 355, 359-361 УК РФ, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых предварительное расследование приостановлено в соответствии с пунктом 3.1 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, освобождается от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Условиями освобождения являются:

1) совершение любого по тяжести преступления, за исключением преступлений, перечисленных законодателем в части первой диспозиции ст. 78¹ УК РФ;

2) призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых предварительное расследование приостановлено в соответствии с пунктом 3.1 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Основаниями для освобождения являются:

1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Государственные награды Российской Федерации – высшая форма поощрения граждан за выдающиеся заслуги в защите Отечества, государственном строительстве, экономике, науке, культуре, искусстве, воспитании, просвещении, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной

деятельности, иные выдающиеся заслуги перед государством¹.

Подпункт «а» пункта 1 статьи 51 предусматривает увольнение по возрасту, то есть по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

В подпункте «в» пункта 1 статьи 51 предусмотрено увольнение по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, указанного в пункте 2.1 статьи 36 настоящего Федерального закона, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военнослужащим.

В п. 2.1 ст. 36 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» указано, что особенности, порядок и условия прохождения военной службы военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, призванными военно-врачебной комиссией не годными или ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных при исполнении обязанностей военной службы в случаях, предусмотренных подпунктом «а» пункта 1 статьи 37 настоящего Федерального закона, награжденными в связи с таким участием государственными наградами Российской Федерации, являющимися ветеранами боевых действий в связи с исполнением таких обязанностей и изъявившими желание продолжить военную службу, определяются настоящим Федеральным законом, Положением о порядке прохождения военной службы и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В подпункте «о» пункта 1 статьи 51 говорится о том, что в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени – для граждан, указанных в пункте 5.1 статьи 34 настоящего Федерального закона, заключивших контракт.

Пункт 5.1 статьи 34 рассматриваемого закона гласит, что в период мобилизации, в период военного положения и в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации может быть также заключен со следующими гражданами:

а) имеющими судимость, за исключением судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренного пунктом «а» части третьей, пунктом «б» части четвертой, частью пятой статьи 131, пунктом «а» части третьей, пунктом «б» части четвертой, частью пятой статьи 132, частями третьей-шестой статьи 134 или частями третьей-пятой статьи 135 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 189, 200¹, 205-205⁵, 206, 208-211, пунктом «б» части второй статьи 215⁴, статьями 217¹, 220, 221, 226¹, 229¹, 274¹, 275, 275¹, 276-280², 280⁴, 281-281³, 282¹-282³, 283-283², 284, частью второй статьи 322¹, статьями 355, 359-361 УК РФ;

б) совершившими преступления, за исключением преступлений, указанных в подпункте «а» пункта 5.1;

¹ URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 07.04.2024).

в) отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена.

В соответствии с ч. 2 ст. 78¹ УК РФ контроль за поведением лиц, указанных в части первой рассматриваемой статьи, осуществляется командованием воинской части (учреждения).

Для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лица, совершившего преступление, за исключением преступлений, указанных в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ, необходимо ходатайство командования воинской части (учреждения).

Для освобождения лица необходимо выполнить одно из условий, изложенных в диспозиции ст. 78¹ УК РФ, и должно быть одно из оснований, указанных законодателем в п. «а» или п. «б» ч. 1 рассматриваемой статьи.

Если придерживаться классификации видов освобождения от уголовной ответственности на условные или безусловные, то рассматриваемый нами вид относится к безусловным.

По юридической природе ст. 78¹ УК РФ является императивной, так как следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных частью первой рассматриваемой статьи. Рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности является нереабилитирующим.

По мнению автора, рассмотренная уголовно-правовая норма является одним из видов позитивного посткриминального поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений, так как не ограничена категория совершаемого преступления, за исключением ограничения некоторых видов преступлений, на которые данная норма не распространяется, и является стимулирующим фактором для искупления вины перед потерпевшим своей «кровью».

В диспозиции законодатель не указал виды позитивных посткриминальных поступков, например, такие как явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, возмещение причиненного ущерба и так далее.

Тем не менее, если допустить, что лицо совершило убийство, затем сразу или через определенный промежуток времени явилось к командованию воинской части для заключения контракта и выезда для участия в специальной военной операции, а впоследствии явилось с повинной в правоохранительные органы, имея на руках подписанный контракт, то в такой ситуации вполне допустимо приостановление предварительного следствия и в дальнейшем освобождение от уголовной ответственности (после проведения всех необходимых следственных действий и проверки его причастности к совершенному преступлению, в том числе в целях исключения случаев самоговора).

В связи с чем в ст. 208 УПК РФ внесено новое дополнение для приостановления предварительного следствия, а именно п. 3.1 – «призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение им военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

По всей видимости, изменения внесены законодателем в УК РФ и УПК РФ в связи с тем, что ранее действовавший федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» не имел должной правовой регламентации в действующем законодательстве и не применялся правоприменителем в связи с тем, что возникали вопросы о том, какой нормой материального права нужно руководствоваться для освобождения лица, совершившего преступление и подписавшего контракт с командованием воинской части (учреждения), а также на какую конкретно ссылаться норму уголовно-процессуального права при принятии решения о приостановлении производства предварительного следствия и в дальнейшем прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении такого лица.

Литература

1. Освобождение от уголовной ответственности: учебное пособие / Р.М. Кашапов; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. 91 с.

УДК 343

ББК 67.408, 67.410.2

Д.С. Корешников

Приостановление течения сроков давности: проблемы доказывания факта уклонения лица от следствия

Аннотация. Приостановление течения сроков давности уголовной ответственности зачастую ошибочно связывают с объявлением лица в розыск. Однако розыск не является единственным, а порой даже необходимым условием для применения ч. 3 ст. 78 УК РФ. Вместе с тем в ходе досудебного производства необходимо обосновывать факт уклонения подозреваемого и обвиняемого от следствия. В статье выявлены конкретные обстоятельства, подлежащие установлению, и способы их доказывания.

Ключевые слова: сроки давности привлечения к уголовной ответственности, приостановление сроков давности, уклонение от следствия, розыск, доказывание

Статья 78 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. При этом согласно ч. 3 данной статьи течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия и суда. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

В следственной практике укоренился упрощенный подход к разрешению вопроса о приостановлении течения сроков давности. Зачастую вопрос об уклонении рассматривается следователем «в связке» с объявлением в розыск. Считается, что срок приостанавливается с момента вынесения постановления о розыске обвиняемого.

Однако такой подход не соответствует ни предписаниям закона, ни разъяснению высших судебных органов.

«Уклонение от следствия» – понятие из УК РФ, «объявление в розыск» – УПК РФ¹. Необходимо выявить смысл каждого из этих понятий и установить между ними взаимосвязь.

Пункт 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ указывает на два основания для приостановления предварительного следствия: 1) подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следствия; 2) место нахождения подозреваемого (обвиняемого) не установлено по иным причинам.

Это разделение продолжено и в ст. 209 УПК РФ. Согласно п. 2 ч. 2 данной статьи после приостановления предварительного следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следователь устанавливает место нахождения подозреваемого (обвиняемого), а если он скрылся, принимает меры по его розыску. То есть здесь розыск лица законодатель связывает лишь со случаем, когда лицо скрылось от следствия.

Однако несколько иной подход предложен в следующей статье. В соответствии с ч. 1 ст. 210 УПК РФ, если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление.

Таким образом, в розыск может быть объявлен как подозреваемый (обвиняемый), который скрылся от следствия, так и подозреваемый (обвиняемый), который от следствия не скрывался, но его место нахождения неизвестно органам предварительного расследования по иным причинам.

Логично предположить, что под термином «скрываться» законодатель подразумевает сознательную деятельность лица по избеганию уголовной ответственности. Лицо узнает, что правоохранительные органы желают привлечь его к уголовной ответственности, после чего предпринимает активные

¹ О необходимости разного (уголовно-правового и уголовно-процессуального) подхода к данному вопросу см.: Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Проблемы приостановления срока давности привлечения к уголовной ответственности лица, уклоняющегося от следствия и суда. // Российский следователь 2012. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

действия, направленные на исключение такого привлечения. В качестве примера можно привести ситуацию, когда подозреваемый (обвиняемый) официально вызван для проведения следственного действия, но на него без объяснения причин не явился и покинул место своего проживания.

Иная ситуация будет, когда лицо еще до начала процессуальной проверки, приведшей к возбуждению в отношении его дела, выехало со своего места постоянного проживания в неизвестном правоохранительным органам направлении. Данное лицо после принятия процессуального решения, влекущего возникновение у него статуса подозреваемого или обвиняемого, может быть объявлено в розыск, но не как «скрывшееся от следствия», а по второму основанию – как подозреваемый (обвиняемый), место нахождения которого не установлено по иным причинам.

Можно представить следующие варианты комбинаций «объявления в розыск» и «действий разыскиваемого»:

1. Лицо знало, что является по делу подозреваемым (обвиняемым), но покинуло место своего проживания, после чего было объявлено в розыск.

2. Лицо покинуло место своего проживания до «получения» статуса подозреваемого (обвиняемого), после чего этот статус процессуально приобрело и было объявлено в розыск, о чем узнало, но, имея возможность явиться к следователю, этого не сделало.

3. Лицо покинуло место своего проживания до «получения» статуса подозреваемого (обвиняемого), после чего было объявлено в розыск, о чем узнало, но явиться к следователю не может по независящим от него причинам.

4. Лицо вплоть до своего задержания не знало о том, что имеет статус подозреваемого (обвиняемого) и что его объявили в розыск.

Применимо ли ко всем данным вариантам правило ч. 3 ст. 86 УК РФ о приостановлении течения сроков давности уголовного преследования? Если да, то с какого момента произойдет это приостановление? Полагаем, что ответы будут следующие.

В варианте 1 течение сроков давности приостановится с момента, когда подозреваемый (обвиняемый) намеренно выехал со своего места жительства.

В варианте 2 течение приостановится с момента, когда лицо узнало о наличии у него статуса подозреваемого (обвиняемого).

В варианте 3 и 4 течение сроков давности вообще не будет приостанавливаться, несмотря на объявление лица в розыск.

Данные выводы основаны как на буквальном толковании слов «уклонение от следствия», содержащихся в ч. 3 ст. 78 УК РФ, так и позиции высшего судебного органа.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 под уклонением от следствия следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (например, намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи).

Отсутствие явки с повинной лица в случае, когда преступление не выявлено и не раскрыто, не является уклонением от следствия и суда. При этом при применении положений ч. 3 ст. 78 УК РФ о приостановлении сроков давности в случае уклонения лица, совершившего преступление, от следствия необходимо проверять доводы лица о том, что оно не уклонялось от следствия, в том числе и тогда, когда в отношении его объявлялся розыск¹.

Также о том, что можно рассматривать в качестве доказательств уклонения от следствия и суда Верховный Суд РФ высказался в постановлении от 14.06.2012 № 11, согласно которому об уклонении может свидетельствовать в том числе нарушение лицом меры пресечения, если лицу было о ней известно; пересечение лицом государственной границы после привлечения к уголовной ответственности с целью скрыться от правоохранительных органов и суда; несообщение лицом указанным органам и суду информации о своем местонахождении, если установлено, что лицу было известно о его уголовном преследовании; неисполнение лицом обязанности зарегистрироваться по месту своего пребывания или отсутствие места постоянного пребывания в Российской Федерации².

Относительно того, что понимать под ситуацией, когда разыскиваемое лицо признается неуклоняющимся от следствия и суда, Верховный Суд РФ неоднократно³ высказывался при рассмотрении вопроса о признании недействующими отдельных положений Инструкции по организации информационного сотрудничества по линии Интерпола⁴.

Так поводом для оспаривания указанной Инструкции и вынесения апелляционного определения от 02.11.2021 № АПЛ21-400 послужила следующая ситуация. Обвиняемый, объявленный российскими правоохранительными органами в международный розыск, отбывал наказание в виде лишения свободы за совершение другого преступления в Республике Панама. Верховный Суд РФ в связи с этим указал, что нахождение в розыске автоматически не означает, что лицо скрывается от следствия. В рассматриваемой ситуации факт нахождения лица в международном розыске не исключает принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи

¹ Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № АПЛ18-412; апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 02.11.2021 № АПЛ21-400 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 № 8437) // СПС «КонсультантПлюс».

с истечением срока давности, так как разыскиваемое лицо не уклоняется от следствия и, соответственно, нет оснований для приостановления течения сроков давности¹.

Во многом схожая ситуация приведена в решении Верховного Суда Российской Федерации по конкретному уголовному делу². Из материалов уголовного дела следовало, что подсудимый, будучи надлежащим образом извещенным, в судебные заседания не явился, в связи с чем постановлением мирового судьи был объявлен в розыск. Спустя почти два года он был задержан и осужден. Вместе с тем, как было установлено в суде кассационной инстанции, в период с объявления в розыск и до задержания для доставления к мировому судье, он был заключен под стражу по другому уголовному делу и под своими действительными данными был осужден городским судом к 1 году 1 месяцу лишения свободы. При таких обстоятельствах Верховный суд РФ указал на то, что задержание, заключение под стражу и отбывание наказания в виде лишения свободы по другому делу не может расцениваться как уклонение от суда, в связи с чем с момента задержания по другому делу течение сроков давности возобновляется.

Об отсутствии уклонения от следствия и суда может свидетельствовать не только факт привлечения лица в период розыска к уголовной ответственности по другому делу, но и факт привлечения к административной ответственности, когда у правоохранительных органов также появляются официальные сведения о месте нахождения разыскиваемого, но они (правоохранительные органы) не предпринимают мер к его задержанию³. Очевидно, что с этого момента у лица есть все основания полагать, что его никто не ищет и, значит, он не уклоняется от следствия и суда⁴.

В упомянутых апелляционных определениях Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № АПЛ18-412 и от 02.11.2021 № АПЛ21-400 нашел отражение еще один важный момент. Как указал суд в обоих решениях, ч. 3 ст. 78 УК РФ связывает приостановление течения сроков давности с уклонением лица, совершившего преступление, от следствия, а не с обязательным объявлением его в розыск⁵.

¹ О возобновлении течения сроков давности при отбытии наказания за иное преступление в другом государстве указано и в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 11.04.2013 № 5-АПУ13-2 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2022 № 41-УД22-4-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пункт 11 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 года // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В литературе предлагается рассматривать в качестве доказательства отсутствия факта уклонения со стороны объявленного в розыск лица беспрепятственное и законное пересечение им Государственной границы РФ. См.: Кочои С.М., Краснов В.Н. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности: вопросы практики применения УК и УПК // Адвокатская практика. 2013. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Такого же подхода придерживаются и нижестоящие суды. См., например: постановление Президиума Ростовского областного суда от 06.06.2019 № 44у-97/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Из этого можно сделать вывод, что подозреваемый (обвиняемый), не объявленный по тем или иным причинам в розыск (например, в силу ненадлежащего исполнения следователем своих обязанностей), но предпринявший ряд действий, направленных на избежание своего уголовного преследования (не явился по повестке следователя и покинул место постоянного жительства и т.д.), также может считаться уклоняющимся от следствия.

Таким образом, для приостановления течения сроков давности необходимо, чтобы имели место следующие условия:

1. Наличие у лица статуса подозреваемого или обвиняемого¹.
2. Осведомленность лица о том, что оно является подозреваемым (обвиняемым).
3. Наличие у лица реальной возможности явиться к следователю.
4. Активные действия, направленные на избежание привлечения к уголовной ответственности (определении от 14.04.2022 № 41-УД22-4-К4)².

Только при наличии всех указанных условий можно будет говорить о приостановлении течения сроков давности в соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ.

Вместе с тем, как было указано выше, следователи зачастую ограничиваются лишь вынесением постановления об объявлении лица в розыск и направлением данного постановления и соответствующих документов в орган, осуществляющий розыскные мероприятия. Такой подход может привести к тому, что задержанный через много лет разыскиваемый будет иметь право требовать прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности. В качестве аргументов он может указать, что он не был осведомлен о своем статусе подозреваемого (обвиняемого) или у него не было реальной возможности явиться к следователю.

В связи с этим следователю в ходе предварительного следствия необходимо предпринимать не только предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия, направленные на уведомление лица о его процессуальном статусе, но и уделить особое внимание документальному подтверждению того, что лицо узнало о своем новом статусе и уклонялось от следствия.

Данные обстоятельства можно подтвердить следующими доказательствами:

¹ В литературе высказывалось мнение, что к лицам, уклоняющимся от следствия, можно относить и «лицо, в отношении которого имеются сведения о его причастности к совершенному преступлению» (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. С. 136). Данный подход, на наш взгляд, не обоснован, так как ставит вопрос о приостановлении сроков давности в зависимости от никак процессуально не оформленных сведений о причастности. Обзор литературы по данному вопросу и аргументированный вывод о том, что речь должна идти только про подозреваемых и обвиняемых см.: Тарбагаев А. Что считать уклонением от следствия и суда, приостанавливающим течение срока давности, предусмотренного ст. 78 УК РФ? // Уголовное право. 2008. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² К таковым, в частности, можно отнести изменение адреса, фамилии (см.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. С. 605), а также нахождение обвиняемого, осведомленного о розыске, за пределами Российской Федерации (см.: определение Верховного Суда РФ от 02.08.2010 № 19-О10-39СП // СПС «КонсультантПлюс»).

1. Процессуальными документами с участием лица, из которых следует факт его осведомленности о статусе, в том числе врученными под роспись лицу уведомлением о возбуждении в отношении его уголовного дела, уведомлением о дне предъявления обвинения, повесткой о вызове на допрос в качестве подозреваемого (обвиняемого) и т.д. В случае направления указанных документов по почте необходимо приобщать к материалам дела почтовые документы о вручении адресату. При направлении данных уведомлений посредством интернет-мессенджеров необходимо делать скриншоты переписки и также приобщать их к делу (например, через осмотр телефона).

2. Документами об участии защитников разыскиваемого подозреваемого (обвиняемого) в процессуальных действиях по уголовному делу: обжаловании постановления о возбуждении уголовного дела и постановления об объявлении в розыск, участии в избрании и обжаловании меры пресечения, заявлении ходатайств и т. д. В силу ч.1 ст.50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым (обвиняемым), его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого (обвиняемого). Таким образом, участие в деле защитника по соглашению подтверждает факт осведомленности лица о привлечении его к уголовной ответственности и занятие им активной позиции по защите своих интересов.

3. Показаниями родственников и иных лиц, общавшихся с разыскиваемым до его «исчезновения», а также во время его розыска. В ходе допросов указанных лиц необходимо фиксировать даты и время общения, причины выезда, о которых сообщал разыскиваемый, что он говорил об уголовном деле и т.д. Кроме того, в ходе допроса целесообразно уведомлять допрашиваемых о привлечении лица в качестве подозреваемого (обвиняемого) и его розыске. Данное уведомление необходимо фиксировать в протоколе, с тем чтобы в последующем, установив их факт общения с разыскиваемым, получить таким образом косвенные доказательства возможной передачи ими информации последнему о его розыске.

4. Предметами и документами, свидетельствующими об осведомленности лица о своем статусе (телефонами родственников и друзей, содержащими соответствующую переписку с разыскиваемым, электронные почтовые отправления и т.д.).

5. Сведениями об «экстренных» и нетипичных действиях разыскиваемого после изменения его процессуального статуса на подозреваемого или обвиняемого (снятии денежных средств со счетов, продаже недвижимости, выдаче доверенностей на распоряжение имуществом, приобретении авиа и ж\д билетов, отказе от запланированных рабочих мероприятий и медицинских приемов и т.д.).

6. Осмотрами социальных сетей разыскиваемого и его близких, в том числе и после допроса последних, в ходе которых им сообщалось о розыске.

7. Осмотрами сайтов средств массовой информации. Не редки случаи, когда находящиеся в розыске лица дают иностранным СМИ комментарии о своем уголовном преследовании в России, чем подтверждают факт своей осведомленности об этом.

Это лишь примерный перечень тех сведений, с помощью которых можно доказывать факты осведомленности лица и его уклонения от следствия. Главное, чтобы следователь понимал, что надлежащее уведомление лица о его статусе подозреваемого (обвиняемого) и документальная фиксация данного уведомления являются не просто формальностью, но, с одной стороны, обеспечивают соблюдение прав и законных интересов данного лица, а с другой – предотвращают возможность необоснованного ухода от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

Литература

1. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Проблемы приостановления срока давности привлечения к уголовной ответственности лица, уклоняющегося от следствия и суда. // Российский следователь 2012. № 7. С. 9-12.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. 863 с.

3. Кочои С.М., Краснов В.Н. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности: вопросы практики применения УК и УПК // Адвокатская практика. 2013. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Тарбагаев А. Что считать уклонением от следствия и суда, приостанавливающим течение срока давности, предусмотренного ст. 78 УК РФ? // Уголовное право. 2008. № 4. С. 50-54.

5. Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. 719 с.

УДК 343.2/.7

ББК 67.408

К.А. Костенко

Правотворческая ошибка введения уголовно-правовой нормы с административной преюдицией (на примере ст. 171.5 УК РФ)

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные вопросы технико-юридической ошибки законодателя в части введения в УК РФ административно-преюдициальной статьи 171.5, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Очевидно, что введение рассматриваемой нормы – это попытка авторов закона организовать работу по выявлению компаний с признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке, дабы защитить добросовестных заемщиков от их незаконных действий. Между тем, за все время существования (почти 3 года) ст. 171.5 УК РФ судами не рассмотрено ни одного уголовного дела. Выясняя причины этого, и, проведя некоторые исследования, автор приводит доводы об ошибках законодателя при конструировании

рассматриваемой нормы как административно-преюдициальной и констатирует, что ее применение на практике маловероятно до внесения изменений в уголовный закон и КоАП РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, незаконная выдача кредита (займа), потребительские микрозаймы, административная преюдиция.

Наблюдающееся в последние годы стремительное развитие событий в области нормотворчества свидетельствует об активной позиции российского законодателя в совершенствовании сложившейся уголовно-правовой политики государства, в связи с чем некоторые ее направления претерпевают существенную трансформацию.

Рассматриваемые процессы, особенно в последнее десятилетие, послужили толчком к реформированию уголовного законодательства в части активного введения в УК РФ новых норм с так называемой административной преюдицией. При этом отдельные новые административно-преюдициальные нормы, по мнению законодателей, призваны более эффективно бороться с преступлениями в сфере экономической деятельности, в том числе в финансово-кредитной сфере. Введение некоторых из них стало предметом широкого обсуждения и споров, в которых активно дебатировали как практики, так и теоретики, подвергая критике обоснованность и их соответствие понятию преступления, а также уголовно-правовым принципам справедливости и законности.

Необходимость и целесообразность таких процессов всегда находилась под пристальным контролем. В частности, по словам спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко, формирование уголовно-правовой политики всегда неразрывно связано с происходящими процессами меняющегося экономического или социального контекста. Между тем она подвергает критике несистемные и неаккуратные подходы к реформированию уголовного законодательства, а также введение уголовно-правовых запретов в угоду моменту, той или иной популистской идеи, эффектной «пиар-кампании»¹.

Вполне обоснованно, что расширение уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности продиктовано временем. Между тем следует констатировать, что некоторые принятые нормы ввиду слабой проработанности их криминологической обоснованности и порой очевидным отступлением от правил юридической техники в разряд преступлений включены преждевременно.

Сегодня приходится наблюдать как возрастает социальная значимость правоприменения составов с административной преюдицией, особенно если речь идет о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности. Между тем, если обратить внимание на некоторые составы главы 22 УК РФ, то возникает масса вопросов. В частности, введенная в уголовный закон в 2021 году

¹ См. подробнее: Парламентские слушания в Совете Федерации / Сайт Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://council.gov.ru/events/news/36909/> (дата обращения: 05.04.2024).

ст. 171.5¹, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в крупном размере, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение (ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ), как раз и является одной из них.

Представляется, что авторы Федерального закона от 11.06.2021 № 215-ФЗ, которыми предложена рассматриваемая норма, апеллировали необходимостью защиты граждан от незаконной деятельности субъектов, предоставляющих потребительские кредиты, а также пытались тем самым организовать работу по выявлению компаний с признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке, чтобы защитить добросовестных заемщиков от незаконных действий таких компаний.

Таким решительным действиям со стороны законодателя способствовало негативное общественное мнение к деятельности субъектов, предоставляющих потребительские микрозаймы, функционирование которых сопровождалась с кабальными процентными ставками, а проценты нередко начислялись и по истечении срока действия договора займа².

Но необоснованные процентные ставки – не единственная проблема. Имели место и самоуправные, порой насильственные способы выбивания долгов с заемщиков. В действиях кредиторов часто фигурировали мошеннические схемы, а выдача кредитов нередко осуществлялась по похищенным или утерянным документам и др.

Но, несмотря на криминальную уязвимость рассматриваемой сферы, сама такая финансовая деятельность, несомненно, имеет высокую социально-экономическую значимость. Так, предоставление потребительских кредитов микрокредитными организациями: во-первых, решает проблемы доступности финансовых сервисов для граждан, проживающих в небольших населенных пунктах; во-вторых, предоставляет возможность стать заемщиками лицам, имеющим низкий доход, негативную кредитную историю, не имеющим возможности обеспечить залог и др.; в-третьих, для определенных слоев населения является одним из немногих, если не единственным, способом их финансовой поддержки. Распоряжение кредитными средствами на определенное время предоставляет таким заемщикам возможность покупательской способности, тем самым выступая дополнительным стимулятором экономики страны, производя, например, налоговые отчисления в бюджеты различных уровней³.

¹ Федеральный закон от 11.06.2021 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См. например: определение Верховного Суда РФ от 13.11.2018 № 41-КГ18-46 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Иванова С.А., Короткова М.В. К вопросу о разработке концепции проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Банковское право. 2018. № 6. С. 24-31; Скрипченко Н.Ю. Ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов):

Как показывает статистика, деяния, связанные с незаконной выдачей займов, совершенные впервые (административная ответственность по ст. 14.56 КоАП РФ) в России, хотя и не единичны, но их фактическое число не позволяет говорить о какой-то серьезной угрозе. В частности, авторами законопроекта статьи 171.5 УК РФ в пояснительной записке к нему приведены данные о том, что по ст. 14.56 КоАП РФ в 2018 г. совершено 286 административных правонарушений, а в первом полугодии 2019 г. – 289¹. О количестве повторных данных нет. Между тем в том же 2018 году количество заключенных договоров займа в 2 тысячах действовавших в тот период микрофинансовых организациях (далее – МФО) составляло 29 миллионов на общую сумму 164 млрд. рублей². То есть практически на 100 тысяч выданных займов фиксировался только один незаконный случай. Здесь же следует учесть и то, что в соответствии со ст. 6.1 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»³ (далее – Закон) выдачу займов могут осуществлять также сельскохозяйственные и кредитные потребительские кооперативы, а также некоторые другие организации, которых мы в статистику не включали, хотя даже в Законе исчерпывающий перечень некредитных финансовых организаций не указан.

Более того, согласно разъяснениям Министерства финансов Российской Федерации (далее – Минфин), легальная выдача займов может осуществляться и физическими лицами, зарегистрированными в качестве самозанятых⁴.

Последние данные за 2023 год свидетельствуют, что за 5 лет число МФО в России сократилось почти в 2 раза до 1100, однако по сравнению с 2018 годом количество договоров займа увеличилось в 2,3 раза, до 67 миллионов, на общую сумму 929 млрд. рублей⁵. К сожалению полных данных о количестве

современное состояние и перспективы совершенствования // Правоприменение, том 7. № 1, январь-март 2023 г. С. 103-112.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 237666-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен депутатами ГД А.Г. Аксаковым, И.Б. Дивинским, С.А. Вострцовым, Е.Б. Шулеповым, А.Н. Изотовым, Д.А. Великом, А.Г. Литовченко, М.В. Романовым, К.Г. Слыщенко, И.М. Гусевой, И.Х. Зиннуровым; В.Н. Карамышевым в период исполнения им полномочий депутата ГД; членом СФ Н.А. Журавлевым) (новая редакция) (принят в первом чтении 25.11.2020) // ИПО «Гарант».

² Исследование рынка микрофинансовых организаций // URL: <https://b1.ru/local/assets/surveys/b1-russian-microfinance-companies-market-overview-2023.pdf?ysclid=lvd5e0ucnb804203715> (дата обращения: 06.04.2024).

³ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 20.07.2020 № 03-11-11/63177 «О применении налога на профессиональный доход физическими лицами, получающими процентный доход по договорам займа»; письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 20.02.2021 № 03-11-11/12103 «О порядке применения НПД» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Исследование рынка микрофинансовых организаций [Электронный ресурс] // URL: <https://b1.ru/local/assets/surveys/b1-russian-microfinance-companies-market-overview-2023.pdf?ysclid=lvd5e0ucnb804203715> (дата обращения 06.04.2024).

возбужденных или рассмотренных по ст. 14.56 КоАП РФ административных дел за последние годы в открытых источниках нет, однако факт отсутствия рассмотренных судами уголовных дел за время действия административно-преюдициальной статьи 171.5 УК РФ (3 года) говорит сам за себя.

Причины отсутствия уголовных дел, предусмотренных ст. 171.5 УК РФ, могут скрываться под вполне очевидными отступлениями от правил юридической техники при конструировании рассматриваемой нормы, но и не только.

Так, следует обратить внимание, что законодателем при подготовке редакции уголовной статьи не учтен один существенный факт, связанный с течением сроков давности привлечения виновного по административно-преюдициальной статье 14.56 КоАП РФ, т.к. его исчисление осуществляется со дня заключения договора потребительского займа.

Например, когда «должник» не выполняет обязанности по погашению кредита, «кредитор» через год после выдачи займа обращается в суд и взыскивает не только сумму основного долга, а также проценты за пользование денежными средствами, плюс неустойку за нарушение сроков возврата займа, индексирует сумму просроченной задолженности. Такие действия «кредитора» становятся для «должника» очень обременительными, и он обжалует решения суда, обращаясь также за помощью в надзорные инстанции, и на этой стадии, как правило, выявляются нарушения выдачи кредита. Возможность привлечь виновного к ответственности по ст. 14.56 КоАП РФ уже отсутствует ввиду истечения срока давности. При таких повторных деяниях об уголовной ответственности вообще не может быть и речи.

Думается, что сроки давности – не единственная проблема. В отличие от других административно-преюдициальных норм применительно к деяниям по незаконной выдаче кредита законодателем не разрешен вопрос с уравниванием субъекта (или снятия по нему ограничений) по смежным административному и уголовному деяниям.

Так, к субъектам преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, законодатель относит индивидуальных предпринимателей и руководителей коммерческих организаций, а к субъектам административно наказуемого деяния по ст. 14.56 КоАП РФ – индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Административная же наказуемость юридического лица не образует преюдиционного элемента состава ст. 171.5 УК РФ, делая нелегального участника финансового рынка неуязвимым перед уголовным законом¹.

Таким образом, видится, что для ст. 171.5 УК РФ административно-преюдициальная конструкция законодателем определена ошибочно и является основным препятствием для реализации возможности уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), совершенное в крупном размере. Поэтому

¹ См.: Скрипченко Н.Ю. Правовой механизм противодействия нелегальной деятельности в сфере оказания услуг потребительского кредитования: современное состояние и перспективы совершенствования // «Lex Russica». 2022. № 4. С. 107-116.

применение на практике ст. 171.5 УК РФ маловероятно до внесения изменений в уголовный закон и КоАП РФ.

Литература

1. Иванова С.А., Короткова М.В. К вопросу о разработке концепции проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Банковское право. 2018. № 6. С. 24-31.

2. Скрипченко Н.Ю. Ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): современное состояние и перспективы совершенствования // Правоприменение, том 7. № 1, январь-март 2023 г. С. 103-112.

3. Скрипченко Н.Ю. Правовой механизм противодействия нелегальной деятельности в сфере оказания услуг потребительского кредитования: современное состояние и перспективы совершенствования // «Lex Russica». 2022. № 4. С. 107-116.

УДК 343.352.4

ББК 67.73

Д.С. Малышев

Некоторые процессуальные проблемы доказывания обстоятельств получения завуалированной взятки

Аннотация. В статье приведен положительный опыт расследования следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области уголовного дела о получении взятки. При проверке с соблюдением требований ст. 89 УПК РФ переданных в следственные органы для возбуждения уголовного дела результатов оперативно-разыскной деятельности выяснилось, что задокументированного факта передачи взятки должностному лицу и иных значимых сведений они не содержат. Следователь проанализировал имеющуюся информацию и, проявив творческий подход, с соблюдением требований уголовно-процессуального закона получил бесспорные доказательства совершения коррупционного преступления, который стали основой обвинительного приговора суда.

Ключевые слова: взяткодатель, взяткополучатель, завуалированная взятка, результаты оперативно-разыскной деятельности, ст. 89 УПК РФ, вещественное доказательство

Расследование преступлений коррупционной направленности относится к числу приоритетных направлений деятельности Следственного комитета

Российской Федерации¹ (далее – СК России). По словам А.И. Бастрыкина, «за девять месяцев 2023 года в суды направлено 7 949 уголовных дел о коррупционных преступлениях в отношении 8 898 лиц, среди которых преобладают дела о взяточничестве – 5 353 (67%)»². В этой связи хотелось бы поделиться положительным опытом, наработанным вторым отделом по расследованию особо важных дел следственного управления СК России по Свердловской области.

В соответствии со сложившейся ведомственной практикой, как правило, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, возбуждаются на основании переданных в установленном порядке результатов оперативно-разыскной деятельности³, например, оперативного эксперимента либо зафиксированных в ходе прослушивания телефонных переговоров разговоров между взяточдателем, посредником и получателем взятки. Поэтому следует помнить, что «незаконно проведенное оперативно-розыскное мероприятие порождает незаконный, не имеющий юридической силы результат»⁴.

Изучение судебной практики по коррупционным преступлениям позволяет утверждать, что исключительно процессуальными средствами добиться успеха в их расследовании затруднительно. В большинстве случаев обвинительными приговорами судов завершаются уголовные дела, участие в раскрытии которых принимали оперативные сотрудники. Проверенные процессуальным путем результаты оперативно-разыскной деятельности воспринимаются судами как весомые доказательства виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

В частности, при наличии в уголовном деле о взяточничестве результатов оперативного эксперимента, как правило, взяточдатель, посредник или взяточполучатель еще на этапе предварительного следствия осознают серьезность последствий содеянного, иногда раскаиваются. Взяткодатель или

¹ Бастрыкин А. И. Противодействие коррупции – приоритетная задача государственной политики и важнейшее направление деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Правда и Закон. 2022. № 3 (21). С. 4.

² Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС 08.12.2023 // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1844699> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Бастрыкин А.И., Егоршин В.М., Захарцев С.И., Сальников В.П. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Сборник материалов Международного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года / Под общей редакцией И.А. Антонова, М.Р. Глушкова. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации», 2022. С. 14.

посредник, имея возможность получить незначительное наказание или освободиться от него (в соответствии с примечаниями к ст. 291, 291.1, 291.2 УК РФ), дают детальные показания относительно проведенных встреч с взяточполучателем, договоренности о способе передачи взятки, характере совершаемых или планируемых к совершению должностным лицом действий (бездействия). Именно их показания, а также зафиксированные в ходе оперативного эксперимента, прослушивания телефонных переговоров беседы с взяточполучателем являются доказательствами объективной стороны совершаемого преступления и используются при написании формулировок обвинения.

К сожалению, не во всех случаях при возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, у следователя в распоряжении имеется такой «инструмент».

Вторым отделом по расследованию особо важных дел следственного управления СК России по Свердловской области успешно расследовано и направлено в суд уголовное дело о взяточничестве, уникальность которого заключается в доказывании совершенного преступления исключительно на основе минимальных сведений, полученных из ежедневника и телефона взяточдателя. Эти предметы были изъяты при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Так, в следственный орган поступили материалы, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности, для принятия решения о возбуждении уголовных дел по факту передачи и получения взятки.

При изучении документов на этапе доследственной проверки было установлено, что оперативные сотрудники получили первичную информацию о возможном несоблюдении заместителем начальника департамента по реализации инвестиционных программ МУП «Водоканал» (далее – должностное лицо МУП «Водоканал») требований законодательства о противодействии коррупции¹. Должностное лицо приобретало имущество, стоимость которого явно превышала его доходы и доходы членов его семьи. В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий установлены возможные коррупционные связи этого лица с директором строительной компании, являющейся исполнителем муниципального контракта (далее – компания-исполнитель), заключенного с ним «МУП Водоканал». Оперативные сотрудники провели обследование офиса предпринимателя (исполнителя работ), где изъяли личный ежедневник и сотовый телефон директора.

При изучении оперативным путем личностей взяточдателя и взяточполучателя установлено, что их связывают дружеские отношения, а также продолжающаяся по настоящее время работа по муниципальным контрактам, по которым должностное лицо МУП «Водоканал» непосредственно подписывает акты выполненных работ. Оперативными сотрудниками были затребованы

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.04.2024).

муниципальные контракты интересующей строительной компании, а также акты выполненных работ.

Ввиду того, что факт дачи-получения взятки состоялся задолго до того, как о нем стало известно органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, он не был зафиксирован оперативными сотрудниками. Кроме того, в представленных материалах отсутствовали сведения о содержании договоренности между взяткодателем и взяткополучателем относительно размера взятки, момента и способа ее передачи, возможных посредниках, а также действиях (бездействии), за которые она могла быть передана должностному лицу. Вместе с тем высшая судебная инстанция в п. 2, 8, 9, 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 акцентирует внимание на обязательном доказывании соответствующих обстоятельств¹. Одновременно нужно принимать во внимание требования ст. 73 УПК РФ. Таким образом, на момент принятия по этому материалу доследственной проверки процессуального решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ перспектива его направления в суд была весьма сомнительной. Тем не менее было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении взяткополучателя и п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ – взяткодателя.

В процессе доказывания важно было строго соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства. Признание любого из немногочисленных доказательств недопустимым влекло риски оправдания лиц, совершивших коррупционное преступление.

С учетом требований ст. 89 УПК РФ произведен осмотр ежедневника директора компании-исполнителя по муниципальным контрактам. В ходе детального анализа его содержания обнаружены рукописные записи «перечислить деньги откат 5 % по объекту «название объекта» (ФИО взяткополучателя), указана сумма, из которой высчитано 5 %». В дни перечисления денежных средств имелись записи «отправил часть суммы», «остатки суммы – откат за «название объекта» и ФИО взяткополучателя».

После этого следователем произведен осмотр изъятого сотового телефона в отсутствие специалиста, поскольку «при производстве следственного действия в судебной практике, как правило, его участие признается необязательным»². При изучении содержимого мобильного устройства обнаружена переписка в мессенджере с взяткополучателем, в ходе которой последний направил реквизиты «фирмы-однодневки». После перечисления денежных средств

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 25.04.2024).

² Казаков А.А. Процессуальные аспекты получения информации о переписке, переговорах, сообщениях лиц при расследовании преступлений экстремистской направленности // Противодействие экстремизму в условиях цифровизации и информатизации общества и государства: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 17 ноября 2022 г.). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023.С. 97-102.

директор компании-исполнителя сообщал взяткополучателю о проведении платежей.

На основании постановления следователя ежедневник и сотовый телефон приобщены к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

Для проверки полученных данных следователем с соблюдением требований ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹ в кредитную организацию направлен запрос о движении денежных средств на расчетном счете компании. Из поступившей в ответ на него выписки установлены даты и основания перечислений на расчетный счет «фирмы-однодневки» денежных средств, которые предположительно являлись предметом взятки. При переводе денег в платежных документах в качестве назначения платежа указывалась оплата якобы оказанных компании-исполнителю «фирмой-однодневкой» услуг. Таким образом, процессуальным путем была установлена сумма взятки и способ ее передачи.

Расследование этого уголовного дела было сопряжено с различными формами противодействия, попытками дискредитировать результаты работы правоохранительных органов.

Проводимые допросы взяткодателя сводились к тому, что он отрицал факт передачи взятки. При этом записи в ежедневнике признавал, но сообщал, что это были лишь его мысли о возможной даче взятки, никаких действий к реализации преступных намерений он не предпринимал. Допрашиваемый подчеркивал, что должностное лицо МУП «Водоканал» не имело никаких полномочий относительно заключения муниципального контракта и подписания акта выполненных работ.

Вместе с тем показания взяткодателя противоречили документации, оформляемой на этапе исполнения муниципального контракта. Все акты выполненных работ были подписаны взяткополучателем, который не отрицал этого. При этом он пояснял, что подписание документов не входило в его полномочия, а лишь являлось «техническим» оформлением. Для опровержения этой версии в МУП «Водоканал» получены локальные нормативные документы, подтверждающие специальные полномочия взяткополучателя и наличие у него организационно-распорядительных функций.

По данному уголовному делу в Уральском филиале (с дислокацией в г. Екатеринбург) СЭЦ СК России назначалась судебная лингвистическая экспертиза. Согласно ее заключению записи в ежедневнике и переписка в телефоне директора компании-исполнителя связаны по смыслу и содержанию общей темой: перечисление безналичным способом денежных средств, предназначенных взяткополучателю, на расчетный счет указанного им юридического лица.

Таким образом, креативный подход к установлению обстоятельств получения и дачи взятки позволил следователю в условиях начального дефицита

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/?ysclid=lvgwox68li597098661 (дата обращения: 25.04.2024).

информации установить всю совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств и привлечь виновных лиц к уголовной ответственности. По приговору суда взяточполучатель и взятодатель признаны виновными соответственно по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Каждому из них назначено наказание в виде лишения свободы на срок семь с половиной лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, а также дополнительные наказания¹. Апелляционная инстанция исключила дополнительное наказание, в остальном оставив приговор без изменения².

Следует отметить, что обмен положительным опытом расследования таких уголовных дел в условиях существенного дефицита информации на момент их возбуждения будет способствовать мотивации следователей на достижение результатов работы даже в случаях, когда на начальном этапе это кажется бесперспективным.

Литература

1. Бастрыкин А. И. Противодействие коррупции – приоритетная задача государственной политики и важнейшее направление деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Правда и Закон. 2022. № 3 (21). С. 3-7.

2. Бастрыкин А.И., Егоршин В.М., Захарцев С.И., Сальников В.П. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Сборник материалов Международного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года / Под общей редакцией И.А. Антонова, М.Р. Глушкова. Санкт-Петербург: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации», 2022. С. 7-45.

3. Казаков А.А. Процессуальные аспекты получения информации о переписке, переговорах, сообщениях лиц при расследовании преступлений экстремистской направленности // Противодействие экстремизму в условиях цифровизации и информатизации общества и государства: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 17 ноября 2022 г.). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 97-102.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 25.09.2023 № 1-47/2023 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.02.2024 № 22-280/2024 // URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13028460&case_uid=c78c7bb6-bcd8-4969-9294-2ef41d1dd389&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 25.04.2024).

К вопросу о расследовании уголовных дел с учетом перспективы их рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей

Аннотация. В настоящее время при поддержании государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей прокуроры сталкиваются с необходимостью решения ряда проблем, связанных с особенностями производства в указанной форме судебного разбирательства. Среди них необходимо выделить требующие разрешения вопросы, возникающие на этапе судебного следствия. В исследовании рассмотрена проблематика, касающаяся доведения до присяжных сведений о личности подсудимого и оглашения показаний участников уголовного дела. Автором предложены рекомендации по нивелированию обозначенных проблемных вопросов путем изменения подхода к оформлению материалов уголовных дел при расследовании всех видов преступлений, рассмотрение которых предусматривает для обвиняемого выбор такой формы судебного разбирательства как производство в суде с участием присяжных заседателей. Предложения затрагивают, прежде всего, изменения в подходе к фиксации показаний допрашиваемых и изложению постановления о привлечении в качестве обвиняемого с учетом отдельных сведений об его личности.

Ключевые слова: присяжные заседатели, пределы доказывания, сведения о личности подсудимого, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, допросы, фиксация показаний

Форма судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, изложенная в главе 42 УПК РФ, востребована среди лиц, которым инкриминируется совершение преступлений, предусматривающих возможность выбора такой формы. Вместе с тем за многолетний период действия института присяжных заседателей сторона обвинения не выработала универсальных способов доведения до присяжных собранных доказательств, которые приносили бы стабильный результат в виде вынесения обвинительного вердикта.

Думается, что повышению эффективности работы государственных обвинителей с коллегией присяжных (далее – коллегии) способствовало бы качественно иное содержательное наполнение материалов уголовных дел органами предварительного следствия. По нашему мнению, расследование любого из преступлений, приведенного в п. 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, должно осуществляться с учетом потенциальной перспективы поступления ходатайства от обвиняемого на его рассмотрение в суде с участием присяжных заседателей. В обоснование сделанного утверждения, принимая во внимание ограниченные рамки объема исследования, представляется целесообразным остановиться на двух значимых моментах. Краеугольным документом (с точки зрения изменения

содержательного наполнения) является постановление о привлечении в качестве обвиняемого, определяющее пределы доказывания, то есть сведения, которые могут быть доведены до коллегии. Следующим значимым моментом, выделенным нами как требующего внимания для изменения подхода в оформлении, являются показания участников уголовного дела, зафиксированные в протоколах допросов, содержание которых предполагается оглашать в качестве доказательств¹, подтверждающих предъявленное обвинение. В настоящем исследовании не будут затронуты вопросы оформления иных протоколов следственных действий, относящихся к письменным доказательствам (протоколы проверки показаний на месте, следственного эксперимента и др.), однако, представляется, фиксация сведений в них должна быть также облегчена для улучшения их дальнейшего содержательного восприятия коллегией.

Как известно, нормы уголовно-процессуального законодательства, касающиеся судебного следствия при указанной форме судебного разбирательства, предусматривают ряд отличительных особенностей. Прежде всего, выделяются ограничения в части доведения до коллегии информации о личности подсудимого, которая могла бы вызвать в отношении последнего определенные предубеждения. На практике фактически любые сведения о личности подсудимого в разных вариациях воздействуют на присяжных. В частности, данные о том, что подсудимый – это заботливый отец, имеет на иждивении престарелых родителей и др., могут вызвать жалость у коллегии, которая посчитает для себя возможным положительно высказаться не только в вопросе о снисхождении в отношении подсудимого, но и об отсутствии его вины в содеянном. Негативные сведения о личности подсудимого, в свою очередь, также могут привести к необъективным ответам коллегии на вопросы, сформулированные в вопросном листе. В то же время по значительному числу рассматриваемых уголовных дел с участием присяжных принципиально важно довести до сведения коллегии отдельную информацию, связанную с личностью подсудимого. В противном случае может возникнуть ситуация, когда присяжные самостоятельно или с подачи стороны защиты начнут считать имеющиеся у них пробелы в цепочке доказывания как умышленное сокрытие от них истинных обстоятельств совершенного деяния либо настоящих преступников. Подтвердим изложенную мысль на конкретном примере.

М. инкриминировалось покушение на убийство двух лиц, а также убийство двух лиц, при совершении которых М. использовал имевшийся у него нож и пистолет. Все действия выполнены М. в одиночку в момент его прихода в дом к потерпевшему П. для обсуждения конфликтной ситуации. Понимание, что преступные действия при указанных в предъявленном обвинении

¹ Рязанова Н.В. Допрос как источник доказательств в современном судопроизводстве // Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021. С. 288.

обстоятельствах могли быть реализованы одним человеком в отношении четверых, возможно только при условии доведения до коллегии отдельных сведений о личности подсудимого. Такими сведениями являются навыки ведения ближнего боя и стрельбы, полученные им во время службы в войсках ФСБ России. Пробел в столь важной информации о личности подсудимого позволил бы стороне защиты убедительно воздействовать на коллегию с выработанной версией о том, что М. оборонялся от потерпевшего П. и его знакомых, которые сами напали на него, и в результате обороны М. нанес телесные повреждения всем четверым нападавшим, повлекшие смерть двум из них. В судебных прениях государственный обвинитель обратил внимание присяжных на наличие у подсудимого указанных навыков, несмотря на возражения стороны защиты, что, в итоге, привело к обвинительному вердикту, вынесенному коллегией, и обвинительному приговору, вступившему в законную силу¹.

Вместе с тем представляется, что правомерность действий государственного обвинителя при доведении коллегии сведений о личности подсудимого не ставилась бы под сомнение в случае указания органами предварительного следствия в тексте постановления о привлечении в качестве обвиняемого М. сведений об его навыках по ведению ближнего боя и стрельбе. Такие сведения целесообразно было бы изложить при описании выполнения объективной стороны преступления. Например, по эпизоду убийства: «...М., находясь в доме П. по адресу <...>, обладая навыками ведения ближнего боя и стрельбы, при помощи принесенных с собой огнестрельного пистолета <...> и охотничьего ножа <...>, совершил умышленное причинение смерти П. и Ш. при следующих обстоятельствах...».

Вторым моментом, требующим изменений в подходе к оформлению материалов уголовного дела, являются протоколы допросов с показаниями участников уголовного дела, любые из которых в силу различных обстоятельств могут быть оглашены коллегии при исследовании доказательств. Как показывает практика, большинство показаний участников по уголовному делу следователи излагают нейтрально, преобразуя разговорную речь допрашиваемого лица в официально-деловой стиль. О проблемах дословного изложения показаний достаточно много уделено внимание в научной литературе². Вместе с тем в случае необходимости оглашения в судебном следствии показаний того или иного участника перед коллегией встает сразу несколько вопросов. Во-первых, о способности восприятия на слух присяжными подобного стиля изложения показаний, особенно при большом объеме показаний. Во-вторых, о достоверности изложения следователем показаний. Так, в случае допроса лица в суде и необходимости в силу ряда причин оглашения его показаний, полученных на предварительном следствии, присяжные, как правило, наблюдают заметную

¹ Надзорное производство прокуратуры Иркутской области по уголовному делу № 12002250030000048.

² Новиков С.А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 3.

разницу между манерой изложения информации конкретного допрошенного лица и показаниями, записанными следователем в протоколе его допроса. Если лицо настаивает, что он не говорил следователю оглашенную информацию, то у присяжных могут закрасться сомнения о достоверности показаний, зафиксированных субъектом расследования. Особенно заметна такая разница в показаниях несовершеннолетних свидетелей.

В качестве положительного опыта приведем показания несовершеннолетнего свидетеля Д. младшего школьного возраста по уголовному делу по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью его отчиму, повлекшего по неосторожности смерть последнего. Так, допрошенный в качестве свидетеля несовершеннолетний Т. пояснил: «У него был папа Д. Тому было, кажется, 42 года. День рождения не помнит. Его папа недавно умер, того избили дяденьки, когда они были с тем дома в их деревне. В последний раз он видел папу живым 09 ноября 2020 года, к ним тогда приехала их мама. Его разбудил папа и сказал, что кто-то стучится. Он пошел открывать дверь, так как папе было долго вставать, тот плохо ходил. Он спросил «кто», и мама ему сказала: «Открывай». Он открыл дверь и увидел двоих дяденек, с теми была его мама. Он подумал, что дяденьки приехали к папе. Пошел к папе и сказал, что приехала мама. Папа лежал на кровати слева. Затем мама зашла к ним в комнату и сказала ему: «Собирайся, поедem к бабе». Он стал говорить маме, что не хочет ехать, что хочет дома остаться. А те два дяденьки сразу вытащили куда-то его папу. Он испугался, так как дяденьки взяли папу с двух сторон за две руки, полностью вытянули руки папы в стороны и потащили лицом вверх. Когда папу потащили из комнаты, папа спросил у дяденек «Вы кто такие?». Он растерялся, говорил маме, что не хочет никуда ехать, хочет остаться дома. Но та все равно ходила и собирала его вещи. Затем он заплакал, потому что увидел, как дяденьки бьют папу на кухне... Когда он стоял у папиной кровати он увидел, как папу сильно бьют дяденьки. Те пинали папу ногами, наклонялись над тем и били кулаками по лицу. Сначала те били папу по очереди, а потом одновременно. Ему было очень страшно, он кричал тем «Хватит!», громко плакал, потому что ему было жалко папу. Но дяденьки его не слушали, дальше били папу. Те били папу очень много, он не смотрел сколько ударов те сделали папе, так как боялся смотреть...»¹.

Кроме того, считаем целесообразным привести в качестве положительной практики фрагмент показаний свидетеля П., допрошенного в рамках этого же уголовного дела:

«...Вопрос следователя: А Вы все это наблюдали откуда?

Ответ: Я сидел в комнате, здесь вообще метр, два от нас, они лежали на кухне, получается, вот здесь «проходик» такой, рядышком, кровать, и ну вот спальня и кухня, вообще тут все рядом происходило.

Вопрос следователя: Избиение происходило на ваших глазах, на таком небольшом расстоянии?

Ответ: Да.

¹ Надзорное производство Гусиноозерской межрайонной прокуратуры Республики Бурятия по уголовному делу № 12002810014000088.

Вопрос следователя: Ребенок помимо того, что плакал, кричал, он физически как себя вел? Сидел или двигался?

Ответ: Сидел он на кровати и плакал так. Ну весь трясся, истерика у него была, говорил: «Не бейте папу!»...»¹.

В заключении обратим внимание также на важность фиксации в процессе предварительного следствия показаний допрашиваемых с использованием технических средств. Такая дополнительная фиксация посредством аудио- либо видеозаписи, которая может быть воспроизведена в судебном следствии, повышает убедительность представляемого коллегии доказательства².

Таким образом, на этапе досудебного производства в случае изменения подхода к оформлению материалов уголовного дела следователи способны внести еще больший вклад для дальнейшего судебного разбирательства по расследуемому делу, имеющему потенциальную перспективу рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей.

Литература

1. Матвеев С.В. К вопросу о процессуальном оформлении (фиксации) показаний несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69, № 3. С. 568-580.

2. Новиков С.А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 2-6.

3. Рязанова Н.В. Допрос как источник доказательств в современном судопроизводстве // Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 16–17 апреля 2020 года. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021. С. 287-292.

УДК 343.237

ББК 67.408

З.А. Незнамова

Уголовно-правовая оценка групповой преступной деятельности следственными и судебными органами

Аннотация. В работе рассматриваются спорные вопросы квалификации преступлений по квалифицирующему признаку «совершенное группой лиц по

¹ Там же.

² Матвеев С.В. К вопросу о процессуальном оформлении (фиксации) показаний несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69, № 3. С. 578.

предварительному сговору». На основании анализа руководящих разъяснений Верховного Суда РФ по делам об убийстве, краже, грабеже и разбое, преступлениям коррупционной направленности делается вывод о непоследовательности и даже определенной противоречивости рекомендаций высшей судебной инстанции по уголовно-правовой оценке указанных выше преступлений по признаку «совершенное группой лиц по предварительному сговору». Непоследовательность рекомендаций Верховного Суда РФ порождает неоднозначную квалификацию групповых преступлений следственными и судебными органами.

Ключевые слова: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, форма соучастия, вид соучастия, соисполнительство, сложное соучастие, квалификация преступлений по признакам совершения группой лиц по предварительному сговору

Уголовно-правовая оценка групповой преступной деятельности всегда вызывала серьезные сложности у следственных органов и судебных инстанций. К сожалению, принятый в 1996 г. УК РФ добавил и преумножил данные сложности. Объясняется это некоторыми особенностями законодательного регулирования групповой преступной деятельности в данном УК РФ. Отметим некоторые из них. Во-первых, законодатель, на наш взгляд, ошибочно свел всю групповую преступную деятельность к институту соучастия, породив тем самым проблемы уголовно-правовой оценки объективно-группового совершения преступления. Во-вторых, исключил из Общей части уголовного закона институт прикосновенности к преступлению и фактически декриминализовал институт укрывательства и недонесения о готовящемся или совершенном преступлении в Особенной части УК РФ. В теории уголовного права и практике его применения существуют серьезные проблемы с оценкой соучастия в преступлении со специальным субъектом.

Но в данной работе будет рассмотрена только одна проблема, связанная с уголовно-правовой оценкой преступлений, совершаемых группой лиц по предварительному сговору.

В ч. 1 ст. 35 УК РФ законодатель дает понятие группы лиц без сговора. Согласно данной норме «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора». В этом случае законодатель для группы лиц без сговора четко и бесспорно определил форму соучастия. Группа лиц без предварительного сговора должна быть только в форме соисполнительства. Значит, для вменения данного квалифицирующего признака в тех преступлениях, где статьи Особенной части уголовного закона содержат такой квалифицирующий признак, надо доказывать, что при совершении преступления действовали два или более исполнителя.

В ч. 2 ст. 35 УК РФ законодатель дает понятие группы лиц по предварительному сговору и предлагает считать, что «преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем

участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». И вместо четкого термина, характеризующего вид соучастника как исполнителя, как это было в ч. 1, употребляет слово «лицо». С точки зрения соучастия лицо может быть не только исполнителем, но и организатором, пособником или подстрекателем.

Нам трудно предполагать, было ли это технической, редакционной ошибкой или принципиальной позицией законодателя. Заменой слова «исполнитель» на слово «лицо» можно поменять принципиально форму соучастия в группе лиц по предварительному сговору. Такая группа лиц могла быть образована как только соисполнителями, так и другими соучастниками. В уголовном праве (в отличие от математики) от перемены мест слагаемых сумма может измениться, а уголовно-правовая оценка данной группы – тем более.

Существующая к моменту принятия и вступления в силу УК РФ теория соучастия исходила из принципиальной концепции, что группа лиц по предварительному сговору, равно как и группа лиц без предварительного сговора, могла существовать или, по крайней мере, иметь юридическое знание только в форме соисполнительства¹.

Именно эту позицию достаточно жестко заняла правоприменительная практика. Примером может служить п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»², а в последующем в п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»³.

Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11, «дезертирство считается совершенным группой лиц по предварительному сговору в случае участия в нем двух и более лиц, заранее договорившихся о его совместном совершении. Если судом не установлено, что лица, одновременно совершившие дезертирство, действовали совместно и в соответствии с заранее достигнутой договоренностью, содеянное каждым из них следует квалифицировать по части 1 статьи 338 УК РФ при отсутствии иных квалифицирующих признаков, предусмотренных частью 2 статьи 338 УК РФ. Если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении дезертирства, содеянное исполнителем не может квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этих случаях в силу части 3 статьи 34 УК РФ

¹Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург. 1999. 202 с.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8162/> (дата обращения: 07.05.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/32440/> (дата обращения: 07.05.2024).

действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ».

Такое же требование закреплено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: «В случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору»¹. Термин «распределение ролей» в этом случае понимается как техническое, а не юридическое распределение ролей, поскольку лицо совершает действие, входящее в объективную сторону вымогательства, то есть является исполнителем. Формой соучастия в вымогательстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, также является соисполнительство. Соучастие с юридическим распределением ролей, сложное соучастие, данный квалифицирующий признак не образует. Это подтверждается следующим пунктом цитируемого выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56: «Если лицо осуществляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части статьи 163 УК РФ и части 5 статьи 33 УК РФ».

Устоявшаяся в настоящее время теоретическая позиция, что группа лиц по предварительному сговору должна быть только в форме соисполнительства, воспринятая в основе своей практикой применения норм уголовного права, породила тенденцию, которую нельзя принять однозначной. Верховный Суд РФ, стремясь усилить ответственность за групповое совершение преступления, не меняя при этом форму соучастия, начал расширять понятие исполнителя. Таковым согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), то есть выполнившее полностью или частично объективную сторону состава преступления.

Верховный Суд РФ стал либо расширять объективную сторону состава преступления, либо пособников признавать исполнителями. Так, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» отмечалось, что в качестве исполнителей преступления следует признавать лиц, которые действовали

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8467/> (дата обращения: 07.05.2024).

совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, и непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего¹.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» понятие соисполнительства уже несколько расширено: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения). Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица)»².

С одной стороны в данном пункте указано, что исполнителем признается «лицо, непосредственно участвующее в процессе лишения жизни», а с другой стороны «необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)». Такое поведение ранее было бы признано пособничеством.

Подобного рода трактовка то ли объективной стороны состава убийства, то ли понятия исполнителя привела к тому, что следственные органы всякий раз пытаются расширить понятие соисполнительства в убийстве и часто ошибочно вменяют п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебным органам приходится исправлять ошибки следствия, а иногда и судов первой инстанции. Приведу лишь несколько примеров.

В постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу И. и Р. отмечается, что «убийство признается совершенным группой лиц только в том случае, если в его совершении участвует не менее двух исполнителей. Установлено, что И. и Р. находились в помещении животноводческой фермы, где распивали спиртное. Пришедший М. сделал И. замечание по поводу распития спиртного и предложил Р. покинуть помещение. В результате между М., с одной стороны, и Р. и И. – с другой, произошла ссора. Через некоторое время М. уснул на топчане, находившемся в той же комнате, а Р. и И. договорились о его убийстве.

Во исполнение задуманного Р. фонариком мобильного телефона осветил спавшего на топчане потерпевшего М., а И. из хранившегося в комнате гладкоствольного охотничьего ружья с близкого расстояния выстрел в

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7794/> (дата обращения: 07.05.2024).

затылочную часть головы М. В результате огнестрельного ранения головы М. скончался на месте происшествия.

Указанные действия И. и Р. квалифицированы по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона, убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего. Непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами (соисполнителями).

Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух и более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом наряду с соисполнителями преступления другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства.

Суд первой инстанции признал Р. и И. соисполнителями убийства М. и действия каждого из них квалифицировал по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Между тем из приговора усматривается, что Р. не принимал непосредственного участия в убийстве М. Освещая фонариком мобильного телефона спавшего на топчане потерпевшего, он лишь содействовал И. в совершении этого преступления, создавая ему необходимые условия для производства прицельного выстрела из ружья в затылочную часть головы М. При описании преступного деяния, признанного судом доказанным, в приговоре указано, что Р., осветив фонариком телефона спавшего на топчане М., «... облегчил тем самым выполнение И. отведенной ему роли».

Таким образом, из приговора следует, что убийство М. было совершено одним И., который из гладкоствольного охотничьего ружья с близкого расстояния произвел выстрел в голову потерпевшего, а Р., создавая ему условия для производства прицельного выстрела, являлся пособником убийства. При таких обстоятельствах Президиум переквалифицировал действия Р. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, а действия И. - с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ¹.

В другом случае высшая судебная инстанция изменила правовую оценку содеянного соучастниками убийства, указав, что «лицо, изготовившее орудие преступления и тем самым содействовавшее его совершению, признано не соисполнителем преступления (убийства), а пособником». Как указано в приговоре, осужденная Д. предложила В. совершить нападение на потерпевшего с целью завладения его имуществом. Согласно разработанному плану она приехала вместе с потерпевшим в обусловленное место, где ожидавший их

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.12.2013 № 235-П13 // СПС «КонсультантПлюс».

осужденный В. потребовал от потерпевшего передать ему денежные средства. Между потерпевшим и осужденным В. завязалась борьба, в ходе которой Д. с целью подавления сопротивления нанесла потерпевшему удар бутылкой по голове, от чего образовались кровоподтек и ссадина в затылочной области. Понимая, что потерпевший может помешать завладеть имуществом, В. решил убить его и приказал Д. сделать из полотенца веревку. Затем В. изготовленной Д. веревкой связал ноги и руки потерпевшего и, сделав петлю, задушил последнего. После этого нападавшие похитили деньги и различное имущество потерпевшего.

Указанные действия осужденных квалифицированы судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации переqualificировала действия осужденной Д. с п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как пособничество в убийстве, сопряженном с разбоем, а из осуждения В. по ч. 2 ст. 105 УК РФ также исключила п. «ж» - совершение убийства группой лиц. Изменение правовой оценки мотивировано следующим. Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие. Такие обстоятельства по настоящему делу не установлены. Изготовление осужденной Д. веревки, с помощью которой В. связал потерпевшего и задушил, с учетом характера нападения, а также присутствия осужденной Д. в момент применения В. насилия, опасного для жизни потерпевшего (сдавление шеи локтевым суставом руки), свидетельствует о наличии в действиях Д. пособничества в убийстве потерпевшего. В связи с этим в действиях осужденных отсутствует квалифицирующий признак – совершение убийства группой лиц¹.

К сожалению, попытки расширительного толкования соисполнительства при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору не ограничились постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1.

В п. 6, 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» отмечается, что «при похищении человека и незаконном лишении свободы насилие или угроза его применения могут осуществляться как в отношении похищаемого лица или лица, незаконно лишаемого свободы, так и в отношении иных лиц, в том числе близких родственников, с целью устранения препятствий захвату, перемещению или удержанию потерпевшего. В случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками о похищении человека виновный совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону данного преступления, он несет уголовную ответственность как соисполнитель

¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2015 № 127-АПУ15-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 8. С. 11.

преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору (пункт «а» части 2 статьи 126 УК РФ)»¹.

В данном случае Верховный Суд РФ расширяет пределы объективной стороны состава похищения человека и еще более расширяет понятие исполнителя. В частности, призывает исполнителем признавать лицо, которое устраняет препятствие для совершения преступления, что является классическим физическим пособничеством.

Аналогичный вывод можно сделать и из содержания п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ, уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ»².

Оказание содействия исполнителю – это тоже пособничество, а не соисполнительство в совершении преступления. Таким образом, соисполнительство при совершении краж, грабежей и разбоев также существенно расширено высшей судебной инстанцией страны.

Рамки данной статьи не позволяют рассмотреть еще целый ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ, убедительно подтверждающих обозначенную нами тенденцию. И уж тем более проиллюстрировать ее примерами судебной практики.

Каков же вывод. Их два. Первое – признать практику расширительного толкования понятия исполнителя, понятия соисполнительства как формы совершения преступления и понятия группы лиц по предварительному сговору как видов соучастия не соответствующей теории уголовного права, теории соучастия, действующему уголовному законодательству, принципам законности и справедливости. Второй вывод. А может быть, содержание ч. 2 ст. 34 УК РФ, дающей понятие группы лиц по предварительному сговору, не было технической или редакционной ошибкой и отражало позицию законодателя по расширению

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28634/> (дата обращения: 07.05.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 07.05.2024).

данного вида соучастия. Может быть, теория соучастия и правила его деления на формы и виды были основаны на законодательстве советского периода, и не отражают современную криминальную действительность, и не решают вопрос о противодействии современным формам группового преступного поведения.

Литература

1. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург. 1999. 202 с.

УДК 343.341

ББК 67.408.131

Е.В. Пейсикова

Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы правоприменительной практики

Аннотация. Автором раскрываются некоторые проблемы определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. На основе новейшей правоприменительной практики формулируются подходы к содержанию понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Автор предлагает относить к субъекту данного преступления не только «воров в законе», но и тех лиц, которые по своему статусу стоят ниже: «положенцев» и «смотрящих», которым «воры в законе» делегировали свои организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные полномочия (функции). Утверждается, что для отнесения лица к высшему положению в преступной иерархии по ст. 210¹ УК РФ недостаточно установления лишь факта наделения лица криминальным статусом: «вор в законе», «положенец» или «смотрящий». Для этого требуется установление конкретных действий, связанных с реализацией лицом определенных функций, подтверждающих этот статус.

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии, специальный субъект преступления, «вор в законе», «положенец», «смотрящий».

Введение в УК РФ статьи, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹), Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ, как указывалось в пояснительной записке к закону, вызвано тем, что ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не была предусмотрена законом, однако лидеры преступных сообществ благодаря своему положению в преступной иерархии, как правило,

уходили от уголовной ответственности¹. Как показывает практика, формулировки пояснительных записок, выражая политическую волю законодателя, как правило, не отражают истинного смысла вводимой той или иной нормы. Новая норма после ее принятия, словно ребенок, отделяясь от материнского чрева, начинает жить самостоятельной жизнью. Правоприменителю при толковании новой нормы приходится находить ее содержание, наделяя ее собственным представлением, исходя из современных материальных и процессуальных пределов.

Уголовно-правовое понятие «высшее положение в преступной иерархии» с принятием данного закона не являлось новеллой, поскольку за десять лет до введения такой ответственности в ст. 210 УК РФ была включена часть четвертая, устанавливающая ответственность за совершение преступлений, предусмотренных частями 1 и 1.1 этой статьи, таким особым субъектом². Однако, если обратиться к судебной практике по данным делам, то можно увидеть, что за весь период действия данной нормы по ч. 4 ст. 210 УК РФ было осуждено только два лица. То есть закон, вступивший в силу почти пятнадцать лет назад, носит, скорее, декларативный характер.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» давал разъяснения по вопросу, каких лиц следует относить к субъектам данного преступления³. В частности, при определении такого субъекта необходимо устанавливать, в чем конкретно выражены преступные действия по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также (в чем конкретно выразились) другие преступные действия, свидетельствующие об авторитете этого лица и его лидерстве в преступном сообществе.

Поскольку Пленумом Верховного Суда РФ специального разъяснения по ст. 210¹ УК РФ не давалось, поэтому судебное толкование субъекта такого преступления опиралось именно на указанное разъяснение и на правоприменительную практику, которая в самом начале существования этой

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Часть 4 в ст. 210 УК РФ введена Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»: «... судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации)...» // СПС «КонсультантПлюс».

уголовно-правовой новеллы складывалась непросто, не была единообразной и не является таковой до сих пор, вот уже спустя почти пять лет существования.

В первую очередь проблемы правоприменительного характера возникают в толковании оценочных признаков, относящихся к субъекту преступления и носящих криминообразующую нагрузку в составе преступления. Речь идет о таких понятиях, как «преступная иерархия», «высшее положение», «занятие» высшего положения в преступной иерархии. Сложности правоприменения связаны с тем, что оценочные признаки состава преступления определяются не только и не столько самим законом, сколько правосознанием правоприменителя, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела. Все эти вопросы, связанные с дефектностью рассматриваемой нормы, поднимались мною на лекциях в ходе повышения квалификации судей в Российском государственном университете правосудия при рассмотрении данного состава преступления.

В настоящее время можно сказать, что судебная практика по данной категории дел, так или иначе, преодолевая дефекты самой нормы, уже устоялась. Об этом свидетельствует судебная статистика. Так, по ст. 210¹ УК РФ в 2021 г. осуждено 8 лиц, 2022 г. – 20, в 2023 г. – 33 лица.

Анализ судебной практики применения ст. 210¹ УК РФ позволил выявить ряд проблем, связанных и с содержанием объективной стороны преступления, и с моментом начала и окончания деяния, и с возможностью применения норм о добровольном отказе, неоконченном преступлении, соучастия в рассматриваемом деянии, а также множество иных проблем. Но в рамках предлагаемого формата конференции необходимо остановиться на вопросах определения специального субъекта преступления. Причем только на некоторых важных аспектах.

Субъектный состав преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, в норме не определен, в отличие, например, от законодательства Грузии, где в ст. 223¹ УК Грузии предусмотрена уголовная ответственность за участие в воровском сообществе и за пребывание лица в положении «вора в законе». Если ориентироваться на научные исследования, которые основаны на ограниченной практике применения этой нормы, то они не имеют единого подхода в вопросе, кого же следует относить к субъекту данного преступления.

Такие неясности, в том числе правоприменительного характера, безусловно, связаны со спецификой самого деяния, эксклюзивностью субъекта, а также с отсутствием достоверных статистических данных. Нам не известно, какое количество лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, находится на территории Российской Федерации¹. По некоторым экспертным данным, в настоящее время в России насчитывается чуть более двухсот «воров в законе». «Положенцев», не говоря уже о «смотрящих», в десятки раз больше.

¹ В Советском Союзе в начале 1990-х насчитывалось 716 «воров в законе», 339 из которых были выходцами из других республик бывшего Союза и действовали не только на территории своих союзных республик, но и на всей территории России. См.: Стукалова Т.В., Сухаренко А.Н. Уголовное преследование лидеров преступной среды в России: состояние и проблемы. Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2022. С.15.

Большинство научных исследователей¹ считает, что высшее положение в преступной иерархии могут занимать лишь коронованные профессиональные преступники, то есть «воры в законе». Кстати, именно этот довод является главным у стороны защиты при рассмотрении таких дел и при обжаловании приговоров в вышестоящих инстанциях. Кто такие «воры в законе»? Это наиболее влиятельные преступники, пользующиеся неоспоримым авторитетом и высокопоставленным статусом в рамках преступного сообщества. Они представляют собой элиту организованной преступности, статус которой сравним со статусом «крестных отцов» в итальянской мафии. Этим статусом, как правило, пожизненным, их наделяет «сходка воров в законе», представляющая собой неформальное собрание преступных авторитетов, которые ранее прошли подобную инициацию².

Поскольку воровской мир в России имеет децентрализованную структуру управления, и невозможно выделить какое-то одно лицо, занимающее самое главное положение в преступной иерархии, то неизбежно возникает вопрос о критериях криминализации. То есть, является ли достаточным для установления субъекта преступления лишь закрепление самого факта приобретения лицом статуса лидера преступного сообщества, или для этого необходимо устанавливать какие-то конкретные функции, подтверждающие такой статус? И второй вопрос, может ли лицо, не имеющее криминального статуса «вор в законе», являться субъектом данного преступления?

Судебная практика в последние годы идет по пути отнесения к субъекту данного преступления не только «воров в законе», но и тех лиц, которые по своему статусу стоят ниже, то есть «положенцев» и «смотрящих». Это такие лица, которым «воры в законе» делегировали те или иные свои организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные полномочия (функции). «Положенец» – это второе лицо в преступной иерархии, которое наделяется функциями «вора в законе» при отсутствии такового в СИЗО либо в местах лишения свободы. «Смотрящий» – это помощник «вора в законе», но только на свободе, он выполняет его функции на территории того или иного субъекта РФ либо административного центра либо руководит конкретным видом преступной деятельности в регионе, например, может быть держателем «общака». Эти доверенные лица, как и «воры в законе», осуществляют

¹ См., например: Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11-16; Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 29, 31; Власенко В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 5. С. 3-12; Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 304 с.; Гриненко А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 2-4.

² Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

координацию преступных действий, создают устойчивые преступные связи, участвуют в разделе сфер преступного влияния, а также осуществляют иную организационно-распорядительную, нормативно-регулирующую деятельность, направленную на регулирование вопросов внутренней жизни криминальной среды на закрепленной за ними преступным сообществом определенной территории.

Проиллюстрирую сказанное судебной практикой. Так, рассматривая уголовное дело в отношении Джинчвелашвили Н.Д., Сеницына И.Е., Журкина В.В., Кодуа И.М. и других осужденных по ст. 210¹ УК РФ по приговору Вологодского областного суда от 02.12.2021, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ¹ указала, что «оценка исследованных в судебном заседании доказательств в их совокупности позволила суду, несмотря на отсутствие законодательного разъяснения понятия «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии», прийти к выводу о том, что «лица, обладающие сложившимися в течение длительного времени в криминальной среде статусами «вор в законе» и «смотрящий» и выполняющие организационно-распорядительные, нормативно-регулирующие и дисциплинарные функции в отношении лиц, поддерживающих криминальные традиции, занимают высшее положение в преступной иерархии, то есть подлежат уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ»².

Отвечая на довод защиты, сводящийся к тому, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует относить исключительно лиц, занимающих статус «вор в законе», в связи с чем исключается соответствующая уголовная ответственность у лица, имеющего статус «смотрящего», Судебная коллегия указала, что данный довод «нельзя признать обоснованным, поскольку такого криминообразующего признака, как наличие у субъекта преступления статуса «вор в законе», в диспозиции ст. 210¹ УК РФ не содержится».

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.06.2023 № 2-УД23-9-А2 // СПС «КонсультантПлюс».

² В общих чертах, «воры в законе» должны выполнять четыре основные функции, чтобы поддерживать эффективное лидерство в преступном сообществе: 1) информационная функция (то есть сбор, анализ и оценка информации по широкому кругу вопросов, в том числе касающихся определенных лиц или событий); 2) организационная функция (то есть планирование различных конкретных действий и делегирование ответственности другим членам преступного сообщества); 3) нормативно-регуляторная функция (то есть распространение преступной идеологии, романтизация преступной жизни, набор молодежи, обеспечение соблюдения «воровского закона» в преступном сообществе); 4) функция принятия решений (управление и координация действий организованных преступных групп, занимающихся рэкетом, кражами, угоном транспортных средств, похищением людей, сбытом наркотических средств и психотропных веществ, незаконным оборотом оружия, организацией проституцией). См.: Пейсикова Е.В. Проблемы применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: уголовно-правовые аспекты // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции // отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С.187-208.

По делу в отношении Нейдерова С.М., занимающего статус «положенца» в исправительном учреждении, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ¹ в подтверждение его криминального статуса привела сведения об участии «положенца» в разрешении конфликтов в исправительном учреждении, определении им статуса лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Этот статус давал Нейдерову С.М. широкие организационно-распорядительные полномочия в преступном мире, в том числе, и право назначать лиц, «смотрящих» за конкретными объектами (в исправительном учреждении, например, отрядами и ШИЗО), организовывать нелегальное снабжение лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, продуктами питания и предметами первой необходимости, и разрешать конфликты между судимыми и иными лицами на территории Республики Татарстан.

По делу в отношении Касьяненко А.В. Судебная коллегия² указала, что ответственность осужденного по ст. 210¹ УК РФ в данном случае наступает за совершение определенного общественно опасного деяния, обуславливающего наличие соответствующего криминального статуса, и выражается в конкретных действиях, в том числе таких, как организация сбора, хранения, распределения так называемого «общака», даче согласия на установление определенного статуса для осужденного в исправительном учреждении.

Таким образом, анализ судебной практики свидетельствует о том, что для отнесения лица к высшему положению в преступной иерархии по ст. 210¹ УК РФ недостаточно установление лишь факта наделения лица криминальным статусом: «вор в законе», «положенец» или «смотрящий». Для этого требуется установление конкретных действий, связанных с реализацией лицом определенных функций, подтверждающих этот статус.

Такой подход закреплен, в частности, в одном из последних решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ при рассмотрении дела в отношении Волкова В.И.³, который короновался в январе 1983 г. Судебная коллегия, рассматривая жалобу адвоката и отменяя приговор Верховного Суда Республики Адыгея от 06.07.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 06.03.2023, возвратила уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий рассмотрения судом. При этом Судебная коллегия указала, что суд, устанавливая обстоятельства преступления, не учел, что предъявленное Волкову В.И. обвинение не содержит доказательств о том, что после 12.04.2019 Волков В.И. осуществлял конкретные функции и полномочия, присущие лицу, занимающему высшее положение в преступной

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.09.2023 № 35-УД23-17-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 24-УД23-4-А3 // Архив Верховного Суда РФ.

иерархии. Из обвинительного заключения лишь следует то, что Волков В.И. не отказался от своего криминального статуса и продолжал его занимать. Этого оказалось недостаточно. Судебная коллегия так и сформулировала: «у суда не имелось никаких оснований для вывода о том, что функции, которые Волков В.И. выполнял в течение 38 лет после получения статуса «вор в законе», осуществлялись им после 12.04.2019. Из материалов уголовного дела только следует, что он прибыл в (колонию) ФКУ ИК-5 ГУФСИН по Тульской области в мае 2020 г., был помещен в одиночную камеру в целях противодействия его влиянию на других осужденных и пресечения его деятельности по пропаганде обычаев и правил криминальной субкультуры».

Между тем есть судебные решения, содержащие иную, отличную от указанной, позицию¹. В частности, отменяя постановление о возвращении прокурору на основании ст. 237 УПК РФ уголовного дела в отношении Атабекяна А.В. и апелляционное определение, судебная коллегия Второго кассационного суда общей юрисдикции, согласившись с представлением прокурора, указала, что данная норма уголовного закона преступным признает сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии и не требует от лица соучастия в любой форме в каком-либо ином преступлении, совершения действий по организации, планированию, руководству преступной деятельностью, как не содержит и иных обязательных условий для предъявления обвинения по ст. 210¹ УК РФ.

Между тем, рассматривая кассационные жалобы на приговор в отношении Атабекяна А.В., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ² привела конкретные доказательства, свидетельствующие о наличии у Атабекяна А.В. статуса «вор в законе», который признавался и поддерживался не только им, но и иными лицами уголовно-криминальной направленности. Об этом, как указала Судебная коллегия, в частности, свидетельствовали открытые заявления осужденного во всех местах заключения о себе как о носителе высшего криминального статуса «вор в законе», многочисленные нарушения им правил внутреннего распорядка, связанные с соблюдением им своего статуса, демонстрация неподчинения требованиям администрации, отказ от приема пищи из общей посуды, отказ от работы, требования удаления из камеры его пребывания других осужденных с низким криминальным статусом – все эти действия он совершал в том числе и после введения новой нормы. Наличие у Атабекяна А.В. статуса «вор в законе» подтверждается и содержанием так называемого «прогона» (неформальный нормативно-правовой акт, издаваемый авторитетными представителями криминального мира), который был обнаружен в ходе обыска в исправительной колонии, из которого следовало, что в исправительное учреждение прибыли «воры в законе», в том числе «Саят Ростовский» (прозвище Атабекяна А.В.), что подтверждало его статус как «вора

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 № 77-866/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.03.2023 № 35-УД23-3-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

в законе».

То есть Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверяя приговор в кассационном порядке, привела по делу конкретные доказательства, подтверждающие вывод о том, что Атабекян А.В. занимал высшее положение в преступной иерархии как до, так и после введения в действие Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Таким образом, Судебная коллегия фактически не поддержала позицию прокуратуры и Второго кассационного суда общей юрисдикции по этому делу о возможности привлечения лица за занятие высшего положения в преступной иерархии без установления конкретных действий, подтверждающих данный статус, совершенных после вступления нового закона в силу.

Это решение было принято Судебной коллегией Верховного Суда РФ 14.03.2023.

Однако 23.03.2023, рассматривая в кассационном порядке уголовное дело в отношении Гигиберии Т.О. – «вора в законе», Судебная коллегия Верховного Суда РФ¹ высказалась, что «объективная сторона данного преступления выражается в установлении самого факта занятия высшего положения в преступной иерархии».

Необходимо пояснить, почему Судебная коллегия так высказалась. Дело в том, что уголовное дело в отношении Гигиберии Т.О. ранее возвращалось прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, после чего материалы дела были восполнены новыми доказательствами его преступной деятельности, касающейся периода действия уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ. Суд апелляционной инстанции, проверяя приговор, исключил из обвинения доказательства, направленные на восполнение предварительного следствия и установленные на основе их обстоятельства, указывающие на то, что Гигиберия Т.О. в этот период контролировал и координировал движение денежных средств преступных сообществ. Таким образом, уголовное дело в отношении него было рассмотрено в пределах и объеме первоначально предъявленного ему обвинения, в котором не содержалось сведений о новейшем периоде преступной деятельности авторитета. Поэтому Судебной коллегии пришлось, выполняя требования ст. 252 УПК РФ о пределах уголовного рассмотрения, согласиться с выводами апелляционной инстанции, опираясь на то, что «после введения в действие Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ каких-либо данных о лишении Гигиберии Т.О. этого статуса или его добровольном отказе от выполнения действий, связанных с реализацией этого криминального статуса, не установлено, в связи с чем он является субъектом данного преступления». С учетом конкретных обстоятельств вызывает сомнение возможность ориентироваться на указанную формулировку при рассмотрении дел такой категории, поскольку она была продиктована процессуальными рамками рассмотрения именно данного дела, не позволяющими суду расширительно толковать пределы уголовной ответственности.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 77-УД23-3-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, анализ судебной практики применения ст. 210¹ УК РФ свидетельствует о том, что данная норма сформулирована некорректно, ошибочно и порождает множество проблем правоприменительного характера, материальных и процессуальных, преодолеть которые возможно только путем дачи необходимых специальных разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Литература

1. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11-16.
2. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26-31.
3. Власенко В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 5. С. 3-12.
4. Гриненко А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 2-4.
5. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 304 с.
6. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49-53.
7. Пейсикова Е.В. Проблемы применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: уголовно-правовые аспекты // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции // отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С.187-208.
8. Стукалова Т.В., Сухаренко А.Н. Уголовное преследование лидеров преступной среды в России: состояние и проблемы. Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2022. 216 с.

Основные причины коррупционного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России

Аннотация. В мире, где миграционные процессы играют важную роль в экономике и общественной жизни, обеспечение законности, прозрачности и справедливости в сфере миграции является критически важным. В статье выявлены ключевые факторы, влияющие на коррупционное поведение сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России. Исследование данных факторов позволит более глубоко понять причины коррупционной деятельности в данной сфере и предложить рекомендации по улучшению контроля, наказания за коррупцию, а также укреплению этических стандартов и требований к профессионализму сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России.

Ключевые слова: коррупция, миграция, миграционная служба, коррупционное поведение, противодействие коррупции

Коррупционное поведение сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России представляет серьезную угрозу правопорядку, безопасности и законности. Встречаются различные формы коррупции в данной сфере: взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, фальсификация документов и т.п.

Сотрудники миграционных служб могут требовать взятки у граждан за различные услуги или решение миграционных вопросов, оформление документов, получение разрешений на работу и т.д. Некоторые сотрудники злоупотребляют своими должностными полномочиями для личной или материальной выгоды, используя свое влияние и положение для ускорения решения миграционных вопросов за дополнительную плату.

В основе коррупционного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции, как правило, лежит корыстная мотивация. Преступников исходя из криминогенной мотивации можно разделить на две категории:

- 1) лица, обладающие социально-психологическими дефектами и имеющие недостаточную профессиональную подготовку;
- 2) руководители среднего и высокого уровня, обладающие определенным авторитетом и не имеющие взысканий.

Лица, относящиеся ко второй категории, как правило, имеют одно или даже несколько высших образований, постоянно повышают свои знания, обладают

коррупционными связями, которые нарабатывались в процессе трудовой деятельности¹.

Очевидно, что коррупционные преступления оказывают серьезное отрицательное воздействие на общество и формирование демократических институтов в нем. Коррупция может повлечь за собой смещение приоритетов развития в сторону личной выгоды вместо общественных интересов. Она влияет на доверие граждан к органам власти, что может привести к институциональной нестабильности и нарушению общественного порядка².

Коррупция способствует увеличению разрыва между богатыми и бедными, поскольку бедные могут оказаться исключенными из доступа к необходимым услугам, если за них необходимо дополнительно платить.

Совершение такого рода преступных деяний должностными лицами формирует в общественном сознании мнение, что взятка – это дополнительный доход чиновников. Поддерживая коррупционное поведение, участвуя в нем, должностные лица дискредитируют закон и культивируют среди населения правовой нигилизм.

Корыстная криминогенная мотивация в целом, и у сотрудников подразделений по вопросам миграции в частности, может быть отнесена к одному из следующих типов:

1) корысть, проявляемая в виде устойчивой мотивации, постоянному стремлению к накопительству; как правило такие лица весьма примитивны, ограничены, лишены широких интересов и духовных запросов;

2) корысть, проявляемая в стремлении быть в центре внимания; такие лица стараются создавать впечатление о финансовом благополучии, покупают дорогие машины, отдыхают на престижных курортах, им свойственны перепады настроения и внушаемость;

3) корысть – нужда, вызванная недостатком средств к существованию; у таких лиц как правило много долговых обязательств, кредитов, ипотека, что приводит к финансовым проблемам и нехватке денежных средств. Нестабильность материального благосостояния порождает стремление к легким заработкам или получению взяток за услуги, сопряженные с их должностными обязанностями³.

Лица, склонные к коррупционному поведению, стремятся к обогащению любой ценой, и это стремление пронизывает всю мотивационную сферу,

¹ Кудряшова Г.Н., Сахарова Т.А., Тимина Т.Н. Основные причины и условия коррупционного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prichiny-i-usloviya-korruptsionnogo-povedeniya-sotrudnikov-podrazdeleniy-po-voprosam-migratsii-mvd-rossii?ysclid=luz977ydeb771982736> (дата обращения: 14.04.2024).

² Ахмедханова С.Т. Коррупция как социальное явление, порождающее негативные тенденции в обществе // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 85-91.

³ Алтухов В. Основные детерминанты коррупционной преступности // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: Сборник научных статей в рамках проведенного симпозиума с международным участием, Курск, 27-28 мая 2021 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 13-18.

определяет всю поведенческую активность. Со временем у индивидов с развивающейся корыстной мотивацией формируются выраженные эгоистические потребности, что приводит к игнорированию интересов окружающих, неуважению к проблемам коллег и отсутствию внимания к ущербу, который они могут наносить своими действиями. Процесс формирования преступной мотивации является сложным и длительным, он складывается под воздействием различных факторов: от недостатка воспитания и влияния социальной среды до особенностей индивидуальной психики.

Важно отметить, что выбор между правомерным и преступным поведением обусловлен не только одним мотивом, а представляет собой сложную комбинацию различных факторов. Поведение личности зависит от внутренних ценностей, принятых норм, собственных убеждений, а также от особенностей социальной среды, в которой она находится и взаимодействует.

Внутренние условия преступного поведения сотрудников миграционных служб представляют собой доминирующую личностную установку, которая влияет на формирование у них криминогенной мотивации. Можно выделить следующие психологические особенности таких преступников: завышенная самооценка, жадность, стандартное мышление, поверхностность суждений.

При этом необходим комплексный подход к пониманию и преодолению коррупционной или иной преступной мотивации, который включает в себя не только наказания за противоправные нарушения, но и работу над формированием адекватных ценностей, этических норм и укреплением институциональной защиты от коррупции.

Если говорить о внешних причинах преступного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России, то одной из них является непосредственно криминогенная ситуация. Совершая преступное деяние, преступник всегда попадает в определенную «криминальную» ситуацию. При этом он привносит в нее свое поведение, сформированное на основе личных качеств в результате чего создается «предкриминальная» жизненная ситуация. Данная ситуация, как правило, создает благоприятные условия для совершения преступного деяния. Однако важно, что перед каждым человеком всегда есть выбор – нарушить закон либо остаться законопослушным гражданином.

Совершение преступления происходит при совпадении двух детерминационных векторов: антисоциальная настроенность личности; возникновение предкриминальной ситуации, которая рассматривается как причина конкретного преступного деяния.

Вне сомнений причины коррупционной преступности сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России обусловлены общей криминогенной обстановкой в мире, кризисом в области государственного управления. Подразделения по вопросам миграции периодически подвергаются реформированию, что отрицательно сказывается на работе сотрудников.

В рамках подразделений по вопросам миграции объективно существуют причины, которые способствуют возникновению коррупции, прежде всего имеется в виду возможность получения материальной выгоды за предоставление

государственных услуг. Проблема коррупции в целом особо остро стоит там, где происходит непосредственное взаимодействие граждан и организаций, выполняющих государственные функции по предоставлению услуг.

Борьба с коррупцией в подразделениях по вопросам миграции МВД России является важным аспектом в обеспечении законности, порядка и защиты прав граждан. В связи с чем важно принимать меры, направленные на предотвращение и профилактику данного явления:

- проводить антикоррупционные проверки и расследования, строго контролировать деятельность сотрудников и реагировать на факты коррупции;
- повышать прозрачность и открытость деятельности сотрудников путем ужесточения механизмов контроля и отчетности, а также обеспечения доступа граждан к информации, снижать вероятность коррупционных схем;
- внедрять эффективные механизмы наказания за коррупцию, ответственность преступников должна быть неотвратимой;
- обучать персонал этике и принципам борьбы с коррупцией, что поможет предотвратить коррупционное поведение.

По уголовным делам о коррупционных преступлениях, совершенных должностными лицами подразделений по вопросам миграции МВД России, следователям нужно тщательно прорабатывать вопрос о причинах и условиях совершения этих противоправных деяний и направлять представления об устранении обстоятельств, способствовавших их совершению.

Литература

1. Алтухов В. Основные детерминанты коррупционной преступности // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: Сборник научных статей в рамках проведенного симпозиума с международным участием, Курск, 27-28 мая 2021 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 13-18.

2. Ахмедханова С.Т. Коррупция как социальное явление, порождающее негативные тенденции в обществе // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 85-91.

3. Кудряшова Г.Н., Сахарова Т.А., Тимина Т.Н. Основные причины и условия коррупционного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 117-121.

**Психическое расстройство как признак вреда здоровью:
правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации**

Аннотация. В статье анализируются положения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 № 1-П. Обобщается исторический опыт отнесения психического расстройства к признакам уголовно наказуемого вреда здоровью и мнения ученых по этому вопросу. В заключении правоприменителям рекомендуется при определении степени тяжести вреда здоровью, повлекшего психическое расстройство, ориентироваться на критерии, сформулированные Конституционным Судом РФ.

Ключевые слова: психическое расстройство, вред здоровью, Постановление Конституционного Суда РФ, ст. 111 УК РФ, ст. 112 УК РФ

В январе 2024 г. Конституционный Суд РФ проверил конституционность ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, предусматривающих ответственность за причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью человека, и выявил их конституционно-правовой смысл в системе правового регулирования уголовной ответственности за эти преступления¹.

Предметом рассмотрения стал также п. 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (далее – Правила)². В соответствии с этим пунктом вред здоровью определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании квалифицирующих признаков, предусмотренных п. 4 Правил, и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, утверждаемыми Минздравом РФ (далее – Медицинские критерии)³.

Поводом для рассмотрения вопроса о конституционности указанных правовых положений стало обращение гражданина Б., являющегося потерпевшим по уголовному делу, прекращенному мировым судьей в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Потерпевшему были

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс».

умышленно причинены множественные физические травмы, повлекшие наступление органического тревожного расстройства смешанного генеза. Как психическое расстройство, приведшее к длительной и стойкой дезадаптации средней степени, так и физические последствия примененного против Б. насилия были расценены как вред здоровью средней тяжести. Доводы потерпевшего о наличии в совершенном в отношении него преступном деянии признаков более тяжкого преступления – умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – во внимание приняты не были¹.

Правомерность решения мирового судьи, в том числе и квалификация совершенного преступления, была подтверждена апелляционным постановлением² и кассационным определением³, с этими решениями согласились и судьи Верховного Суда РФ (п. 1.1. мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П).

На самом деле доводы потерпевшего имеют под собой законодательные основания. УК РФ указывает психическое расстройство только как следствие тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111). Определение степени тяжести вреда, повлекшего психическое расстройство, производится комиссией судебно-медицинских экспертов с участием врача-психиатра (п. 11 Правил).

В соответствии с п. 6.8. Медицинских критериев возникновения психического расстройства должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, т.е. быть его последствием. Как отмечается в литературе, «система экспертной оценки “вреда здоровью, повлекшего психические расстройства” нацелена на выявление широкого круга психических расстройств экзогенной природы⁴, имеющих прямую причинно-следственную связь с оказанным воздействием на потерпевшего»⁵.

Клинические описания психических расстройств и диагностические указания содержатся в действующей Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10)⁶.

¹ Заявитель просил признать «оспариваемые нормативные положения не соответствующими статье 52 Конституции Российской Федерации, поскольку они в силу своей неопределенности порождают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения при определении степени тяжести того вреда, причиненного здоровью потерпевшего, который выразился в наступлении у него психического расстройства вследствие примененного к нему насилия» (п. 1.2. мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П).

² См.: апелляционное постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 10.09.2021 № 10-40/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2022 № 77-149/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Возникших под влиянием внешних факторов.

⁵ Руководство по судебной психиатрии. В 2 т. Том 1: практ. пособие / под ред. А.А. Ткаченко. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 153.

⁶ См.: Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации. М.: Минздрав России. 1998 // URL: https://psychiatr.ru/download/1998?view=1&name=МКБ-10_с_гиперссылками.pdf (дата обращения: 17.04.2024).

Предшествующие УК РФ уголовные законы, в том числе, и досоветского периода также считали наступление психического расстройства у потерпевшего в результате причиненного ему вреда здоровью вредом тяжким. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ред. 1885 г.) «повреждение в умственных способностях» оценивало как квалифицирующее обстоятельство умышленных, тяжких, подвергающих жизнь потерпевшего опасности «побоев, истязаний или мучений». Побои являлись самостоятельным преступлением (насилие над личностью) и не рассматривались как телесные повреждения в строгом смысле слова (ст. 1490)¹.

В Уголовном уложении 1903 г. выделялись три вида телесных повреждений – весьма тяжкое, тяжкое и легкое. Причинение душевной болезни (психического расстройства по современной терминологии) было признаком весьма тяжкого телесного повреждения (ст. 467). В комментарии к этой статье Н.С. Таганцев подчеркивал, что «душевная болезнь, как повреждение органа мышления, все равно, произойдет ли она вследствие повреждения головы, или и других отдаленных органов, или даже от психического потрясения, вызванного каким-либо насилием» относится к повреждениям «особенно тяжким». Такими считались «повреждения органов, имеющих наиболее важное значение в жизни человека»².

Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. сохраняли уголовно-правовую оценку душевной болезни потерпевшего как признака тяжкого телесного повреждения (ст. 149, 142 и 108 соответственно). Понималась душевная болезнь весьма широко, и в комментариях к уголовным кодексам каких-либо указаний на характер болезни и степень поражения психических способностей потерпевших не содержалось.

«Под душевной болезнью, – писали авторы комментария к УК РСФСР 1926 г. – следует понимать всякое излечимое или неизлечимое расстройство психических способностей человека (например, слабоумие), которое является результатом тяжкого телесного повреждения (например, избиений или истязаний)»³. Как «психическое заболевание, явившееся следствием телесного повреждения» описывалась душевная болезнь в комментарии к УК РСФСР 1960 г.⁴

Используемое в УК РФ понятие «психическое расстройство» также широко и охватывает, что отмечает Конституционный Суд РФ в Постановлении от

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. шестое, пересмотренное и дополненное. С.-Петербург, 1889.

² Уголовное уложение 22.03.1903. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. С.-Петербург, 1904. С. 636.

³ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. и с предисловием И.Т. Голякова. 2-ое изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. С. 192.

⁴ Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР. По состоянию на 15 декабря 1993 г. / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, И.В. Шмаров. М.: Вердикт, 1994. С. 210.

11.01.2024 № 1-П, «все болезни, сопровождающиеся нарушениями психики, независимо от их видов и особенностей, от тяжести и длительности» (п. 5 мотивировочной части). В уголовном законе (ч. 1 ст. 111 УК РФ) «психическое расстройство оказалось включенным в группу болезненных состояний, не имеющих “внутри себя” степеней (градаций) тяжести. Речь здесь идет о полной потере зрения, речи, слуха или органа, утрате органом его функций, прерывании беременности. Психические расстройства явно не укладываются в данную схему. Они характеризуются разной степенью тяжести болезненных нарушений, располагающихся в чрезвычайно широком диапазоне – от самых легких до крайне тяжелых»¹. Поэтому, по справедливому мнению А.А. Ткаченко, «психическое расстройство, находящееся в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью потерпевшему, согласно существующим научным представлениям, в принципе может отвечать квалифицирующим признакам всех степеней тяжести вреда здоровью»².

Отсутствие дифференциации уголовной ответственности за вред здоровью, повлекший психическое расстройство, критикуется в современной юридической и судебно-психиатрической литературе, где обращается внимание на несоответствие положений уголовного закона современным научным знаниям о психическом здоровье как о состоянии, которое может нарушаться в соответствии со всеми тремя степенями тяжести вреда здоровью³.

Конституционный Суд РФ фактически встал на ту же позицию. Выявляя конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112 УК РФ, а также п. 3 Правил, Суд констатировал, что они не противоречат Конституции РФ, «поскольку..., относя, по общему правилу, наступление психического расстройства к основаниям для квалификации деяния как причинения тяжкого вреда здоровью, не исключают – в случае, если такое психическое расстройство не относится к тяжелым и при этом отсутствуют предпосылки для длительного негативного влияния такого психического расстройства на социальное благополучие потерпевшего, – квалификацию данного деяния как причинения вреда здоровью средней тяжести» (п. 1 резолютивной части Постановления от 11.01.2024 № 1-П).

При этом необходимо подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ рассматривал в совокупности ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112 УК РФ и п. 3 Правил в единой системе правового регулирования, указав, что «определенность признаков (критериев) степени тяжести вреда здоровью может обеспечиваться

¹ Шишков С.Н., Полубинская С.В. Психическое расстройство как признак тяжкого вреда здоровью потерпевшего // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 20-21 января 2022 г. М.: Блок-Принт, 2022. С. 364.

² Руководство по судебной психиатрии. С. 160-161.

³ См. подробнее: Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Комплексная оценка тяжести вреда здоровью потерпевших: современное состояние проблемы // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 4-12. См. также: Шишков С.Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8. С. 26-30.

как за счет их закрепления в тексте законов, устанавливающих публично-правовую ответственность за деяния, причиняющие тот или иной вред, так и за счет их нормативной детализации уполномоченным на то федеральным органом исполнительной власти в рамках делегированной ему законодателем компетенции. При этом уголовный закон лишь в общей форме определяет признаки вреда здоровью, что связано с отнесением вопросов охраны здоровья главным образом к сфере медицинского права, в котором могут быть учтены современные знания об организме человека, в том числе о его анатомии, психике и физиологии, и которое регулирует медицинскую, включая экспертно-медицинскую, деятельность» (п. 4 мотивировочной части Постановления).

Поскольку в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П выявлялся конституционно-правовой смысл оспариваемых нормативных положений, оно не требует обязательного пересмотра законодательства¹. Правовая позиция Суда является общеобязательной и исключает сама по себе любое иное толкование этих положений в правоприменительной практике (п. 2 резолютивной части Постановления). Вместе с тем Постановление не препятствует выработке дополнительных признаков (критериев) степеней тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства и совершенствованию законодательства.

На первом этапе в правоприменительной практике стоит опираться на ориентиры, сформулированные Конституционным Судом РФ в п. 6 мотивировочной части Постановления.

О наличии тяжкого вреда здоровью могут свидетельствовать последствия психического расстройства потерпевшего, такие как 1) появление противопоказаний к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности или деятельности, связанной с источником повышенной опасности; 2) наличие оснований для признания потерпевшего недееспособным или ограниченно дееспособным; 3) наступление психического расстройства, которое сопровождается стойкими (хроническими) или обостряющимися болезненными проявлениями.

Критериями могут выступать и последствия, используемые для физических повреждений в ст. 111 и ст. 112 УК РФ, – длительность расстройства здоровья или степень утраты общей трудоспособности. «В этой связи и в контексте принципов равенства и справедливости, – заключает Конституционный Суд РФ, – отсутствуют разумные конституционные основания не применять такого рода критерии и в случае причинения повреждений, которые повлекли психические расстройства, сами по себе не повлиявшие существенно на психическое и социальное благополучие потерпевшего, при этом последнее обстоятельство не презюмируется, а подлежит доказыванию в процедурах уголовного судопроизводства, что для определения степени психического расстройства предполагает в том числе проведение судебных экспертиз» (п. 6 мотивировочной части Постановления от 11.01.2024 № 1-П).

¹ См.: ст. 80 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс.

В дальнейшем нельзя исключать разработку дополнительных признаков для степеней тяжести психического расстройства с их конкретизацией в Медицинских критериях и Правилах, а при необходимости, что должно подтверждаться правоприменительной практикой и обосновываться ее потребностями, и в законе (замена в ч. 1 ст. 111 УК РФ понятия «психическое расстройство» на «тяжелое психическое расстройство»)¹.

Литература

1. Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Комплексная оценка тяжести вреда здоровью потерпевших: современное состояние проблемы // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 4-12.
2. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР. По состоянию на 15 декабря 1993 г. / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, И.В. Шмаров. М.: Вердикт, 1994. 510 с.
3. Руководство по судебной психиатрии. В 2 т. Том 1: практ. пособие / под ред. А.А. Ткаченко. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 449 с.
4. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. и с предисловием И.Т. Голякова. 2-ое изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. 340 с.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. шестое, пересмотренное и дополненное. С.-Петербург, 1889. 775 с.
6. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. С.-Петербург, 1904. 1124 с.
7. Шишков С.Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8. С. 26-30.
8. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Психическое расстройство как признак тяжкого вреда здоровью потерпевшего // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 20-21 января 2022 г. М.: Блок-Принт, 2022. С. 363-369.

¹ Понятие «тяжелое психическое расстройство» используется в российском законодательстве, например, в ч. 4 ст. 23 и 29 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс». См. подробнее: Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Указ. соч. С. 5; Шишков С.Н., Полубинская С.В. Указ. соч. С. 365.

**Процессуальное оформление действий, направленных на фиксацию
криминалистически значимой информации в информационно-
телекоммуникационных сетях: современное состояние**

Аннотация. В настоящем исследовании изучено современное состояние отечественного и зарубежного регулирования процессуального оформления действий, направленных на фиксацию криминалистически значимой компьютерной информации для придания ей доказательственной силы. В частности, она может содержаться в информационно-телекоммуникационных сетях (е.g., в Интернете). При анализе существующего положения дел автором также учтен иностранный опыт на примере Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Казахстан.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети, осмотр, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия

При расследовании преступлений в сфере высоких технологий сведения, представляющие интерес для следствия, зачастую расположены в виртуальном (кибернетическом) пространстве, в частности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как слефообразующем объекте.

Исходя из положений УПК РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»¹, в качестве основного следственного действия для фиксации криминалистически значимой компьютерной информации выступает осмотр предметов, то есть компьютерных устройств и внешних электронных носителей информации. Причем к первым относят как электронно-вычислительные машины (далее –

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3. С. 3-8.

ЭВМ) по типу персональных компьютеров и мобильных телефонов¹, так и иные электронные устройства (например, объекты в рамках Интернета, вещи).

С криминалистической точки зрения компьютерные устройства являются фактически не носителем информации, а лишь электронным устройством для восприятия следа преступления, который в последующем может облекаться в форму прямого или косвенного доказательства. Сама информационно-телекоммуникационная сеть (далее — ИТС) фактически определяется как технологическая система, состоящая из компьютерных устройств, то есть она не выделяется в качестве отдельного электронного носителя информации (далее — ЭНИ). Между тем в России считается, что ЭНИ может быть источником информации и с точки зрения частной теории криминалистики и судебной экспертизы, однако данное мнение не единодушно среди ученых².

Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ предусмотрено такое оперативно-розыскное мероприятие (далее — ОРМ), как получение компьютерной информации, однако корреспондирующего следственного действия в УПК РФ нет.

В судебной практике различных инстанций в разных субъектах РФ как по преступлениям в сфере компьютерной информации или с использованием ИТС «Интернет», так и по иным уголовным делам допускается в качестве доказательства протокол осмотра предметов или документов, который фактически представляет собой осмотр веб-сайтов, в частности профилей социальных сетей (e.g., ВКонтакте), мессенджеров (e.g., WhatsApp), сервисов для размещения объявлений по типу «Авито», страницы веб-сайтов/Интернет-ресурсов (e.g., Яндекс.Карты)⁴.

¹ Любопытным представляется то, что в судебной практике не сам мобильный телефон, а флэш-память, содержащаяся в нем, признавалась в качестве электронного носителя информации. См.: апелляционное постановление Белгородского областного суда от 13.03.2019 № 22К-294/2019 // URL: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12165258&case_uid=50ec40d3-0d36-4115-861e-0257bb7faa09&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 19.04.2024).

² Криминалистическая техника: учебник / под ред. К.Е. Демина. М.: Юридический институт МИИТ, 2017. С. 340–342; Григорьев В.Н., Максимов О.А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник ННГУ. 2019. № 3. С. 68; Антонов В.А., Старичков М.В. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. тр. Вып. 3-4. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. С. 125; Бульжкин А.В., Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3-8.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 20.03.2023) «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.05.2024).

⁴ См. подробнее: приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 27.10.2023 № 1-980/2022 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pXvwrH3cEMmx/> (дата обращения: 05.05.2024); приговор Брянского областного суда от 10.11.2023 № 2-14/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YenUobHR2tVq/> (дата обращения: 05.05.2024);

Обратимся к зарубежному опыту дружественных стран, в частности Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Казахстан, для сравнения подходов с отечественным и их оценки.

Положениями ст. 204.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь № 295-3 от 16.07.1999 (в ред. от 17.06.2023) (далее — УПК РБ)¹ предусмотрено производство такого следственного действия (далее — СД), как осмотр компьютерной информации. При этом определение компьютерной информации содержится в ч. 18 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь № 275-3 от 09.07.1999 (в ред. от 09.03.2023) (далее — УК РБ)². Под ней понимается информация, которая хранится в компьютерной системе, сети или на машинных носителях³, обрабатывается компьютерной системой либо передается в пространстве с помощью любых программно-технических средств, тем самым фактически охватывая любые данные в электронном и (или) цифровом виде. Это отличается от подхода, отраженного в Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Душанбе, 28.09.2018)⁴, где не указываются отдельно машинные носители.

В УК РБ Интернет указывается как глобальная компьютерная сеть и выделяется в качестве отдельного источника информации, что отличается от отечественного подхода.

В случае совершения преступлений с использованием ИТС особую значимость представляет возможность установления сведений об используемом

апелляционный приговор Пензенского областного суда от 22.11.2023 № 22-1299/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/86aAfsngDPL1/> (дата обращения: 05.05.2024); приговор Кировградского городского суда Свердловской области от 22.09.2023 № 1-128/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/No1kug5QU3VQ/> (дата обращения: 05.05.2024); приговор Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 28.09.2023 № 1-208/2022 (1-30/2023) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WODkj4LZsSU5/> (дата обращения: 05.05.2024); приговор Николаевского районного суда Ульяновской области от 28.07.2023 № 1-1-31/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pAtP1cUJY4YK/> (дата обращения: 05.05.2024); апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 28.07.2023 № 22-1864/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hkd24VBROlbu/> (дата обращения: 05.05.2024); приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 16.08.2023 № 1-476/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1SIRrUV3YW6O/> (дата обращения: 05.05.2024); апелляционное постановление Челябинского областного суда от 21.08.2023 № 10-5246/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Nrz6Fqec8f/> (дата обращения: 05.05.2024).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // ВедомасціНацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 28-29. Ст. 433.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76, 2/50.

³ Материальный носитель, предназначенный для записи и воспроизведения информации средствами вычислительной техники, а также сопрягаемыми с ними устройствами (СТБ 1221-2000). Почти совпадает с определением электронного носителя, содержащегося в ГОСТ Р 2.051-2013.

⁴ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 33. Ст. 5883.

компьютерном устройстве, сетевом соединении и отдельных характеристиках с помощью сервисов в виртуальном пространстве по типу «2ip» и «whois», что непосредственно может и должно отражаться в отдельном осмотре. Например, доменное имя позволяет установить адресное пространство государства, регистрационные данные компании либо лица, в том числе имя владельца, используемые контактные данные, принадлежность к регистратору, даты регистрации и ее окончание, информацию об IP-адресах, используемые способы оплаты для его аренды, что способствует установлению личности преступника и иной криминалистически значимой информации. IP-адрес позволяет узнать город и страну, интернет-провайдера, часовой пояс, операционную систему компьютерного устройства, номер автономной системы, владельца и используемые им диапазоны. При установлении компании, которая предоставляет IP-адреса, возможно направить запрос о получении данных арендатора IP-адреса (владельца компьютерного устройства) с целью идентификации личности подозреваемого.

Что касается особенностей производства осмотра компьютерной информации в Республике Беларусь, в случае, если необходима аутентификация (введение логинов и паролей и/или использование биометрии) или имеются данные ограниченного доступа, требуется санкция прокурора или его заместителя. При наличии не терпящих отлагательства случаев он допускается на основании постановления следователя с уведомлением прокурора в течение 24 часов с момента проведения следственного действия. Санкция последнего не требуется и при осмотре информации, хранящейся в носителе информации, который был изъят при производстве следственных действий с санкции, полученной от прокурора.

Как указывается белорусскими практиками, осмотр компьютерной информации может осуществляться как самим следователем (в особенности в случае с общедоступной информацией), так и с участием специалиста. К общедоступной информации относят такие Интернет-ресурсы, как профили пользователей в социальных сетях, группы и сообщества, веб-сайты компаний и органов, форумы, развлекательные сервисы¹. При ее изучении возможно установить данные об образе жизни и психологическом портрете личности преступника, идентификаторах устройств, посещенных ресурсах, в том числе сервисов различных видов услуг, и связях с идеологическими группировками и организациями, признанными запрещенными или нежелательными на территории государства.

Отметим, что с учетом положений ст. 2 Закона Республики Беларусь № 307-З от 15.07.2015 «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 07.02.2023)² компьютерная информация является самостоятельным объектом исследования

¹Пянтковский Г.Р., Седых П.В. Уголовно-процессуальный порядок получения доступа к компьютерной информации // Вестник Могилевского института МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (4). С. 89-90.

² Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 24.07.2015. № 2/2305.

наряду с предметами и документами и означает сведения, воспринимаемые (воспринятые) комплексом программно-технических средств. При проведении ОРМ и СД специфика процедуры и самого объекта обуславливает подобное разделение.

Белорусское законодательство содержит приближенный к российской действительности подход, однако более совершенный с точки зрения источников информации и удобства процессуального оформления действий. В УПК РБ довольно подробно регламентирован порядок. Отмечается, что это оптимизирует сбор доказательств при расследовании не только киберпреступлений, но и иных видов уголовно наказуемых деяний¹.

В Кыргызской Республике и Республике Казахстан выделяется такое специфическое следственное действие, как снятие информации с компьютеров, серверов, сетей электросвязи и других устройств (предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации). Оно предусмотрено положениями ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (в ред. от 03.04.2024)² в качестве специального следственного действия, выполняемого на основании постановления следственного судьи. При этом производится конспиративное снятие необходимой информации органом дознания на основании поручения от следователя. Следователь исследует отчет и материалы, вследствие чего составляется протокол.

В ст. 245 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан № 231-VЗРК от 04.07.2014 (в ред. от 01.01.2024) (УПК РК)³ предусмотрен иной порядок: (при необходимости путем негласного проникновения и обследования) на основании поручения органа досудебного расследования органом дознания производится негласное следственное действие, результаты которого фиксируются на материальном носителе. В УПК РК также выделяются негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи, чей процессуальный порядок оформления совпадает с рассмотренным ранее (ст. 243). Важно отметить, что в указанных случаях сети телекоммуникационной связи также выступают в качестве отдельного ЭНИ.

Следует отметить различие в отечественном и зарубежных подходах регламентации процессуального оформления действий, направленных на фиксацию сведений, имеющих значение для следствия и размещенных в ИТС. В

¹ Пашута И.В. Тактические особенности осмотра компьютерной информации // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: международная научно-практическая конференция (Минск, 18–19 мая 2023 г.). Минск, 2023. С. 231-232; Логвин В.М. Отдельные вопросы осмотра компьютерной информации, содержащейся на мобильном устройстве // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: международная научно-практическая конференция (Минск, 28 янв. 2022 г.). Минск, 2022. С. 219-220.

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 // ЭкринТоо. 2021. № 122-123.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

дружественных странах разработаны отдельные СД и ОРМ (неотложные и специальные СД) для отражения специфики компьютерной информации. ИТС рассматриваются в качестве отдельного источника информации и признаются ЭНИ.

С учетом отсутствия в российском уголовно-процессуальном законодательстве регламентированного проведения осмотра ИТС как отдельного следственного действия действующим правоприменителям предлагается составлять протокол осмотра предметов (документов) в соответствии с главой 24 УПК РФ, поскольку у судов проведение следственных действий такого рода не вызывает сомнений и доказательства, полученные таким способом, признаются допустимыми.

Литература

1. Антонов В.А., Старичков М.В. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. тр. Вып. 3-4. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. С. 123-127.

2. Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3-8.

3. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник ННГУ. 2019. № 3. С. 65-71.

4. Криминалистическая техника: учебник / под ред. К.Е. Демина. М.: Юридический институт МИИТ, 2017. 426 с.

5. Логвин В.М. Отдельные вопросы осмотра компьютерной информации, содержащейся на мобильном устройстве // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: международная научно-практическая конференция (Минск, 28 янв. 2022 г.). Минск, 2022. С. 219-220.

6. Пашута И.В. Тактические особенности осмотра компьютерной информации // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: международная научно-практическая конференция (Минск, 18–19 мая 2023 г.). Минск, 2023. С. 231-232.

7. Пянтковский Г.Р., Седых П.В. Уголовно-процессуальный порядок получения доступа к компьютерной информации // Вестник Могилевского института МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (4). С. 86-92.

**Использование результатов оперативно-разыскной деятельности
в процессе предварительного расследования преступлений
против интересов государственной службы**

Аннотация. Содержание использования результатов оперативно-разыскной деятельности в процессе предварительного расследования преступлений против интересов государственной службы раскрыто в статье на основе результатов проведенного в 2023 году анкетирования следователей Следственного комитета. Это позволяет оценить сложившиеся по теме статьи теоретические взгляды с точки зрения практических работников, проследить происходящие в практике этой деятельности с течением времени изменения.

Ключевые слова: результаты оперативно-разыскной деятельности, предварительное расследование, доказывание, Следственный комитет

Законность проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) – один из распространенных предметов дискуссий, возникающих как в ходе уголовного судопроизводства, так и в научной среде. Вместе с тем, несмотря на недостатки правовой регламентации рассматриваемых правоотношений, практические сотрудники повсеместно и в целом продуктивно используют результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в процессе раскрытия и расследования преступлений независимо от выводов относительно их гносеологической природы и других подобных теоретических вопросов.

Сформированы определенные стереотипные суждения относительно использования результатов ОРД и допускаемых в процессе ее осуществления нарушений. Вместе с тем в открытых источниках представлено не так много публикаций, авторы которых основывают свои выводы на актуальных результатах собственных исследований судебно-следственной практики.

Заявленная в наименовании настоящей статьи тема раскрыта с использованием результатов проведенного в 2023 году в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева в процессе одноименной научно-исследовательской работы анкетирования 217 следователей Следственного комитета со стажем следственной работы свыше 10 лет. Респондентам были предложены вопросы об использовании ими результатов ОРД в процессе предварительного расследования преступлений против интересов государственной службы (поскольку в целом в статье идет речь именно о таких преступлениях, далее мы не будем уточнять их вид).

Переходя непосредственно к теме статьи, напомним, что результаты ОРД, предназначенные для использования в процессе предварительного расследования, представляют в форме сообщения, как инициативного, так и

направленного во исполнение поручения следователя, а полученные следователем материалы могут иметь как процессуальное, так и криминалистическое значение, то есть использоваться как непосредственно для организации и проведения следственных действий, так и в тактических целях.

Большинство опрошенных нами следователей (70 %) указали, что при реализации рассматриваемого направления использования результатов ОРД у них в целом не возникало проблем, которые не могли быть разрешены в текущем рабочем порядке. У 28 % респондентов такие проблемы возникали в единичных случаях, у 2 % – систематически.

Также 75 % опрошенных указали, что в их практике не было случаев, когда по результатам рассмотрения представленных результатов ОРД они приходили к выводу о невозможности их использования для целей уголовного судопроизводства. Четверть респондентов (в чьей практике такие случаи встречались) в числе оснований такого вывода назвали: нарушение порядка оформления материалов ОРМ (26 %); нарушение порядка представления результатов ОРД следователю (20 %); представление сведений, не имеющих отношения к предмету доказывания (16 %); провокацию со стороны оперативных сотрудников при проведении ОРМ (12 %) и некоторые другие.

По мнению следователей, эти же недостатки допускают чаще всего при представлении результатов ОРД при выявлении и раскрытии преступлений против интересов государственной службы в целом, то есть любые оперативные сотрудники любых органов. На первом месте – нарушение порядка оформления материалов ОРМ (70 % опрошенных, сталкивавшихся с нарушениями, считают, что это самый распространенный недостаток).

Согласно результатам проведенного опроса результаты ОРД следователи используют преимущественно для доказывания виновности лица (77 баллов из 100 возможных) и события преступления (71 балл), реже – для установления характера и размера вреда, причиненного преступлением, и установления имущества, на которое может быть наложен арест, места нахождения похищенного имущества (по 36 баллов), нечасто – в других целях (установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (20 баллов) или потерпевшего (12 баллов), исключающих преступность и наказуемость деяния (11 баллов), смягчающих и отягчающих наказание (10 баллов)).

Содержание сообщения, направляемого с целью использования представляемых результатов ОРД в доказывании, должно позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, и отвечать требованиям, перечисленным в п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹.

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утв. приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Профессором Земсковой А.В. сформулированы основные принципы такой оценки: законность; идентификация источника получения доказательства и возможность его проверки иным способом; соблюдение процессуальных правил представления результатов ОРД органу, осуществляющему уголовное судопроизводство; соблюдение правил конспирации¹.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных действий, должны содержать информацию «об обстоятельствах, способствующих определению объема и *алгоритма* проведения конкретных процессуальных действий, выбору оптимальной *тактики* их проведения, выработке наиболее эффективной *методики* расследования конкретного уголовного дела»².

Естественно, не в каждом случае весь объем необходимой информации может быть установлен одновременно, однако разрешение разных задач ОРД не исключает проведения новых ОРМ, в том числе повторно, с тем чтобы сначала решить одну задачу (задачи), а затем – другую (другие); результаты проведенных ОРМ могут давать основания для дальнейшего их проведения³.

Для наиболее эффективного использования представленных результатов ОРД в доказывании необходимо:

- 1) не допустить использование сведений, полученных с нарушением закона;
- 2) органично включить сформированные на основе результатов ОРД доказательства в комплекс доказательств, получить максимально возможный объем имеющей значение для дела информации, используя результаты ОРД как соиздательную основу для проведения следственных и иных процессуальных действий, и наоборот.

По замечанию профессора Зникина В.К., многие ОРМ по своей сути имеют сходство со следственными действиями: опрос и допрос; наведение справок и истребование материалов в порядке ст. 144 УПК РФ и так далее⁴. Это обусловлено тем, что в процессе документирования и доказывания используют одинаковые в своей основе познавательные методы. Такое «соответствие» может служить ориентиром, указывающим на следственные действия, посредством проведения которых могут быть сформированы доказательства на основании

¹ Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России. 2002. 43 с.

² Ковалев А.В., Бардадым И.С., Попандопуло Д.В. Актуальные проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 104.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1406-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Безрукова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 1 и 3 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Зникин В.К. Системное исследование оперативно-розыскной деятельности как эффективного средства обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 4(10). С. 34.

сведений, полученных в результате проведения того или иного ОРМ, однако строгой взаимосвязи между ними нет.

Осуществляющие ОРД органы выполняют задачу установления источника информации через его носители, помещают ее в определенную форму, которую передают следователю для формирования доказательств.

Согласно ответам респондентов чаще всего в процессе этой деятельности из оперативных подразделений поступают результаты ОРД, оформленные в виде рапорта (81 балл из 100 возможных по частоте встречаемости), реже – справки (67 баллов), акта (58 баллов) и протокола (54 балла).

Одновременно с результатами ОРД наряду с оперативно-служебными документами чаще всего поступают фонограммы и их расшифровки, материалы видеозаписи, фотосъемки (72 балла из 100), реже – сведения из информационно-справочных систем (48 баллов) и денежные средства (44 балла), довольно редко – документы (33 балла), иные предметы (15 баллов) и образцы для сравнительного исследования (14 баллов).

Согласно результатам проведенного опроса с использованием представленных результатов ОРД в процессе расследования преступлений против государственной службы следователи чаще всего получают такие доказательства, как показания подозреваемого обвиняемого, свидетеля (по 48 баллов из 100 возможных) или потерпевшего (39 баллов), вещественные доказательства (36 баллов).

В научной среде ведут дискуссии относительного круга процессуальных действий, основанием для принятия решения о производстве которых могут служить результаты ОРД.

В этой связи такие действия могут быть разделены на группы:

- следственные действия, направленные на обнаружение и закрепление доказательств (осмотры, допрос свидетеля и потерпевшего, выемка, обыск, освидетельствование, задержание);
- следственные действия, направленные в основном на проверку собранных доказательств (очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, назначение экспертизы)¹;
- процессуальные действия (избрание меры процессуального принуждения, ограничение периода ознакомления с материалами уголовного дела и другие).

При этом преобладают суждения о том, что результаты ОРД могут быть в полной мере использованы в качестве основания для производства следственных действий первой группы, в то время как основанием для производства действий, включенных во вторую, служат только сведения, полученные процессуальным путем. Это логично, поскольку они направлены на проверку уже имеющихся в деле доказательств, то есть в любом случае имеют процессуальное основание.

¹ См., например: Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. 260 с. § 2.3.2 // URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Уголовно-процессуальная-интерпретация-результатов-ОРД.pdf> (дата обращения 15.03.2024).

Процессуальные действия третьей группы могут производиться на основании сведений, полученных как процессуальным, так и оперативно-разыскным путем.

Как писал профессор Шейфер С.А., результаты ОРД в совокупности с полученной процессуальным путем информацией (в зависимости от существа сведений) выполняют факультативную функцию в установлении оснований для проведения следственных действий¹.

Действительно, ни собственное решение следователя, ни принимаемое по результатам рассмотрения его ходатайства о проведении требующего судебного санкционирования следственного действия судом решение не может быть обосновано исключительно полученной оперативным путем информацией. Если же предоставленные материалы ОРД уже проверены путем проведения процессуальных действий, их результаты могут в полной мере служить основаниями для принятия решений о проведении следственных действий.

Результаты проведенного опроса следователей показывают, что в большинстве случаев (83 %) они не оформляют каким бы то ни было особым образом свое решение относительно возможности использования представленных результатов ОРД для целей уголовного судопроизводства по результатам их изучения. Пригодные, по их мнению, результаты следователи используют, а непригодные просто не приобщают к материалам дела. Возникающие вопросы (например, при неполноте представленных материалов) решают в рабочем порядке.

Только 38 % респондентов указали, что если приходят к выводу о том, что результаты ОРД не могут быть использованы в доказывании, излагают соответствующие доводы в постановлении, выносимом по итогам проверки сообщения о преступлении, 17 % выносят отдельное постановление относительно использования результатов ОРД.

Мы разделяем мнение о целесообразности оформления решения относительно использования поступивших материалов ОРД постановлением, вынесенным по итогам рассмотрения постановления о представлении результатов ОРД в следственный орган и приложенных к нему материалов ОРД как ходатайства осуществляющего ОРД органа².

Подводя итог изложенному, отметим, что получив предоставленные ему результаты ОРД, следователь осуществляет познавательную и удостоверительную деятельность, оценивая их как непосредственно (осматривая полученный в процессе осуществления ОРД предмет или документ), так и опосредованно (оценивая содержание видеозаписи, объяснения), формируя на их основе доказательства и принимая тактические решения.

Об эффективности реализации института представления результатов ОРД в досудебном производстве по уголовным делам свидетельствует использование

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Самарский государственный университет, 2004. С. 20.

² См., например: Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 70-71.

полученных следователем материалов в полном объеме согласно той цели, для которой они направлены.

Литература

1. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2002. 43 с.

2. Зникин В.К. Системное исследование оперативно-розыскной деятельности как эффективного средства обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 4 (10). С. 33-39.

3. Ковалев А.В., Бардадым И.С., Попандопуло Д.В. Актуальные проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования // Юрист-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 102-106.

4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. 260 с.

5. Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2020. 168 с.

6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Самарский государственный университет, 2004. 228 с.

УДК 343.98

ББК 67.52

Е.Б. Серова

К вопросу о расследовании преступлений против жизни и здоровья, уголовные дела о которых подсудны суду с участием присяжных заседателей

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы расследования преступлений против жизни и здоровья, уголовные дела о которых могут стать предметом рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей. Отмечая, что не каждое такое уголовное дело попадет в суд присяжных, автор приходит к выводу о необходимости учета особенностей данной формы судопроизводства при расследовании любого преступления названной группы. Обращается внимание на необходимость обеспечения наглядности, а также всесторонности, полноты и объективности расследования любого преступления против жизни и здоровья, что позволит максимально эффективно достичь назначения уголовного судопроизводства вне зависимости от его формы.

Ключевые слова: расследование, наглядность расследования;

всесторонность, объективность и полнота расследования; суд с участием присяжных заседателей, дополнительные средства фиксации хода и результатов следственных действий

Преступления против жизни и здоровья составляют значительную долю в структуре преступности и вопросы их расследования традиционно привлекают внимание ученых. Несмотря на это, проблемы расследования этих преступлений не утрачивают своей актуальности, что в современных условиях во многом определяется развитием судебной системы и повсеместным распространением суда с участием присяжных заседателей. Казалось бы, как связаны досудебное производство и форма уголовного судопроизводства. Между тем, связь прослеживается, и связь прямая. В суде с участием присяжных заседателей все ошибки, допущенные в ходе расследования, приобретают особую значимость и влекут за собой осложнение судебной ситуации с последующим вынесением оправдательного вердикта. Более того, присяжные – это люди, которые, как правило, впервые сталкиваются с правоохранительной системой и уголовным судопроизводством и имеют подчас ошибочное представление о доказывании и возможностях следствия. Они не знакомятся с материалами уголовного дела, доказательства воспринимают непосредственно в ходе судебного следствия. В литературе высказано мнение, что люди, имеющие проблемы в повседневной жизни (а их немало среди присяжных), мало интересуются вопросами прав личности и от них трудно ожидать объективного и беспристрастного разрешения уголовного дела. «Присяжные, иногда вопреки требованиям присяги, не только несправедливо оправдывают преступников, виновность которых бесспорно доказана достаточным количеством допустимых доказательств, но и выносят несправедливые обвинительные вердикты при слабой и противоречивой доказательственной базе обвинения. По делам, рассматриваемым в судах с участием присяжных заседателей, исход процесса нередко трудно предугадать даже в тех случаях, когда позиция той или иной стороны подкреплена или не подкреплена достаточной доказательственной базой»¹.

Таким образом, следует признать, что правосудие с участием присяжных заседателей требует иного, по сравнению с традиционным, подхода к формированию доказательственной базы, совершенствования и повышения качества предварительного следствия.

В соответствии с действующим законодательством ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей может быть заявлено не ранее окончания следствия и ознакомления обвиняемого с материалами дела. К этому моменту все следственные действия уже выполнены и внести существенные изменения в доказательственную базу невозможно. Это позволяет нам утверждать, что следователь должен учитывать потенциальную

¹ Мельник, В. В. Искусство речи в суде присяжных : учебно-практическое пособие / В. В. Мельник, И. Л. Трунов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. (Профессиональная практика). С. 16 // URL: <https://urait.ru/bcode/535474/p.16> (дата обращения: 24.04.2024).

возможность направления дела в суд присяжных с момента проверки информации о преступлении, такому суду подсудном. Только в этом случае могут быть собраны доказательства, которые позволят реализовать задачи поддержания государственного обвинения в суде вне зависимости от формы судопроизводства и добиться достижения назначения уголовного судопроизводства, обозначенного в ст. 6 УПК РФ.

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости трансформации как правоприменительной практики, так и научно разработанных криминалистических рекомендаций применительно к возможному рассмотрению дела судом с участием присяжных заседателей.

Данные судебной статистики свидетельствуют, что судом присяжных ежегодно оправдывается значительное число лиц. Как отмечает С. Насонов, во всех судах с участием присяжных заседателей в первой половине 2023 г. были оправданы 26,6 % (192) подсудимых (примерно каждый третий), в то время как, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за тот же период времени обвинительные приговоры по всем категориям уголовных были вынесены в отношении чуть более 295 тыс. лиц, оправдательные – в отношении 966 лиц, то есть 0,32 % от общего объема¹. Конечно, причины вынесения оправдательных вердиктов различны, но многие из них кроются в досудебном производстве и могут быть устранены самим следователями, а также выявлены при осуществлении процессуального контроля и прокурорского надзора. И речь идет не только о следственных ошибках, но и о формировании принципиально нового подхода к доказыванию по уголовным делам, потенциально подсудным суду с участием присяжных заседателей.

Будучи ограниченными объемом статьи, остановимся на тех моментах, которые мы считаем наиболее важными.

Прежде всего, следует обратить внимание на необходимость реализации такого принципа уголовного процесса, как принцип наглядности. Применительно к досудебному производству наглядность означает максимально возможно использование дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий. Так, осмотр места происшествия должен сопровождаться составлением схем, планов, фото- и видеофиксацией следственного действия и его результатов. При этом следователь должен не ограничиваться выбором только одного способа, а использовать все возможности, предоставляемые современными научно-техническими средствами. Это необходимо для того, чтобы государственное обвинение имело возможность представлять именно те материалы, которые наиболее оптимальны для конкретной коллегии, рассматривающей дело. Так, фотоизображения должны быть цветными и черно-белыми, фиксировать объекты крупным планом и издалека. Схемы и планы места происшествия могут послужить основой для допроса участников процесса в ходе судебного следствия и т.д. Дополнительные

¹ Насонов С. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024-й // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2023-goda-i-prognoz-na-2024-y/> (дата обращения: 23.04.2024).

средства фиксации должны использоваться и при производстве иных следственных действий: проверки показаний на месте, следственного эксперимента и проч. Демонстрация их присяжным оказывает воздействие на присяжных и способствует вынесению справедливого вердикта.

Реализация принципа наглядности осуществляется и посредством приобщения к делу вещественных и письменных доказательств, которые также могут быть продемонстрированы присяжным. Это могут быть орудия убийства, переписка, средства коммуникации, записи камер видеонаблюдения (например, системы «Безопасный город») и др. Важно только, чтобы они были надлежащим образом изъяты, осмотрены с применением необходимых технических средств, приобщены к материалам уголовного дела.

Отметим, что в ряде случаев подсудимые настаивают на недопустимости демонстрации присяжным заседателям фотографий, являющихся приложением к протоколам следственных действий, а также предметов, признанных вещественными доказательствами по делу, поскольку это якобы является незаконным воздействием на присяжных заседателей. Судебная практика однозначно свидетельствует об ошибочности данной позиции¹.

Так, при рассмотрении судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении О. и Б., обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, обвинением была продемонстрирована видеозапись с камеры наблюдения, на которой запечатлено избивание потерпевшего подсудимыми². По другому уголовному делу в ходе расследования свидетель-очевидец убийства не был допрошен с применением видеофиксации, что позволило ему в последующем отказаться от своих показаний, мотивируя оказанным на него давлением со стороны сотрудников правоохранительных органов. Обвинение, которое не могло представить видеозапись показаний, изобличающих виновность подсудимого Ц., фактически было лишено возможности убедительно опровергнуть доводы свидетеля об оказании какого-либо давления со стороны правоохранительных органов, что явилось одной из причин формирования у коллегии присяжных заседателей неверного представления о фактическом развитии событий, в связи с чем был вынесен оправдательный вердикт.

Следующий пример показывает, что даже при слабой доказательственной базе возможно убеждение присяжных в обоснованности позиции обвинения.

М. обвинялся в изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера и убийстве И. В ходе следствия было установлено, что он сначала душил потерпевшую руками, а затем перевернул на живот, взял имеющееся у И.

¹ См., например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.08.2022 № 53-УД22-25СП-А5 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17082022-n-53-ud22-25sp-a5/> (дата обращения: 23.04.2024).

² Здесь и далее приводятся примеры из правоприменительной практики слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

полотенце, и, наложив его на лицо женщины, схватил обеими руками за концы полотенца, после чего, сидя на ней сверху, начал тянуть указанное полотенце на себя, перекрывая дыхательные пути И., пытаясь ее задушить, а также, не позволяя тем самым позвать кого-либо на помощь. Далее М., продолжая сидеть на спине лежащей на земле потерпевшей, обнаружил рядом с собой неустановленный в ходе предварительного следствия тугоэластичный предмет диаметром не более 5 мм (петлю), наложил ее на переднюю поверхность шеи И., после чего взял обеими руками концы петли и начал тянуть в разные стороны на себя концы петли, сдавливая ею дыхательные пути И. вплоть до наступления смерти последней от механической асфиксии непосредственно после сдавливания шеи петлей.

В ходе рассмотрения дела в суде М., ознакомившись со всеми имеющимися в деле доказательствами, выдвинул трудно опровергаемую версию о невиновности в тех преступлениях, в которых его обвиняют. Проверка данной версии была затруднена пассивностью следствия, которое после получения от М. признательных показаний и их проверки на месте, фактически не собрало иных доказательств, которые бы убедили рядовых граждан в его причастности к инкриминируемым деяниям.

Добиться обвинительного вердикта обвинение смогло благодаря двум фрагментам видеозаписи допроса М. При просмотре видеозаписи допроса М., который проводился сразу после его задержания и носил весьма поверхностный характер без выяснения деталей и преступной осведомленности допрашиваемого, государственный обвинитель обратил внимание на то, что М. на вопрос следователя: «Как задушил?», спокойно, уверенно, без давления сказал: «Ну как...» и интуитивно дернул руками на себя крест-накрест, повторяя описанный через полтора месяца с момента убийства экспертом механизм удушения И. Из этого фрагмента следовало, что никто из правоохранителей не мог знать в момент задержания о механизме удушения, кроме преступника. Второй фрагмент касался вопроса: «Почему не задушил руками?», на который М. своим видом замаялся и сказал, что она плакала, и он просто не мог смотреть в глаза, но понимал, что она заявит, поэтому перевернул и начал душить полотенцем, а потом каким-то шнурком.

Благодаря этим фрагментам видеозаписи допроса присяжные заседатели начали с доверием воспринимать доказательства стороны обвинения, что позволило добиться вынесения единогласного обвинительного вердикта.

Второй принцип, на который мы полагаем необходимым обратить внимание, это принцип всесторонности, полноты и объективности расследования. По ряду дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей, принятие реабилитирующих решений стало возможным не только в связи с иной оценкой представленных суду доказательств, но и ввиду недостатков предварительного следствия, связанных с нарушением данного принципа, а также наличием ошибок следователей при составлении процессуальных документов и производстве следственных действий. Как отмечает В.В. Михайлов, с сожалением приходится констатировать, что в ряде случаев у следователей

возникает заблуждение, что по уголовному делу уже собрано достаточное количество доказательств и на этом можно остановиться. Однако практика уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей неоднократно доказала – лишних доказательств не бывает. Государственные обвинители нередко сталкиваются с вопросами присяжных: допрошено ли то или иное лицо в качестве свидетеля, проведена ли экспертиза по тем или иным предметам, запрашивались ли те или иные документы, проверена ли такая-то версия. И ответ на эти вопросы приходится давать отрицательный, поскольку предварительное следствие проведено неполно. В результате у присяжных заседателей сразу же появляется сомнение как в объективности правоохранительных органов в целом, так и в доказанности вины конкретного подсудимого¹.

Несомненно, нарушение рассматриваемого принципа влечет за собой появление пробелов в доказательственной базе, недоказанность отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что не только заставляет присяжных сомневаться в обоснованности предъявленного обвинения, но и позволяет стороне защиты выдвигать новые трудно проверяемые версии. Поскольку эти версии носят характер типичных, они должны прогнозироваться следствием, что позволит предупредить их выдвижение в суде. Кроме того, анализ судебной практики показывает, что при отсутствии ответа на интересующие их вопросы присяжные такие ответы додумывают, причем делают это, как правило, в негативном по отношению к обвинению ключе.

Так, при рассмотрении дела в отношении Ю. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, было установлено, что уже на первоначальном этапе расследования Ю. выдвигал в свою защиту версию об алиби, которое ему обеспечили, как потом было установлено, лжесвидетели. В деле отсутствовали фототаблица к протоколу осмотра трупа потерпевшего Р., допрос Ю. в качестве обвиняемого, в ходе которого он дал признательные показания, проведен без видеозаписи, проверка его показаний не проведена. Очевидец преступления Ж. допрошен поверхностно, без выяснения многих обстоятельств, имеющих значение для дела, его показания не сопоставлены с иными доказательствами. Исследование телефонных переговоров Ю. фактически не проводилось, что позволило выдвинуть версию о нахождении Ю. в момент избиения Р. вдали от места преступления.

Указанные недостатки повлекли за собой необходимость восполнения доказательственной базы в суде. Государственному обвинителю пришлось приложить немало усилий к восполнению пробелов, образовавшихся в системе доказательств, и только после этого удалось убедить присяжных в виновности Ю.

В заключение отметим, что проблемы совершенствования предварительного следствия по делам о преступлениях, подсудных суду с участием присяжных заседателей, требуют глубокого исследования, что позволит усовершенствовать имеющиеся научные рекомендации и привести их в соответствие с реалиями сегодняшнего дня.

¹ Михайлов В.В. Особенности предварительного следствия по уголовным делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей // Криминалистика. 2018. № 2 (23). С. 36.

Литература

1. Мельник, В. В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 486 с.

2. Михайлов В.В. Особенности предварительного следствия по уголовным делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей // Криминалистика. 2018. № 2 (23). С. 35-43.

УДК 363.163

ББК 67.72, 67.73

С.В. Страхова

Проблемы возвращения уголовных дел прокурору в порядке, предусмотренном статьей 237 УПК РФ

Аннотация. Проанализированы наиболее распространенные причины возвращения уголовных дел прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. Среди них отмечены нарушения, допускаемые при составлении обвинительного заключения, неконкретность обвинения, нарушения права обвиняемых на защиту. Сделан вывод о том, что эффективное устранение подобных нарушений возможно лишь при усилении ведомственного контроля и надлежащего прокурорского надзора, что позволит минимизировать необоснованное затягивание сроков производства по уголовным делам и нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: существенные нарушения требований уголовно-процессуального закона, возвращение уголовного дела прокурору, ст. 237 УПК РФ, ошибки при формулировании обвинения, разумный срок уголовного судопроизводства.

Деятельность органов предварительного расследования, органов прокуратуры как органов, отнесенных уголовно-процессуальным законом к стороне обвинения, направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Обвинение формируется в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, собираются доказательства, его подтверждающие, в судебных стадиях обвинение становится предметом судебного разбирательства, дается оценка его законности и обоснованности.

В этой связи нельзя не согласиться с авторами, которые отмечают, что «выявление в судебном заседании допущенных дознавателем, следователем или прокурором существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые нельзя устранить в ходе судебного разбирательства, а равно неправильная квалификация содеянного как менее тяжкого преступления

препятствуют постановлению судом законного, обоснованного и справедливого решения по делу,... потому закон признает их основанием возвращения поступившего в суд уголовного дела в досудебное производство»¹.

Задача обеспечения законности обвинения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства выполняется руководителями следственных органов, органов дознания путем осуществления ведомственного контроля, должностными лицами органов прокуратуры путем реализации надзорных полномочий и судом при осуществлении функции судебного контроля, в судебных стадиях – государственным обвинителем.

Судебная практика свидетельствует о том, что при производстве предварительного расследования не изжиты нарушения при составлении обвинительных актов, обвинительных заключений, нарушения, связанные с неконкретностью обвинения, а также нарушения права обвиняемых на защиту, при этом не всегда прокурорский надзор становится надежным «заслоном» от направления в суд уголовных дел с подобными процессуальными нарушениями.

В частности, среди типичных нарушений при составлении обвинительных заключений и выявленных судами в Республике Крым в 2023 году можно отметить следующие:

- в обвинительном заключении по уголовному делу в отношении Г., обвиняемого по п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ, после изложения обстоятельств совершения преступления не указаны пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за деяние;

- в обвинительном заключении по уголовному делу в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, квалификация деяния, данная органом предварительного расследования, не соответствует описанию преступления, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого;

- в обвинительном заключении в отношении И., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 291.1 УК РФ, не указаны место и время совершения преступления;

- уголовное дело в отношении А. по ч. 1 ст. 293 УК РФ возбуждено по истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности;

- подсудимая на момент принятия решения о привлечении в качестве обвиняемой по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ являлась членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, что предусматривает специальный порядок предъявления обвинения руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации².

¹ Устранение прокурором обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом / Н.Ю. Решетова, Е.В. Великая, К.А. Комогорцева; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 3.

² Обзор практики возвращения прокурорам уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ // Прокуратура Республики Крым. Симферополь, 2023. С. 3-5.

Аналогичное нарушение стало причиной возвращения прокурору уголовного дела в отношении Ч. по ч. 1 ст. 292 УК РФ районным судом г. Волгограда¹.

Постановлением одного из районных судов Ставропольского края уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ (2 эпизода), возвращено прокурору, поскольку по второму эпизоду в обвинительном заключении не указана дата совершения преступления².

Типичными нарушениями, указывающими на неконкретность обвинения, выявленными судами в Республике Крым в 2023 году, стали отсутствие в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по ч. 2 ст. 285 УК РФ и обвинительном заключении указания на конкретные права и интересы, которые были нарушены в результате совершенного преступления; неуказание в обвинительном заключении, в чем именно выразилось несоответствие оказанных услуг требованиям нормативных актов, а также опасность этих услуг для жизни и здоровья граждан (по ч. 3 ст. 238 УК РФ); несоответствие изложенных в обвинительном заключении обстоятельств доказательствам, неполнота указанных нарушений, ставших причиной совершения преступления (ч. 2 ст. 143, ч. 3 ст. 238 УК РФ); по уголовному делу в отношении Г., обвиняемого по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, в обвинении указаны общие суммы частей взятки и перечислены фамилии взяткодателей без указания конкретного размера взятки, переданной каждым из них³.

Несмотря на то, что среди оснований возвращения уголовного дела прокурору нарушение права на защиту не предусмотрено, суды следуют правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой существенное процессуальное нарушение, которое суд не может устранить самостоятельно и которое повлекло лишение или стеснение гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, является препятствием для рассмотрения уголовного дела, исключаяющим возможность постановления законного и обоснованного приговора⁴.

Так, в Республике Крым в связи с нарушением права обвиняемых на защиту суды возвращали уголовные дела прокурору в тех случаях, когда при наличии оснований обвиняемому не предоставлялся переводчик (по уголовному делу в отношении А. по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ); не были переведены на иностранный язык необходимые процессуальные документы и не приобщены их копии к

¹ Обзор о судебной практике по ст. 237 УПК РФ за 2023 год // Прокуратура Волгоградской области. Волгоград, 2023. С. 2.

² Обзор причин возвращения судами уголовных дел на основании статьи 237 УПК РФ // Прокуратура Ставропольского края. Ставрополь, 2023. С. 2.

³ Обзор практики возвращения прокурорам уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ // Прокуратура Республики Крым. С. 1-3.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 129, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 17.04.2024).

материалам уголовного дела, в ходе ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела не присутствовал переводчик (по уголовному делу в отношении С., З., М. по ч. 4 ст. 111 УК РФ); следственные действия с обвиняемыми проводились в отсутствие защитника, участвующего в уголовном деле, при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемой не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ (по уголовному делу в отношении Ш. по п. «а», «б» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, ч. 1 ст. 210 УК РФ); при ознакомлении с материалами уголовного дела использовались бланки протоколов ознакомления обвиняемого и его защитника, в которых содержится разъяснение права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей со ссылкой на недействующую редакцию п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ и без фактического разъяснения особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (по уголовному делу в отношении Б. по ч. 1 ст. 105 УК РФ)¹.

Ввиду нарушения права на защиту постановлением районного суда Ставропольского края на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ прокурору района возвращено уголовное дело в отношении И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ. Основанием возвращения послужило то, что следователем не были рассмотрены ходатайства защитника, заявленные в ходе предварительного следствия².

Постановлением городского суда Волгоградской области прокурору возвращено уголовное дело в отношении С. по ч. 1 ст. 318 УК РФ ввиду нарушения права на защиту, поскольку не обеспечено фактическое участие защитника при волеизъявлении обвиняемой об отказе от него при уже имеющемся в деле решении следователя о том, что С. не может осуществлять свою защиту самостоятельно³.

Не удастся избежать возвращения уголовных дел в связи с необходимостью квалификации действий обвиняемых по более тяжким составам преступлений.

Так, апелляционным определением Верховного Суда Республики Крым от 31.08.2023 по доводам апелляционной жалобы законного представителя потерпевшей отменен приговор городского суда, которым Р. осужден по ч. 1 ст. 131 (7 эпизодов), ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ. Уголовное дело возвращено прокурору.

Основанием явилась необходимость квалификации действий Р. как более тяжкого преступления. Так, его действия по оконченным преступлениям квалифицированы по ч. 1 ст. 131 УК РФ, вместе с тем согласно материалам уголовного дела после совершения преступлений у потерпевшей диагностирована беременность, которая впоследствии была прервана, что в

¹ Обзор практики возвращения прокурорам уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ // Прокуратура Республики Крым. С. 5-6.

² Обзор причин возвращения судами уголовных дел на основании статьи 237 УПК РФ // Прокуратура Ставропольского края. С. 3.

³ Обзор о судебной практике по ст. 237 УПК РФ за 2023 год // Прокуратура Волгоградской области. С. 2.

соответствии с п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹ относится к тяжким последствиям, которые предусмотрены п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Кроме того, следователем оставлены без внимания обстоятельства заражения потерпевшей венерическим заболеванием, о чем имеется справка в уголовном деле, что может свидетельствовать о наличии в действиях Р. более тяжкого состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ².

Подытоживая изложенное, следует отметить, что большую часть указанных нарушений можно было устранить в ходе предварительного следствия и на этапе принятия решения прокурором об утверждении обвинительного заключения. Эффективное устранение подобных нарушений – комплексная задача, требующая объединения усилий органов предварительного следствия и органов прокуратуры, повышения уровня взаимодействия. Усиление ведомственного контроля со стороны руководителей следственных органов путем реализации полномочий по проверке материалов уголовных дел, даче указаний следователю о квалификации преступления и объеме обвинения, даче согласия на направление уголовных дел прокурору, а также надлежащее исполнение прокурорами требований ст. 221 УПК РФ при изучении уголовных дел, поступивших с обвинительными заключениями, позволят минимизировать количество уголовных дел, возвращенных из суда в досудебную стадию, неоправданное затягивание сроков производства по уголовным делам и нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Устранение прокурором обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом / Н.Ю. Решетова, Е.В. Великая, К.А. Комогорцева; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2021. 108 с.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».

² О практике рассмотрения уголовных дел судами апелляционной инстанции республики за 2023 год: информационное письмо // Прокуратура Республики Крым. Симферополь, 2023. С. 3.

Спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Аннотация. В статье анализируется понятие информационно-телекоммуникационных сетей, а также их использования в контексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37. Делается вывод, что указанные сети предназначены для передачи информации исключительно в форме электрических сигналов. Отмечается, что использование информационно-телекоммуникационных сетей может иметь место как в целях информационного воздействия (т.е. доведения определенной информации) на конкретное лицо либо группу лиц, в том числе не персонифицированную, так и для получения доступа к охраняемой законом информации. При этом такое использование (с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ) может иметь место как при совершении деяния, образующего объективную сторону состава преступления, так и на стадии приготовления.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, средство преступления, способ совершения преступления

Начиная с 2019 года ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» обобщает данные о количестве преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Одной из разновидностей таких технологий являются информационно-телекоммуникационные сети. Указанные сети стали привычным атрибутом современного общества. Они широко используются как в экономической сфере, так и для удовлетворения бытовых потребностей человека. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что анализ статистических данных демонстрирует существенное увеличение доли преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Так, согласно аналитическому отчету о состоянии преступности, в январе - декабре 2023 года зарегистрировано 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом 526,8 тыс. (77,8 %) соответствующих преступлений совершается с использованием сети «Интернет», что также значительно больше, чем в 2022 году (+38,2 %) ¹.

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения 30.04.2024).

При этом по-прежнему остро стоят вопросы как раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и их уголовно-правовой квалификации. Если в целом доля раскрытых преступлений в 2023 году составила 51,2 %, то аналогичный показатель применительно к исследуемой группе посягательств составил всего 25,4 %, то есть вдвое ниже.

Учитывая указанные обстоятельства, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15.12.2022 № 37 разъяснил отдельные вопросы, возникающие при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»¹. Указанные разъяснения способны оказать существенное влияние на правоприменительную практику, в связи с чем заслуживают пристального анализа.

В действующем уголовном законе использование информационно-телекоммуникационных сетей чаще всего рассматривается в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Это объясняется тем, что использование информационно-телекоммуникационных сетей повышает степень общественной опасности содеянного за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстроты и глубины информационного воздействия².

Один квалифицирующий признак может характеризовать одновременно несколько признаков состава преступления. В данном случае квалифицирующее значение приобретает комбинация средства, которым выступает сама информационно-телекоммуникационная сеть, и способа совершения преступления, под которым следует понимать использование соответствующей сети для причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

В соответствии с п. 17 отмеченного выше постановления, который в указанной части воспроизводит легальную дефиницию, приведенную в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), технологическая система может считаться информационно-телекоммуникационной сетью, если отвечает следующим признакам:

- предназначена для передачи информации;
- передача такой информации производится по линиям связи;
- доступ к такой информации осуществляется посредством средств вычислительной техники.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/31913/> (дата обращения 30.04.2024).

² Косарев М.Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 56.

В приведенном определении обращает на себя внимание отсутствие указания на форму информации, передаваемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Так, согласно п. 1 ст. 2 Закона об информации под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Вместе с тем пункт 10 той же статьи содержит дефиницию понятия «электронное сообщение», под которым законодатель подразумевает информацию, переданную или полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети. Таким образом, исходя из системного толкования взаимосвязанных положений Закона об информации, можно заключить, что информационно-телекоммуникационные сети предназначены для передачи информации в форме электронных сообщений.

Передача информации может производиться с использованием любых линий связи, под которыми в соответствии с п. 7 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» понимаются линии передачи (т.е. устройства для направленной передачи электромагнитной энергии или электрических сигналов), физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи.

К сожалению, действующее законодательство не содержит определения понятия «средство вычислительной техники». Отсутствует такое определение и в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. В национальном стандарте ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» под средствами вычислительной техники понимается совокупность технических устройств и программ, обеспечивающих их функционирование, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем. При этом в названном стандарте понятия «средство вычислительной техники» и «компьютер» (computer) отождествляются. Равным образом они рассматриваются как синонимы в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹.

В анализируемом нами постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 высшая судебная инстанция отмечает, что доступ к информационно-телекоммуникационным сетям может осуществляться с различных компьютерных устройств, технологически предназначенных для этого, с использованием программ, имеющих разнообразные функции (браузеров, программ, предназначенных для обмена сообщениями, – мессенджеров, специальных приложений социальных сетей, онлайн-игр, других программ и приложений). При этом к числу компьютерных устройств отнесены любые электронные устройства, способные выполнять функции по приему, обработке, хранению и передаче информации, закодированной в форме электрических сигналов (п. 2). В связи с этим следует признать, что использование сотовой связи, телефонной кабельной связи или радиосвязи по-прежнему не может квалифицироваться по анализируемому признаку.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: <https://www.vsrp.ru/files/26106/> (дата обращения 30.04.2024).

Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул, что при квалификации содеянного не имеют значения: 1) количество компьютерных устройств, входящих в технологическую систему, 2) характер доступа к ней (подключение к ней ограниченного количества пользователей или неопределенного круга лиц), что делает несостоятельной позицию о том, что рассматриваемые сети должны быть предназначены для распространения информации неопределенному кругу лиц¹. В связи с этим к информационно-телекоммуникационным сетям могут относиться сети операторов связи (если, конечно, используются для передачи информации в форме электрических сигналов), локальные сети организаций, домашние локальные сети, а также любые иные сети, предоставляющие возможность двум или более пользователям с помощью любых компьютерных устройств осуществлять проводной или беспроводной доступ к информации, расположенной на компьютерных устройствах, подключенных к данной сети, либо обмен информацией (передачу сообщений) между компьютерными устройствами².

С учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ разграничение сетей на электронные и информационно-телекоммуникационные на сегодняшний день утратило какое-либо практическое значение, что в целом соответствует сложившейся судебной практике³.

Разъяснения, содержащиеся в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37, способны существенным образом повлиять на квалификацию содеянного. Информационно-телекоммуникационная сеть при совершении преступлений может выступать: 1) как вспомогательное средство, упрощающее совершение преступления (поиск жертв, изучение места преступления, проработка маршрутов отхода, транспортное обеспечение преступления и т. д.); 2) как предмет преступного воздействия (ст. 274 УК РФ); 3) как средство совершения преступления⁴. В соответствии с ранее сложившимся подходом, который разделялся в уголовно-правовой доктрине⁵, признак использования информационно-телекоммуникационных сетей вменялся (в качестве обязательного или квалифицирующего) только в том случае, если их применение имело место при совершении деяния, образующего объективную сторону состава

¹ Старичков М.В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак преступления // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 496.

² Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/31913/> (дата обращения 30.04.2024).

³ Хромов Е.В. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Криминалистика. 2021. № 3 (36). С. 36.

⁴ Косарев М.Н. Указ. соч. С. 56.

⁵ Винокуров В.Н., Агафонов А.В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право. 2023. № 1. С. 7; Хромов Е.В. Указ. соч. С. 34-35.

соответствующего преступления, например, сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов¹.

Вместе с тем в настоящее время Пленум Верховного Суда РФ предлагает вменять соответствующий признак, если информационно-телекоммуникационные сети использовались на любой уголовно наказуемой стадии преступления, в том числе при совершении preparatory actions.

По нашему мнению, такое использование может иметь место:

- 1) для целей информационного воздействия на конкретное лицо либо группу лиц, в том числе не персонифицированную;
- 2) для получения доступа к охраняемой законом информации.

В первом случае информационное воздействие возможно как в отношении потерпевшего или лица, намеревающегося приобрести (сбыть) предметы, запрещенные к обороту или ограниченные в нем, так и в отношении других соучастников преступления (при этом рассматриваемый признак, исходя из позиции Пленума Верховного Суда РФ, вменяется, если с использованием информационно-телекоммуникационных сетей происходит приискание, в том числе неудавшееся, соучастников преступления, а также поддержание между соучастниками связи в целях совершения группового преступления).

Литература

1. Винокуров В.Н., Агафонов А.В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право. 2023. № 1. С. 3-12.

2. Косарев М.Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 55-57.

3. Старичков М.В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак преступления // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 493-498.

4. Хромов Е.В. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Криминалистика. 2021. № 3 (36). С. 32-38.

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 06.08.2021 № 22-6380/2021; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 № 77-1641/2021; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 № 48-АПУ15-45 // СПС «КонсультантПлюс».

Атипичная и привходящая причинная связь в преступлениях против жизни

Аннотация. При квалификации случаев умышленного и неосторожного причинении смерти в результате применения насилия зачастую происходит смешение понятий причинной связи и вины, что не способствует стабильности правоприменительной практики.

Ключевые слова: причинная связь в преступлениях против жизни, насилие, оставление в опасности, смерть, форма вины

На практике возникают случаи, когда при обычных условиях насильственные действия виновного не способны повлечь наступление смерти, однако подобный результат наступает из-за особых свойств организма потерпевшего. Такие случаи еще называют атипичной причинной связью (например, кровотечение из носа из-за одного несильного удара в лицо на фоне гемофилии влечет наступление смерти)¹.

Несмотря на атипичный характер развития, причинная связь имеется, следовательно, квалификация содеянного будет зависеть от возможности предвидения смерти в результате применения насилия и осведомленности виновного об особых свойствах организма потерпевшего.

Е. нанес С. удар в область головы, от чего последний скончался. Суд признал, что из-за ВИЧ-ассоциированного энцефалита ткани и сосуды мозга изменились и для возникновения черепно-мозговой травмы потребовалось незначительное воздействие. Имеющаяся выраженная тромбоцитопения, обусловленная ВИЧ-инфекцией, проявляющаяся в нарушении свертываемости крови, способствовала развитию осложнений полученной травмы. Е. осужден по ч. 1 ст. 109 УК РФ².

Ш. нанес множественные удары в область головы, от которых началось кровотечение из губы С. Ш. запретил присутствующим оказывать помощь потерпевшему. Последний умер на заднем дворе домовладения. Ушибленная рана врожденной кавернозной гемангиомы нижней губы слева причинила легкий вред здоровью потерпевшего. Смерть наступила ввиду патологических процессов данной анатомической области, не характерных для обычного течения данного вида травмы. Верховный Суд РФ отменил решение кассационного суда о переквалификации действий Ш. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, указав, что осужденному было достоверно известно о наличии у

¹ Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81-102.

² Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 11.07.2016 № 1-722/2016 по ч. 1 ст. 109 УК РФ // URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения 27.04.2024).

потерпевшего вышеуказанного врожденного заболевания, а также о последствиях в виде наступления смерти при повреждении данной анатомической области¹.

Правоприменитель в подобных случаях обосновывает квалификацию содеянного характером причинной связи, а не формой вины, что представляется неверным.

Д. нанес потерпевшему К. не менее двух ударов кулаком в область головы. Через незначительный промежуток времени К. скончался от закрытой черепно-мозговой травмы, полученной им за 2-3 недели до конфликта с Д. Суд признал, что между деянием Д. и наступлением смерти К. прямой причинно-следственной связи не имеется, между ними усматривается косвенная связь. Действия Д. обусловили разрыв неполноценных сосудов формирующейся капсулы ранее полученной гематомы, что повлекло смерть потерпевшего от отека головного мозга. В этой связи суд переквалифицировал содеянное с ч. 4 ст. 111 на ч. 1 ст. 109 УК РФ².

Полагаем деление причинной связи на прямую и косвенную (опосредованную) в преступлениях против жизни неверным. Причинная связь как признак объективной стороны преступления либо есть, либо ее нет. Содеянное Д. повлекло разрыв сосудов головного мозга, следовательно, причинная связь имеется. Однако Б. не знал о состоянии потерпевшего и не мог предвидеть такого развития причинной связи, а, следовательно, не должен нести ответственность за убийство³. Вместе с тем, содеянное не может быть признано невиновным причинением вреда, т.к. в ходе конфликта Д. нанес удар потерпевшему в голову – место расположения жизненно важных органов тела человека, а, следовательно, проявляя необходимую внимательность и предусмотрительность должен был и мог это предвидеть.

От атипичной причинной связи следует отличать привходящую причинность, в качестве разновидности которой следует рассматривать возникновение смежных нетипичных патологических процессов в организме потерпевшего в результате применения насилия. В первом случае деяние накладывается на уже имеющуюся патологию, а во втором – влечет нетипичное ее возникновение.

Например, в результате удара в область лица у потерпевшего начинается носовое кровотечение, но не наружу, а в ротовую полость, что влечет механическую асфиксию и смерть. Объективно причинная связь имеется, однако субъективное отношение виновного к вреду здоровью и смерти потерпевшего различно (к причинению вреда здоровью – прямой неконкретизированный умысел, к смерти от нетипичной патологии – неосторожность).

Если в результате непосредственно ударов причинен тяжкий вред здоровью, то с учетом позиции Верховного Суда РФ по делу Чагарова подобные случаи

¹ Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2022 № 18-УД-22-48-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19.06.2013 № 22-3908/2013 по ч. 1 ст. 109 УК РФ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.04.2024).

³ Подробнее см.: Андреева Л. А. Избранное. СПб., 2004. С. 7, 10.

следует квалифицировать как единое преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ¹.

Если в случаях с аспирацией кровью удары в область лица влекут причинение средней тяжести вреда здоровью (например, перелом носа со смещением отломков), а в дальнейшем наступает смерть от асфиксии, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 109 и ст. 112 УК РФ, что находит отражение в правоприменительной практике².

Не имеют единого подхода к квалификации случаи возникновения носового кровотечения, с последующей аспирацией кровью, в результате причинения легкого вреда здоровью или побоев.

З. нанес С. множественные удары в область лица, причинив легкий вред здоровью. Смерть потерпевшего наступила в результате аспирации кровью. Действия З. квалифицированы по ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 115 УК РФ³.

Л. в ходе конфликта нанес один удар кулаком в область головы А., причинив кровоподтеки на лице, а также перелом костей носа (легкий вред здоровью), отчего началось кровотечение. А. скончался на месте от механической асфиксии в результате закрытия просвета дыхательных путей кровью. Л. осужден только по ч. 1 ст. 109 УК РФ⁴.

К. нанес потерпевшему удары в голову рукой и ногой (легкий вред здоровью). Смерть потерпевшего наступила от аспирации кровью. Государственный обвинитель в суде переквалифицировал содеянное с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ указав, что «...смерть потерпевшего от закрытия дыхательных путей аспирированной кровью не является закономерным исходом при носовых кровотечениях, источник которых находится в зоне переломов носовых костей. В данном случае... возникла критическая ситуация в силу дополнительных причин, создались условия для вдыхания (аспирации) крови. Эти условия носят случайный характер... По указанным причинам нет оснований для утверждения о прямой причинно-следственной связи между переломами носовых костей с носовым кровотечением и смертью»⁵.

Мы не можем согласиться с необходимостью квалификации содеянного только по ч. 1 ст. 115 УК РФ, т.к. при нанесении ударов в голову (место расположения жизненно важных органов) виновное лицо предвидит возникновение кровотечения исходя из силы удара и места приложения травмирующей силы, а, следовательно, при должной внимательности и предусмотрительности должен и

¹ Апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 24.12.2015 № 30-АПУ15-16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 43-44.

² Приговор Северского районного суда Краснодарского края от 18.06.2012 № 1-145/2012 по ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 112 УК РФ // URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения: 27.04.2024).

³ Приговор Ямальского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.01.2016 № 1-6/2016 по ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 115 УК РФ // URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Приговор Губкинского районного суда Белгородской области от 17.10.2016 № 1-42/2016 по ч. 1 ст. 109 УК РФ // URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения: 27.04.2024).

⁵ Постановление Тосненского городского суда Ленинградской области от 15.05.2017 № 1-8/2017 по ч. 1 ст. 115 УК РФ // URL: [https:// sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения: 27.04.2024).

может предвидеть смерть потерпевшего. Смерть наступила от кровотечения, вызванного активными действиями виновного, а, следовательно, причинная связь между нанесением ударов и гибелью потерпевшего имеется.

Не можем мы согласиться с квалификацией содеянного и только по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Умышленное преступление не может поглощаться неосторожным¹.

Мы разделяем позицию тех авторов, которые полагают, что «способ, т.е. приемы, порядок, последовательность действий, характерен в основном для умышленных преступлений. В преступлениях, совершенных по неосторожности, не происходит выбора способа, его оценки, избрания порядка, приемов, последовательности совершения действий. В таких деяниях способ совершения преступления как определенный юридический феномен отсутствует»². Поэтому подобные случаи не следует рассматривать по правилам квалификации преступлений-способов и преступлений-результатов, а необходимо как ошибку в развитии причинной связи (отклонение действия), что позволяет применить правило о необходимости квалификации по совокупности преступлений желаемых последствий (умышленное причинение побоев или легкого вреда здоровью) и фактически наступивших по легкомыслию или небрежности (неосторожное причинение смерти)³. Такой подход отражен в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2006 № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения».

Еще одной разновидностью приводящей причинности в преступлениях против жизни выступают случаи, когда смерть потерпевшего наступает не в результате применения насилия, а по причине дальнейшего развития причинной связи, обусловленного способом, местом или обстановкой совершения преступления.

Например, удар и получение смертельной травмы в результате падения. Согласно позиции высшей судебной инстанции ответственность за последствия в результате падения наступает за неосторожное причинение вреда, т.к. он возникает не в результате непосредственного воздействия виновного на потерпевшего, а в силу дальнейшего развития причинно-следственной связи – его падения и удара о землю⁴.

Полагаем, что основанием квалификации содеянного как неосторожного преступления являлся не характер развития причинной связи, а форма вины как критерий разграничения ст. 105 (ст. 111) и ст. 109 (ст. 118) УК РФ.

Опасность нанесения удара в голову для жизни потерпевшего с точки зрения виновного не очевидна, он не предполагает реальную возможность наступления

¹ Шарапов Р.Д. Преступления против жизни: уголовно-правовые традиции и законодательные новации// Криминалистика. 2019. № 4 (29). С. 40-45.

² Михайлов Н.Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 8.

³ Подробнее см.: Гарбатович Д.А. Убийство: ошибка в личности потерпевшего и в развитии причинной следственной связи// Уголовное право. 2024. № 2. С. 10-23.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № 80-УД22-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

смерти. Однако виновный, применяя насилия должен и может предвидеть последствия в результате падения потерпевшего, т.к. осуществляет воздействие на центры принятия решений (голову) потерпевшего.

Однако правоприменитель практически во всех случаях обосновывает квалификацию по ч. 1 ст. 109 УК РФ нанесением одного удара в область головы, повлекшего смерть потерпевшего от травмы в результате падения, наличием косвенной связи между деянием виновного и негативными последствиями¹.

Первоначальные насильственные действия, прямо не повлекшие смерть потерпевшего, при наличии оснований следует дополнительно квалифицировать по ст. 111 (112, 115, 116) УК РФ.

Например, Ф., будучи недовольным правомерными действиями сотрудника ДПС А., нанес последнему один удар в область головы. От нанесенного удара А. упал на асфальт и ударился головой, получив открытую проникающую черепно-мозговую травму (тяжкий вред здоровью). Действия Ф. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 318 УК РФ².

К., находясь на лестничной площадке в ходе конфликта нанес А. удар в область головы в направлении от лестничного марша, причинив средней тяжести вред здоровью. От удара А. потерял равновесие и упал на лестничные ступени, что повлекло причинение черепно-мозговой травмы и смерть потерпевшего. К. осужден по ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 112 УК РФ³.

Следует рассмотреть разновидность привходящей причинности в преступлениях против жизни, когда смерть потерпевшего наступает в результате оставления его в опасности, после применения насилия.

Если после применения насилия потерпевший оставлен в условиях, явно угрожающих его жизни, то в случае наступления смерти согласно позиции высшей судебной инстанции содеянное следует квалифицировать как убийство, в зависимости от фактически обстоятельств совершенное с прямым либо косвенным умыслом⁴. Содеянное следует квалифицировать как единое преступление по фактически наступившим последствиям, т.к. и насилие и оставление в опасности равно опасны для жизни потерпевшего.

Более сложным и неоднозначно решаемым на практике являются случаи применения насилия, повлекшие потерю сознания потерпевшим, с

¹ Приговоры Ейского городского суда Краснодарского края от 22.07.2014 № 1-293/2014 по ч. 1 ст. 109 УК РФ, Сергиевского-посадского городского суда Московской области от 10.12.2013 № 1-472/2013 по ч. 1 ст. 109 УК РФ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

² Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 21.03.2014 № 1-12/2014 по ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 318 УК РФ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 22.07.2020 № 1-196/2020 по ч. 1 ст. 109, ч. 1 ст. 112 УК РФ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 09.07.2007 М 1-007-19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 5; определение Верховного Суда РФ от 13.07.2021 № 82-УД21-8-А2 // СПС «КонсультантПлюс»; п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 2 квартал 1996 года // БВС РФ. 1997. № 3.

последующим сбрасыванием его в воду или закапыванием в земле, от чего наступает смерть.

Содеянное следует квалифицировать в зависимости от того, является ли содеянное фактической ошибкой субъекта либо реализацией его безразличного отношения к жизни потерпевшего. Если до утопления в воде обвиняемый принял все возможные с его точки зрения меры, достаточные для выявления у потерпевшего признаков жизни, и фактические обстоятельства дела давали ему разумную возможность предположить факт наступления смерти, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 109 УК РФ. В противном случае содеянное следует квалифицировать как убийство с косвенным умыслом.

Проведенный анализ позволил констатировать, что из-за отсутствия определения причинной связи как признака объективной стороны преступления в уголовном законе, разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, на практике наметилась негативная тенденция к смешению анализируемого понятия и интеллектуальной составляющей вины, что влечет противоречивую оценку одинакового поведения субъектов.

Литература

1. Андреева Л. А. Избранное. СПб., 2004. 56 с.
2. Гарбатович Д.А. Убийство: ошибка в личности потерпевшего и в развитии причинной следственной связи // Уголовное право. 2024. № 2. С. 10-23.
3. Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81-102.
4. Михайлов Н.Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. 28 с.
5. Шарапов Р.Д. Преступления против жизни: уголовно-правовые традиции и законодательные новации // Криминалистика. 2019. № 4 (29). С. 40-45.

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Л.В. Черечукина

Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод для возбуждения уголовного дела¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся важности правильного определения в правоприменительной практике таких поводов для

¹ Термины «оперативно-розыскная деятельность», «оперативно-розыскные мероприятия», «розыскные меры», «оперативно-розыскные меры» изложены в авторской орфографии.

возбуждения уголовного дела, как результаты оперативно-розыскной деятельности и непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления. Наряду с этим обосновывается необходимость при оперативном сопровождении расследования получения согласия следователя на проведение гласных оперативно-розыскных мероприятий по делам, которые находятся в его производстве.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, поводы для возбуждения уголовного дела, результаты оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, устанавливающее порядок судопроизводства по уголовным делам, среди поводов для возбуждения уголовного дела прямо не содержит указания на материалы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ наличествует лишь общее предписание о том, что поводом может стать «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников».

Вместе с тем в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ однозначно определено, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю, в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении (ст. 11).

В диспозиции ст. 143 УПК РФ закреплено положение о том, что сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления. Такая формулировка, на наш взгляд, может расцениваться, в том числе, как сообщение, полученное из конфиденциального источника, однако, не предполагает информацию, добытую в результате ОРД как таковой, поскольку подобного рода информация может быть получена вне связи с конкретными оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ), да и ОРД в целом.

Учитывая, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет содержание ОРД на территории Российской Федерации и закрепляет систему гарантий законности при проведении ОРМ, ориентирован на специально уполномоченные оперативные подразделения государственных органов, решающих специфические задачи, вряд ли будет корректным утверждение о том, что его нормы должны являться руководством к действию для органов предварительного расследования, деятельность которых регламентируется УПК РФ.

В стадии возбуждения уголовного дела, основная задача которой состоит в выявлении признаков преступления и оснований для возбуждения уголовного

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

дела, по сути, являющейся началом уголовного судопроизводства, которому свойственна процессуальная форма, руководствоваться нормами законодательства об ОРД представляется алогичным и прямо противоречащим требованиям ст. 1 УПК РФ.

В недалеком прошлом в отечественном уголовном процессе в качестве повода для возбуждения уголовного дела (наряду с иными) выступало «непосредственное обнаружение дознавателем, органом дознания, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления» (п. 6 ст. 108 УПК РСФСР).

В действующем УПК РФ обозначенный повод отсутствует, хотя в практической деятельности сплошь и рядом возникают ситуации, когда при осуществлении своих функций по борьбе с преступностью уполномоченные должностные лица выявляют сведения о совершенном или готовящемся преступлении. В частности, следователь при производстве расследования по уголовному делу получает информацию об ином преступлении, не связанном с ним, либо о новом эпизоде преступной деятельности, совершенном теми же обвиняемыми; орган дознания и дознаватель в ходе производства ОРМ или при производстве дознания по уголовному делу также получают сведения о другом преступлении. Причем эти сведения, еще раз подчеркиваем, могут быть получены при выполнении своих функций при отсутствии заявления о преступлении, явки с повинной, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников, т. е. вне связи с поводами для возбуждения уголовного дела, указанными в ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Можно по-разному комментировать эту норму, но при этом нельзя забывать, что краеугольным камнем при определении поводов для возбуждения уголовного дела является норма закона. Первая стадия уголовного процесса – стадия возбуждения уголовного дела, начинается с момента получения информации о совершенном или готовящемся преступлении. Именно с нее начинается уголовное судопроизводство, порядок которого определен УПК РФ, что явствует из содержания ч. 1 ст. 1 настоящего Кодекса, поэтому его нормы должны четко определять каждый шаг в этой сфере деятельности, поскольку отсутствие конкретики в законе вызывает трудности в правоприменительной практике и недопонимание того, как правильно действовать в той или иной ситуации.

Описанные поводы для возбуждения уголовного дела, хотя и имеют в отдельных случаях некое сходство, однако, не являются тождественными. Присущие им различия должны четко уяснить следователи, дознаватели и сотрудники оперативных служб в целях преодоления противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, и, в первую очередь, стороны защиты.

Важность правильности определения повода для возбуждения уголовного дела, качественного документирования результатов доследственной проверки в целях установления достаточных оснований для принятия такого решения, своевременной легализации материалов ОРД путем возбуждения уголовного дела явно прослеживается в характерных примерах из практики выявления и

расследования широко распространенных фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, продолжающих подрывать основы национальной безопасности Российской Федерации.

Зачастую факты сбыта наркотических средств выявляются в рамках такого ОРМ, как проверочная закупка, предусмотренного п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, известен случай проведения данного ОРМ в отношении К., занимавшегося по имеющимся у оперативных сотрудников данным сбытом наркотических средств. В процессе ОРМ было задокументировано три факта сбыта наркотических средств К. проинструктированному закупщику С. и планировалось при очередной закупке его задержание. Однако К., мотивируя отсутствием у него на момент визита С. товара, предложил последнему приобрести наркотическое средство у его знакомого, которому позвонил по телефону. Согласившись, закупщик прибыл по указанному К. адресу и приобрел наркотическое средство у неустановленного лица. О случившемся С. сообщил оперативному работнику, руководившему ОРМ в отношении К. Руководствуясь ст. 143 УПК РФ, последним был составлен рапорт о получении сообщения о совершенном преступлении, который зарегистрирован в КУСП. После проведения доследственной проверки, получения заключения эксперта о том, что вещество, приобретенное закупщиком С. у неустановленного на тот момент лица, является наркотическим средством, было возбуждено уголовное дело по факту совершенного преступления. В целях доведения до логического конца ОРМ в отношении К. было принято решение отсрочить задержание К. и неустановленного лица до удобного момента. Тем временем в процессе расследования уголовного дела была установлена личность неизвестного гражданина, который совершил сбыт наркотического средства закупщику С. Им оказался Б. Спустя неделю, при продаже наркотика закупщику С., был задержан с поличным К. Одновременно другой группой оперативных работников произведено задержание Б. При обыске по месту его жительства обнаружены наркотические средства, расфасованные по пакетикам, и предметы-носители со следами наркотических средств (шприцы, иглы и пр.). В процессе опознания закупщик С. среди лиц, предъявленных для опознания, опознал Б. как лицо, продавшее ему наркотическое средство.

Материалы, добытые в ходе ОРМ в отношении К., были легализованы путем возбуждения уголовного дела, т.е. явились поводом для его возбуждения, который не конкретизирован в уголовно-процессуальном законодательстве. В процессе расследования уголовные дела в отношении К. и Б. соединены в одно производство.

Выше акцентировалось внимание на важности качественного документирования результатов доследственной проверки с целью установления достаточных оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Не меньшую значимость это приобретает и на последующих этапах уголовного судопроизводства.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с

наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ ОРМ, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего ОРД, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

В описанном случае речь шла о проведении проверочной закупки в отношении К. Формально факт сбыта наркотического средства Б., хотя и был выявлен в результате ОРМ, однако, проводилось оно не в отношении него, а касательно иного лица, о котором имелись сведения о его преступной деятельности. В процессе предварительного следствия и впоследствии в суде защитником со ссылкой на приведенное постановление Пленума Верховного Суда РФ было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Б., поскольку ОРМ, по мнению защиты, проводилось при отсутствии сведений об участии Б. в подготовке или совершении противоправного деяния, и, стало быть, без законных оснований. В удовлетворении ходатайства в обоих случаях было справедливо, на наш взгляд, отказано в связи с отсутствием законных оснований для прекращения уголовного дела. Оперативными работниками в рамках решения задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», правильно был задокументирован факт сбыта наркотических средств Б. и собраны фактические данные, свидетельствующие о наличии признаков преступления, а следователем верно определен повод и установлены основания для возбуждения уголовного дела.

Немаловажную роль в обеспечении полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств совершенного преступления играет организация качественного оперативного сопровождения расследования, а также уяснение сущности ОРМ и тех пределах, за рамки которых не может выходить следователь при даче органу дознания поручения и указания об их проведении.

Часть 1 ст. 157 УПК РФ наделяет орган дознания правом возбуждения уголовного дела и выполнения неотложных следственных действий при выявлении признаков преступления, по которому производство предварительного следствия является обязательным. По смыслу ч. 3 названной статьи после производства неотложных следственных действий не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ. Вместе с тем ч. 4 ст. 157 УПК РФ обязывает орган дознания выполнять поручения следователя о проведении следственных и ОРМ. В случае

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах. Фактически закон наделяет орган дознания правом проведения «параллельного» расследования с использованием как гласных, так и негласных ОРМ. Однако нельзя оставлять вне поля зрения тот факт, что правовая природа такой деятельности (после принятия уголовного дела к своему производству следователем), несколько иная, поскольку с этого момента начинается действие принципа процессуальной самостоятельности следователя, который самостоятельно принимает решения о направлении следствия и о проведении следственных действий, несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Поэтому реализация гласных ОРМ без ведома следователя представляется некорректной. Возможная несогласованность действий при проведении такого «параллельного расследования» может спровоцировать утечку информации по делу и в результате повлечь негативные последствия, усложнить конфликтные следственные ситуации.

При осуществлении негласных ОРМ акценты расставляются на несколько иных приоритетах. В настоящее время орган дознания самостоятельно решает, в каких формах и с использованием каких методов их осуществлять.

УДК 343.2
ББК 67.408

Д.Б. Чернышев

Вопросы ответственности военнослужащих за вред, причиненный в ходе боевых действий

Аннотация. В связи с участием российской армии в боевых действиях в рамках специальной военной операции актуальным является вопрос уголовно-правовой оценки действий военнослужащих, связанных с применением военного насилия по отношению к противнику. В частности, участники боестолкновений с обеих сторон применяют различные виды вооружения, направленного на физическое уничтожение солдат противоположной стороны. Формально указанные действия являются убийством, однако очевидна необходимость освобождения российских военнослужащих от ответственности за такие действия. Изучение главы 8 УК РФ показывает отсутствие нормы, исключаяющей преступность такого деяния. В настоящей статье сделана попытка решения указанной проблемы.

Ключевые слова: военное насилие, боевые действия, убийство, комбатант, правила и обычаи войны, военное преступление

Вооруженные конфликты между государствами являются неотъемлемой составляющей человеческой истории, влекут гибель как самих непосредственных участников, так и мирного населения, наносят ущерб экономике.

С формальной точки зрения боевые действия представляют из себя применение их участниками различных видов вооружения для умышленного причинения смерти и ранений военнослужащим противоборствующей стороны. С точки зрения уголовного законодательства формально указанные действия являются убийством и влекут уголовную ответственность. Однако, в связи с тем, что причинение смерти противнику в ходе боевых действий с целью защиты интересов государства является общественно полезным, оно должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Тем не менее в главе 8 УК РФ отсутствует норма, подходящая для применения в рассматриваемом случае.

В.И. Ленин представляет войну в качестве продолжения политики иными, насильственными средствами¹. Учитывая то обстоятельство, что война, как правило, является одним из выражений межгосударственных отношений, то все отношения, связанные с ее ведением, в том числе касающиеся непосредственно боевых действий, должны регулироваться на международном уровне.

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы². Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В настоящее время Россия (в качестве преемника СССР) является участником ряда международных договоров, соглашений и конвенций, устанавливающих правила ведения войны. В качестве основных таких документов необходимо отметить Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны³, Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны⁴, Устав

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах, Т. 30. Москва: Издательство политической литературы, 1973. С. 133-136.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lvgyx7pj56871295308 (дата обращения: 18.04.2024).

³ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (принята на Второй конференции мира в Гааге 18.10.1907 г.) // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴ Женевская конвенция от 12.08.1949 о защите гражданского населения во время войны. Принята 12.08.1949 Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 18.04.2024).

Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников Европейских стран Оси¹ и др.

Общепринятые правила ведения войны, устанавливаемые указанными документами, распространяются прежде всего на непосредственных участников военных действий. Традиционно они делятся на две группы – т. н. комбатантов (сражающихся) и некомбатантов (не сражающихся). Как видно из названий групп, основным критерием такой классификации является личная причастность к ведению боевых действий².

Наибольшее внимание для целей настоящего исследования имеют представители первой группы как лица, непосредственно с оружием в руках ведущие боевые действия и причиняющие смерть военнослужащим противника. К таковым относятся в первую очередь лица, включенные в состав вооруженных сил государства, участники добровольческих отрядов (ополчения), имеющих во главе ответственное лицо, носящие оружие открыто, а также обладающие знаками отличия (к примеру – форменным обмундированием), позволяющими их идентифицировать³.

Статус комбатанта дает его носителю право на соответствующее обращение в случае его попадания в плен. При этом ответственность за все действия, которое лицо совершает в ходе военных действий, берет государство, пославшее его. Также статус комбатанта предполагает индивидуальную ответственность за нарушения норм международного законодательства, применяемого в период войн⁴.

Одним из главных качеств статуса комбатанта является закрепленное за ним право применения оружия в ходе боевых действий. Указанное право, иначе именуемое «правом на военное насилие», влечет за собой признание правомерным применение в свою очередь военного насилия к данному военнослужащему со стороны других законных участников вооруженного конфликта. Соответственно, комбатант объединяет в себе признаки субъекта и объекта военного насилия⁵.

Помимо права на применение военного насилия, включающего право на убийство комбатантов противной стороны, на законного участника военных действий возлагается ряд обязанностей, связанных с соблюдением международного законодательства. Прежде всего это касается запретов на совершение определенных действий. В основном подобные запреты,

¹ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников Европейских стран Оси // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883/titles> (дата обращения: 18.04.2024).

² Павлова Л.А. Виды вооруженных конфликтов и статус участников вооруженных конфликтов по международному праву // Международное право. 2007. № 2. С. 17.

³ Женевская конвенция от 12.08.1949 об обращении с военнопленными. Ст. 4.

⁴ Зверев П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 156 с.

⁵ Чернышев Д.Б. Карымова К.Р. Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности за причинение смерти врагу в ходе боевых действий // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 223-228.

признаваемые Международным законодательством в качестве военных преступлений, собраны в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 года¹. К таковым, в частности, относится убийство гражданского населения, убийство и ранение сдавшихся военнослужащих, применение ядов и отравляющих веществ и т.д.

Учитывая принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ, а также в ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, согласно которому в качестве преступления могут быть признаны только те деяния, которые прямо закреплены в качестве таковых в национальных либо международных правовых актах², можно сделать вывод о том, что все действия комбатантов, направленные на физическое уничтожение других комбатантов, являются правомерными, при условии, если они не сопряжены с перечисленными выше нарушениями. Исходя из этого, все то, что прямо не отнесено к числу военных преступлений, таковым не является. Следовательно, применение военного насилия с точки зрения международного законодательства является допустимым и законным.

Для определения содержания военного насилия необходимо обратиться к Боевому уставу Вооруженных сил РФ. Согласно ст. 1 основной формой действий вооруженных сил в ходе ведения боевых действий является нанесение ударов, ведение огня в целях уничтожения противника. Под ударом понимается поражение войск противника путем воздействия на них средствами поражения. Ведение огня предусматривает стрельбу из различных видов оружия для поражения целей (включая военнослужащих противной стороны) и является основным способом уничтожения противника. Также рассматриваемый устав относит физическое уничтожение противника к основным задачам общевойскового боя³. Из этого следует, что ведение боевых действий очевидно предусматривает физическое уничтожение военнослужащих противоборствующей стороны путем применения к ним различных видов оружия.

В связи с тем, что единственным источником уголовного законодательства (как связанного с привлечением к уголовной ответственности, так и освобождения от нее) в Российской Федерации является Уголовный кодекс, все положения международного законодательства должны пройти процедуру имплементации. Однако в современной редакции УК РФ содержатся лишь нормы, связанные с криминализацией военных преступлений (например, ст. 356

¹ Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17.07.1998 с изменениями на основе протоколов от 10.11.1998, 12.07.1999, 30.11.1999, 08.05.2000, 17.01.2001 и 16.01.2002. Статут вступил в силу 01.07.2002 // URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 18.04.2024).

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.04.2024).

³ Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. Часть 3. Взвод, отделение, танк // URL: http://militera.lib.ru/regulations/0/g/2005_bu3.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

«Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 356.1 «Мародерство», ст. 357 «Геноцид» и т. д.). Соответствующей нормы, устанавливающей право на применение военнослужащим оружия и причинение вреда противнику (включая его ранение и убийство), в настоящее время нет. Вместе с тем нерешенным является вопрос о правовых основаниях освобождения российских военнослужащих от уголовной ответственности за убийство солдат противника. Формально указанные действия содержат состав преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, и ни одно из обстоятельств, перечисленных в главе 8 УК РФ, не описывает представленную ситуацию, не позволяя исключить преступность данных деяний. Практическое значение указанная проблема может приобрести в случае, если кто-либо из родственников убитых солдат противника обратится с заявлением о привлечении к уголовной ответственности российских военнослужащих, и у следователя Следственного комитета Российской Федерации в настоящий момент нет однозначных правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела.

Полагаем, что такие действия обладают общими родовыми чертами с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, т. к. являются общественно полезным действием, направленным на защиту охраняемых общественных отношений¹, – международных интересов России, территориальной целостности, конституционного строя и политического режима, а также прав и свобод граждан, проживающих на территории страны.

Наиболее близким по смыслу законом основанием для освобождения военнослужащих от уголовной ответственности в рассматриваемой ситуации в настоящее время является применение положения, установленного ст. 39 УК РФ. В данном случае вред причиняется жизни, здоровью и собственности военнослужащего враждебного государства с целью устранения опасности, непосредственно угрожающей как жизни самого российского военнослужащего, его сослуживцев, а также гражданского населения, собственности, охраняемых законом интересов общества и государства. Условия применения «крайней необходимости» в данном случае видятся более универсальными, чем положения ст. 37 УК РФ о необходимой обороне, т. к. в ходе боевых действий допустимо причинение вреда при отсутствии юридического состояния необходимой обороны, в частности связанного с таким признаком, как наличность². В частности, допускается уничтожение отдыхающего, спящего, выполняющего хозяйственно-бытовые работы противника.

При принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела следователь должен руководствоваться п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления), т. к. наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния,

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. Бриллиантова А.В. М., 2018. 1184 с.

² Смирнов А.М. Теоретико-правовые аспекты легитимности необходимой обороны, характеризующие посягательство, от которого происходит защита // Дневник науки. 2019. № 9 (33). С. 29.

лишает деяние (в рассматриваемом случае – причинение смерти) такого признака, как общественная опасность.

Литература

1. Зверев П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 156 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах, Т. 30. Москва: Издательство политической литературы, 1973. 590 с.
3. Павлова Л.А. Виды вооруженных конфликтов и статус участников вооруженных конфликтов по международному праву // Международное право. 2007. № 2. С. 17.
4. Смирнов А.М. Теоретико-правовые аспекты легитимности необходимой обороны, характеризующие посягательство, от которого происходит защита // Дневник науки. 2019. № 9 (33). С. 29.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2018. 1184 с.
6. Чернышев Д.Б. Карымова К.Р. Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности за причинение смерти врагу в ходе боевых действий // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 223-228.

УДК 343

ББК 67.408

Е.С. Шадрина

Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

Аннотация. Автором статьи рассматриваются проблемы, возникающие на практике при реализации уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 200.4, 285 УК РФ, связанные с определением мотива совершения преступления в виде иной личной заинтересованности. Сформулирована авторская позиция относительно изменений УК РФ от 14.07.2022 об исключении иной личной заинтересованности из диспозиции ст. 200.4 УК РФ. Сделанные выводы иллюстрируются конкретными примерами из судебной практики по привлечению к уголовной ответственности за злоупотребления полномочиями и злоупотребления должностными полномочиями в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: государственные закупки, иная личная заинтересованность, ложно понятые интересы службы, мотив, ст. 200.4 УК РФ, ст. 285 УК РФ

Мотив в виде иной личной заинтересованности применительно к диспозиции ст. 200.4 УК РФ и диспозиции ст. 285 УК РФ является одним из обязательных

признаков субъективной стороны данных преступлений. Содержание «иной личной заинтересованности» достаточно широко раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями»¹, при этом перечень ее возможных проявлений является открытым. В связи с чем на практике при квалификации злоупотреблений должностными полномочиями и злоупотреблений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд возникает проблема установления мотива в виде иной личной заинтересованности, что приводит к различной уголовно-правовой оценке деяний.

Следует отметить, что субъективная сторона ст. 285 УК РФ в отличие от ст. 200.4 УК РФ предусматривает две разновидности мотива совершения преступления – корыстную заинтересованность и иную личную заинтересованность. В то время как субъективная сторона ст. 200.4 УК РФ предусматривает только один мотив совершения преступления в виде корыстной заинтересованности, поскольку с 14.07.2022 иная личная заинтересованность из ст. 200.4 УК РФ была исключена².

На момент внесения изменений в УК РФ от 14.07.2022 в Северо-Курильском районном суде Сахалинской области рассматривалось уголовное дело в отношении М., бывшего сотрудника одного из казенных учреждений, осуществившего приемку работ от лица заказчика, выполненных с нарушениями государственного контракта и проектно-сметной документации, своими действиями причинившего государству особо крупный ущерб на общую сумму более 50 млн рублей. Северо-Курильский районный суд Сахалинской области 20.11.2023, рассмотрев уголовное дело, оправдал М. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 200.4 УК РФ, в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. По результатам рассмотрения уголовного дела суд пришел к выводу, что сторона обвинения не представила доказательств, свидетельствующих о корыстных побуждениях М., а вывод обвинения в этой части носит характер предположения. В приговоре отмечается, что указание в обвинении в качестве мотива совершения преступления стремление М. получить выгоду неимущественного характера, обусловленную карьеризмом и семейственностью, не охватывается корыстной заинтересованностью, а может быть при наличии к тому оснований расценено как иная личная заинтересованность, но исключено судом из состава обвинения в связи с внесением изменений в уголовное законодательство от 14.07.2022³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 14.07.2022 № 345-ФЗ «О внесении изменения в статью 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-opravdaniya-inzhenera-gosuchrezhdeniya-po-delu-o-zloupotreblenii-v-sfere-zakupok/> (дата обращения: 24.04.2024).

Исключение мотива в виде иной личной заинтересованности из состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, на наш взгляд, представляется не совсем логичным, поскольку злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд могут совершаться как из корыстной заинтересованности, так и из иной личной заинтересованности. На приведенном примере видно, как изменения УК РФ от 14.07.2022 оказали влияние на результаты рассмотрения данного уголовного дела.

По мнению инициатора законопроекта, имеющиеся разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 не позволяли сделать однозначного вывода о соотношении таких побуждений как, например, «иная личная заинтересованность» и «ложно понятые интересы службы», что создавало риски привлечения к уголовной ответственности по данной статье практически за любое нарушение законодательства в сфере закупок, если оно повлекло за собой причинение крупного ущерба¹.

Надо сказать, что вопрос о соотношении понятий «иной личной заинтересованности» и «ложно понятых интересов службы» на протяжении многих лет был и остается одним из дискуссионных. Как показывает практика, в ряде случаев позиция судов сводится к толкованию «ложно понятых интересов службы» как разновидности «иной личной заинтересованности» лица. В других случаях судебные инстанции в описательно-мотивировочной части решений указывают «ложно понятые интересы службы» в качестве мотива совершения преступления, не учитывая его при назначении наказания. Мнения исследователей по данному вопросу также разделились.

Так, по мнению Б.С. Волкова, «личная заинтересованность и ложно понятые интересы учреждения и предприятия – противоположные мотивы, по-разному характеризующие общественную опасность нарушения должностными лицами служебного долга»². А.В. Синельников также приходит к выводу, что «побуждения в виде ложно понятых интересов службы никак не могут быть интерпретированы как частный случай личной заинтересованности»³.

Несколько иной точки зрения придерживается П.С. Яни, по мнению которого такой мотив, как ложно понятые интересы службы, «может быть связан с иной личной заинтересованностью, однако сам по себе видом такой заинтересованности не является»⁴. Однако в обвинении возможно указание на такие мотивы в определенных случаях, когда, например, в рамках уголовного дела установлено, что лиц, совершивших противоправные деяния, различными мерами принуждали действовать в незаконных интересах конкретного органа. Так, например, «данные лица получали пусть и не основанные на законе

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 106973-8 «О внесении изменения в статью 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106973-8> (дата обращения: 24.04.2024).

² Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 130.

³ Синельников А.В. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления. Уголовное право. 2011. № 5. С. 28.

⁴ Яни П.С. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10.

взыскания от руководства, им снижали по надуманным предложениям надбавки за сложность в работе, не представляли на поощрение, неосновательно задерживали очередное звание»¹.

Иной позиции придерживается В.Н. Борков, по мнению которого вряд ли уместно говорить о «ложно понимаемых интересах службы» в случаях, когда лицо, совершившее противоправное деяние, не обманывалось и не заблуждалось, при этом имело возможность сделать сознательный выбор: добросовестно выполнять свои обязанности или содействовать принятию незаконного процессуального решения. По мнению В.Н. Боркова, «должностное лицо, грубо нарушающее законы, регламентирующие его служебную деятельность, и при этом ссылающиеся на ведомственный или государственный интерес, скрывает реальные намерения. За этим часто стоит личная асоциальная заинтересованность». Связь ложно понятых интересов службы с «иной личной заинтересованностью», с точки зрения В.Н. Боркова, проявляется в таких стремлениях, как «карьеризм» и «желание приукрасить действительное положение дел»², приведенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. При этом реальные мотивы преступления следует отличать от так называемых мотивировок, которые могут использоваться субъектом преступления для маскировки действительных мотивов его поведения»³. В свою очередь «обстоятельством, исключаящим преступность существенного нарушения должностным лицом своего служебного долга, должно признаваться не отсутствие неизменных мотивов, а крайняя необходимость»⁴. На наш взгляд, с представленной точкой зрения В.Н. Боркова нельзя не согласиться, поскольку именно личной заинтересованностью, а не ложно понятыми интересами службы, руководствуется лицо, совершающее преступное деяние, когда путем различных неправомерных действий создает видимость хороших показателей своей работы или всего подразделения в целом, заведомо зная, что его действия противоречат интересам службы.

Как показывает практика, большинство злоупотреблений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд совершается под предлогом так называемого своевременного «освоения» бюджетных средств. Всем известно, что зачастую, особенно под конец финансового года, бюджетные денежные средства «осваиваются» заказчиками с нарушениями законодательства о контрактной системе в сфере закупок. Своими действиями представители заказчика ежегодно причиняют бюджету РФ многомиллионный ущерб, при этом в большинстве случаев не привлекаются к уголовной ответственности в виду отсутствия мотива совершения преступления. Чаще всего указанные лица

¹ Яни П.С. Укрытие преступлений сотрудниками милиции: умысел и мотив // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 42.

² Борков В.Н. Установление мотива злоупотребления должностными полномочиями // Законность. 2019. № 5. С. 31.

³ Борков В.Н. Установление личной заинтересованности в посягательствах на публичные отношения // Уголовное право. 2010. № 3. С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

объясняют свои противоправные деяния желанием своевременно освоить бюджетные средства, при этом поясняют, что действовали не в своих интересах, а в интересах государственного или муниципального учреждения.

Довольно часто следственные органы при квалификации преступлений в сфере государственных закупок пытаются относить к мотиву иной личной заинтересованности желание представителя заказчика произвести своевременное освоение бюджетных средств. Так, например, следственным управлением СК России по Республике Татарстан расследовано уголовное дело в отношении М., бывшего директора одного из государственных учреждений. В ходе расследования установлено, что в период с 2015 года по 2016 год М., используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, подписал акты приемки выполненных работ на сумму 186,4 млн. рублей. При этом фактическая стоимость выполненных работ составила только 137,6 млн. рублей. В дальнейшем в период с 2016 года по 2017 год М., используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, подписал акты приемки выполненных работ на сумму 168,9 млн. рублей. При этом стоимость фактически выполненных работ составила только 103,2 млн. рублей. Общий размер ущерба по двум эпизодам злоупотребления составил 114,4 млн рублей. Кроме того, М. незаконно премировал самого себя на сумму 694 тысячи рублей. Советский районный суд г. Казани 05.06.2023, рассмотрев уголовное дело, признал М. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе сроком на четыре года. Следует отметить тот факт, что оба эпизода преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, были совершены М. умышленно, из иной личной заинтересованности, которая выражалась в желании создать перед вышестоящим руководством видимость по эффективному и своевременному освоению и расходованию бюджетных денежных средств, выделенных на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной собственности РФ, тем самым повысить свой служебный авторитет перед вышестоящим руководством и создать видимость надлежащего выполнения возложенных должностных обязанностей, не желая быть привлеченным к дисциплинарной ответственности за неосвоение бюджетных денежных средств и, следовательно, за срыв федеральной целевой программы, а также действуя в интересах третьих лиц (подрядчика), которая заключалась в содействии последнему в получении бюджетных денежных средств за невыполненный полностью объем работ¹.

Нами рассмотрен один из примеров обвинительных приговоров, в котором к мотиву иной личной заинтересованности были отнесены побуждения, связанные со своевременным освоением бюджетных средств. Вместе с тем имеет место и противоположная судебная практика с оправдательными приговорами, в которых данные побуждения в качестве мотива в виде иной личной заинтересованности признаны не были. Указанные обстоятельства

¹Дело № 1-3/2023 (1-13/2022; 1-91/2021; 1-887/2020). Судебные решения РФ // URL: <https://courtinfor.ru/54390006/extended> (дата обращения: 24.04.2024).

подтверждают тот факт, что мотив в виде иной личной заинтересованности в сфере государственных закупок является наиболее сложным для обнаружения и доказывания.

На основании вышеизложенного можно заключить, что мотив в виде иной личной заинтересованности имеет криминообразующее значение, следовательно вывод о наличии иной личной заинтересованности в действиях лица, совершившего деяние, не может строиться сугубо на предположении. В связи с чем в рамках расследования уголовного дела следователю необходимо не просто отразить данный мотив в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, но и с учетом фактических обстоятельств уголовного дела собрать соответствующие доказательства, подтверждающие наличие данного мотива. В ходе предварительного расследования и сбора доказательств следователю нужно обращать внимание на наличие причинно-следственной связи между действием (бездействием), совершенным по мотивам иной личной заинтересованности и общественно опасными последствиями, наступившими в результате этого действия (бездействия). Задача следователя состоит в том, чтобы оценить фактические обстоятельства уголовного дела и выявить действительные мотивы лица, совершившего деяние.

В рамках расследования уголовных дел о злоупотреблениях полномочиями и злоупотреблениях должностными полномочиями в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд следует учитывать, в том числе следующие обстоятельства: период времени, в который осуществлялась закупка товаров (работ, услуг) на основании выделенных бюджетных средств; крайний срок, когда выделенные бюджетные средства должны быть освоены; могло ли повлиять на положение лица, совершившего деяние, несвоевременное освоение бюджетных средств, если да, то какая ответственность за это предусмотрена и чем регламентирована; осознавало ли лицо, нарушающее законодательство о контрактной системе в сфере закупок, что его действия (бездействия) носят противозаконный характер; имело ли возможность сделать сознательный выбор (добросовестно выполнять свои обязанности или осуществлять незаконные действия). При этом следователю необходимо критически оценивать любые мотивировки, выдвигаемые стороной защиты с целью скрыть действительные мотивы совершенного преступления.

Литература

1. Борков В.Н. Установление личной заинтересованности в посягательствах на публичные отношения // Уголовное право. 2010. № 3. С. 27-31.
2. Борков В.Н. Установление мотива злоупотребления должностными полномочиями // Законность. 2019. № 5. С. 29-34.
3. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. 166 с.
4. Синельников А.В. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления // Уголовное право. 2011. № 5. С. 23-29.

5. Яни П.С. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10-12.

6. Яни П.С. Укрытие преступлений сотрудниками милиции: умысел и мотив // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 40-43.

УДК 343.3/7
ББК 67.408

В.Г. Шакурина

**Анализ судебной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц за участие в деятельности экстремистского международного общественного движения «АУЕ» (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ):
уголовно-правовые и криминологические аспекты**

Аннотация. В статье производится анализ судебной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц за участие в деятельности международного общественного движения «АУЕ» (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ). Определены характеристики субъекта преступления, особенности, характеризующие его личность, а также выделены характеристики объективной и субъективной сторон. Обращается внимание органов предварительного следствия на необходимость усиления деятельности на отдельных направлениях борьбы с организованными формами экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, субъект преступления, личность преступника – участника экстремистской организации, МОД «АУЕ», преступность несовершеннолетних и молодежи

Экстремизм сегодня – один из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации¹. Его опасность заключается в направленности на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране².

Тенденция последних лет состоит в беспрецедентной вспышке экстремистских проявлений³, в том числе ежегодно увеличивается число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за участие в деятельности экстремистских организаций: во 2 полугодии 2020 году – 34 лица; в 2021 году – 84; в 2022 – 129 и в 2023 – 138 лиц. Всего за период со 2 полугодия 2020 – по окончание 2023 гг. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ

¹ Пункт 1 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // СПС «КонсультантПлюс».

² Меркурьев В.В., Боброва О.В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях // Обозреватель - Observer. 2023. №1 (396). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-suvereniteta-rossii-v-sovremennyh-geopoliticheskikh-realiiyah> (дата обращения: 15.11.2023)

³ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 27.11.2023)

привлечено 385 лиц, из которых не менее 48 осуждено за участие в деятельности международного общественного движения «АУЕ» (далее – МОД)¹.

Проведенный анализ приговоров, вынесенных в отношении указанных 48 лиц, позволил установить следующее. Указанная судебная практика охватывает 16 субъектов Российской Федерации: приговоры постановлены в Республиках Адыгея, Калмыкия, Коми, Тыва, в Забайкальском, Красноярском, Ставропольском краях, а также в Ивановской, Кемеровской, Московской, Омской, Пензенской, Самарской, Свердловской, Смоленской, Ульяновской областях.

Субъектов такого преступления, как участие в деятельности МОД, квалифицируемого по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, можно классифицировать на 2 группы: лица осужденные и на момент совершения преступления, отбывающие назначенное наказание в местах лишения свободы, и вторая группа – лица, не находящиеся в изоляции от общества и, в большинстве случаев, не судимые ранее. Указанные группы субъектов имеют как общие черты, так и различия, связанные с характеристиками самого субъекта, с содержанием субъективной и объективной сторон совершенного общественно опасного деяния.

Объединяет названные группы субъектов то, что преступления совершались исключительно лицами мужского пола, из которых 47 лиц – являлись гражданами России и только 1 – иностранным гражданином.

Осужденные являлись представителями почти всех возрастных групп: от 18-24 лет и теми, кто старше 50 лет. Однако, наибольшее количество преступлений совершено лицами в возрасте от 30 до 49 лет – 35 человек (74 %), в возрасте 25-29 – 6 человек (12 %), 18-24 – 5 человек (10 %), свыше 50 лет – 2 человека (4 %).

Все виновные – вменяемые лица и почти все из них – 44 человека (92 %) – не состоят на учетах у врачей нарколога и психиатра. Вместе с тем у 5 лиц из указанных 44 в ходе проведения судебных психиатрических экспертиз обнаружены признаки эмоционально неустойчивого расстройства личности, которое не снижало и не лишало виновных возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Проведенный анализ также показал, что 94 % осужденных имеют среднее (36 человек) или среднее специальное (9 человек) образование и только 6 % из них – высшее (3 человека из 48).

Не состоят в браке 73 % осужденных (35 человек), не имеют детей – 60 % из них (29 человек). При этом имеют на иждивении 1 ребенка – 21 % виновных (10 человек), 2 и более детей – 19 % (9 человек).

Почти все они не трудоустроены – 87 % (42 человека) и имеют негативное отношение к законному труду. Некоторые признавались, что на жизнь зарабатывают совершением противоправных действий.

Примечательно, что у 74 % осужденных (29 человек), совершивших преступление в местах лишения свободы, в качестве отягчающего наказание

¹ Решением Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 и дополнительным решением указанного суда от 02.10.2020 международное общественное движение «АУЕ» признано экстремистским и его деятельность на территории России запрещена.

обстоятельства установлен факт наличия в действиях опасного или особо опасного рецидива.

При этом среди лиц, совершивших указанное преступление и не находящихся в местах лишения свободы, 78 % (7 человек из 9) ранее не имели судимости.

Переходя к рассмотрению сведений, характеризующих личность осужденных, нужно отметить, что среди тех, кто совершил преступления, находясь в местах лишения свободы 77 % (30 человек из 39) имеют отрицательные характеристики.

Так, В. является злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, имеет более 100 дисциплинарных взысканий. В беседах с представителями администрации исправительного учреждения дерзок, груб, изворотлив, демонстрирует пренебрежительное отношение, обращаясь на «ты» и с повышенным тоном. Неоднократно вступал в конфликты с сотрудниками исправительного учреждения, пытался провоцировать их и других осужденных на незаконные действия¹.

Среди тех, кто совершил преступление, не находясь в изоляции от общества, 78 % (7 человек из 9) имеют положительные характеристики. К примеру, из приговора Засвияжского районного суда Ульяновска от 05.10.2022 следует, что Б. по месту обучения характеризуется с положительной стороны, пропуски занятий без уважительных причин не допускал, в общении корректен, доброжелателен, принимал активное участие в общественной жизни колледжа, по месту работы характеризуется как грамотный, ответственный специалист, добросовестно относящийся к обязанностям².

Проведенный анализ позволил также выявить факты недостаточного внимания к изучению характеристик личности виновных лиц. К примеру, в тексте приговора Яшкульского районного суда Республики Калмыкия от 30.03.2022, вынесенного в отношении С., не содержится сведений, характеризующих его личность, кроме тех, которые напрямую следуют из паспортных данных. Отсутствуют характеристики по месту жительства, из исправительных учреждений, где ранее виновный отбывал наказания в виде лишения свободы³.

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на следственную и судебную практику Республики Адыгея. Она характеризуется системным, глубоким подходом к исследованию данных, характеризующих личность преступника – участника экстремистской организации и во всех изученных случаях включает сбор и анализ совокупности соответствующих сведений из таких источников, как паспортные данные, свидетельские показания, справки с медицинских и иных учреждений, характеристики с мест жительства и отбывания наказания, сведения, полученные в результате экспертиз. Во всех

¹ Приговор Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 22.11.2022 № 1-206/2022 // ГАС «Правосудие».

² Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 05.10.2022 № 1-298/2022 // ГАС «Правосудие».

³ Приговор Яшкульский районного суда Республики Калмыкия от 30.03.2022 № 1-30/2022 // ГАС «Правосудие».

изученных случаях, кроме общих характеристик, удалось выявить также индивидуально-психологические особенности личности виновных.

Так, установлено, что Ф. обнаруживает такие качества, как незрелость позиции, тенденция к избеганию ответственности и формальных рамок, легковесность, субъективность, категоричность суждений и умозаключений, затруднение волевой регуляции поведенческих реакций, эмоциональная неустойчивость, раздражительность, импульсивность. Выявлено, что у Ф. с подросткового возраста отмечались поведенческие нарушения, имели место факты самоповреждений¹.

Подобный комплексный подход к вопросам изучения личности преступника – участника МОД в иных вышеупомянутых регионах России не наблюдается. В связи с этим видится необходимым изложенную практику и подход органов предварительного следствия и судов Республики Адыгея к изучению личности виновных перенимать и внедрять в деятельность органов предварительного следствия во всех регионах Российской Федерации. Глубокое изучение сведений, характеризующих личность преступника, дальнейшее их отражение в приговорах судов способствует большей индивидуализации избираемого виновному наказания, а также позволяет органам и учреждениям ФСИН РФ определить верную тактику работы с осужденным, способную обеспечить достижение целей и задач назначения наказания, в том числе его исправление.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. При этом 75 % осужденных (36 человек) вину в совершении преступления признали, 64 % (31 человек) – заявили о раскаянии в содеянном, 52 % (25 человек) – способствовали раскрытию и расследованию преступления, 8 % (4 человека) – заключили досудебное соглашение о сотрудничестве с органами предварительного следствия.

Те же, кто настаивал на своей невиновности, аргументировали позицию следующим образом: факт нахождения в местах лишения свободы и принятие установленных там правил жизни – уже означает приверженность МОД; утверждали, что участниками движения не являются, его идеологию не поддерживают и отрицали факты совершения ими инкриминируемых им деяний.

Примечательно, что среди лиц, совершивших преступление и не находящихся в местах лишения свободы, признали себя виновными только 56 % (5 человек из 9).

Наиболее частыми мотивами, побуждающими лиц к участию в деятельности МОД, а соответственно совершению преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, являются: желание продолжения деятельности МОД и расширения круга ее участников; продвижение идеи установления порядков и традиций МОД в качестве антипода действующей государственной власти и формирования мировоззрения преступного поведения, нацеленного на подрыв общепризнанных ценностей и государственных институтов; ненависть и вражда к представителям государственной власти, правоохранительных органов,

¹ Приговор Майкопского районного суда Республики Адыгея от 08.06.2022 № 1-105/2022 // ГАС «Правосудие».

сотрудникам исправительных учреждений, а также членам общества, не поддерживающим идеологию движения; создание и укрепление криминальной репутации самого участника; желание доказать приверженность идеологии и традициям МОД.

Объективная сторона указанного преступления как участие в деятельности МОД различается в зависимости от того, к какой из обозначенных ранее групп принадлежит субъект преступления. В случае его совершения лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, объективная сторона может характеризоваться совершением следующих действий:

- доведение до заключенных путем проведения бесед идеологии и основных традиций МОД, обоснование необходимости им следовать, контроль за их исполнением и применение к лицам, нарушившим криминальные установки, мер ответственности различного характера;

- призывы других осужденных к противостоянию сотрудникам ФСИН и их законным действиям, к массовым беспорядкам, неповиновению, отказу от приема пищи, организации бунтов, уничтожению и повреждению имущества исправительных учреждений и иным нарушениям правил внутреннего распорядка, непосредственная реализация этих действий;

- возбуждение вражды и ненависти по отношению к заключенным, сотрудничающим с администрациями исправительных учреждений;

- нанесение на тело татуировок с символикой МОД и дальнейшая их демонстрация;

- организация и проведение на территории исправительного учреждения азартных игр, разъяснение важности и необходимости этих мероприятий;

- участие в решении вопросов сбора, хранения, распределения денежных средств, иных материальных благ и наркотических средств из «общей кассы» («общака»), которая может существовать непосредственно в местах лишения свободы или за их пределами;

- участие в поддержании функционирования несанкционированных администрацией исправительных учреждений каналов связи между осужденными, а также связи лиц, содержащихся в исправительном учреждении с лицами, находящимися за его пределами, направленных на функционирование деятельности МОД и др.

Стоит отметить, что основная цель, которую преследуют осужденные, нарушая правила внутреннего распорядка исправительного учреждения и выказывая неповиновение законным требованиям представителей администрации указанных учреждений заключается в желании дезорганизовать деятельность этих учреждений и добиться послабления режима содержания.

Действия отдельных заключенных, направленные на достижение указанных целей, носят особо злостный характер. К примеру, А. за период отбывания наказания с 07.09.2017 по 01.11.2022 подвергнут 523 дисциплинарным

взысканиям за нарушение указанных правил¹. Т. имеет 336 взысканий, ни одно из которых не снято и не погашено².

Желая добиться послабления режима содержания, в том числе в отношении конкретных лиц, некоторые заключенные совершали даже акты членовредительства. Так, А., отвлекая на себя внимание сотрудников ФСИН и желая воспрепятствовать их законной деятельности по проведению личного обыска другого осужденного, нанес себе осколком плитки надрез в области левого предплечья.

Нужно отметить, что практика привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ за участие в деятельности МОД лиц, не находящихся в местах лишения свободы, минимальная, составляет 19 % от общего числа осужденных и имеет место только в 2 из рассмотренных и указанных выше регионах России: в Республике Адыгея (вынесено 3 приговора в отношении 4 лиц)³ и Ульяновской области (вынесено 2 приговора в отношении 5 лиц)⁴.

Так, согласно приговорам, постановленным в Республике Адыгея, объективная сторона указанного преступления выразилась в совершении следующих действий:

- размещение в социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» различных высказываний, изображений с символикой МОД, в том числе с целью демонстрации своей приверженности движению;

- соблюдение идеологии, традиций и правил МОД, их культивирование, поддержание общения с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы;

- отрицание общепринятых моральных принципов и главенствующей роли права, пропаганде насилия как способа достижения цели и вражды по отношению к представителям институтов власти;

- нанесение на тело татуировок с символикой МОД и их демонстрация, в том числе посредством размещения соответствующих фотографий в сети «Интернет».

Изложенная практика заслуживает особого внимания по следующим причинам.

МОД «АУЕ» уже длительное время рассматривается как преимущественно молодежное движение, получившее широкое распространение в России и

¹ Приговор Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 25.07.2023 № 1-115/2023 // ГАС «Правосудие».

² Приговор Димитровградского городского суда Ульяновской области от 23.12.2022 № 1-374/2022 // ГАС «Правосудие».

³ Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея от 22.03.2022; приговор Майкопского районного суда Республики Адыгея от 08.06.2022 № 1-105/2022; приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея от 02.06.2022 № 1-355/2022 // ГАС «Правосудие».

⁴ Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 22.07.2022 № 1-297/2022; приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 05.10.2022 № 1-298/2022 // ГАС «Правосудие».

представляющее серьезную угрозу¹. Идеология МОД нацелена на пропаганду и романтизацию среди молодежи культа насилия, агрессии по отношению к представителям власти, пренебрежения к трудовой деятельности; поощрение указанной группы населения к совершению преступлений, а также потреблению спиртного, иных запрещенных веществ и т.д.

При этом основным способом участия в деятельности указанного движения несовершеннолетних и молодежи, а также источником распространения идеологии МОД среди указанной возрастной группы являются различные страницы и сообщества, созданные и функционирующие в сети «Интернет». На данный факт неоднократно обращалось внимание в научной литературе².

Глушковой А.А., Шпилевым Д.А. с помощью анализа таких сообществ, имеющих место в социальной сети «ВКонтакте», даже выявлены основные методы работы модераторов групп и сайтов, посвященных тематике АУЕ.

Несмотря на изложенное, судебная практика по привлечению лиц к уголовной ответственности за участие в деятельности МОД лиц молодежного возраста, несовершеннолетних, а также за совершение указанного преступления посредством сети «Интернет» представителями любой возрастной группы практически отсутствует. Изложенное может способствовать возникновению и укреплению у лиц, совершающих такие преступления, чувства безнаказанности и является одним из условий, способствующих распространению идеологии указанного движения.

Таким образом, требуется активизация усилий органов дознания и предварительного следствия по выявлению, пресечению, раскрытию указанных преступлений во всех регионах Российской Федерации. Представляется, что активизация на указанном направлении может явиться одним из решающих шагов по предотвращению распространения и существования указанного движения, в том числе среди несовершеннолетних и молодежи.

¹ Семочкина А.А. АУЕ - как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ae-kak-faktor-kriminalizatsii-nesovershennoletnih-i-ih-aktivnogo-protivopostavlenniya-gosudarstvu-i-obschestvu> (дата обращения: 23.04.2024); Чирун С.Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг. 2019. №1 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-ae-kak-integralnyy-fenomen-rossiyskogo-postmoderna> (дата обращения: 23.04.2024); Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ae-kriminalnoe-molodezhnoe-dvizhenie-suschnost-i-sposoby-rasprostraneniya> (дата обращения: 23.04.2024) и др.

² См., например: Рухадзе А.Г., Веселов Д.О. Проблема распространения АУЕ среди несовершеннолетних. Причины и пути решения // Отечественная юриспруденция. 2020. №5 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rasprostraneniya-ae-sredi-nesovershennoletnih-prichiny-i-puti-resheniya> (дата обращения: 23.04.2024).

Литература

1. Меркурьев В.В., Боброва О.В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях // Обозреватель – Observer. 2023. № 1 (396). С. 137-152.
2. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107-111.
3. Рухадзе А.Г., Веселов Д.О. Проблема распространения АУЕ среди несовершеннолетних. Причины и пути решения // Отечественная юриспруденция. 2020. № 5 (44). С. 25-27.
4. Семочкина А.А. АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 154-158.
5. Чирун С.Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг. 2019. № 1 (149). С. 49-64.

УДК 343.5
ББК 67.408

Р.Д. Шарапов

Вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Аннотация. В статье дается оценка некоторым разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Особое внимание уделяется квалификации совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей распространения, публичной демонстрации и рекламирования порнографических материалов.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, киберпреступление, преступление в сети интернет, компьютерное преступление, распространение порнографии, демонстрация порнографии

Статьями 242 и 242¹ УК РФ предусматривается уголовная ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, а также за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. К числу квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных данными статьями, относится совершение преступления с использованием информационно-

телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ).

В п. 22 постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (далее – постановление) обращено внимание на особенности квалификации отдельных действий (распространение, публичная демонстрация, рекламирование порнографических материалов или предметов), входящих в объективную сторону соответствующих преступлений, когда они совершены с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Из содержания разъяснений в целом следует несколько предварительных выводов.

Во-первых, наблюдается текстуальное их противоречие законодательной конструкции упомянутого квалифицирующего признака, который как в прежней редакции, так и в редакции ныне действующей (введена в действие Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ, вступившим в силу 17.03.2022) не содержит положения об использовании электронных сетей. Такая формальная нестыковка не может служить препятствием для квалификации преступления с учетом квалифицирующего признака в случае использования виновным электронных сетей (например, телефонной связи), поскольку как разъяснено в п. 17 постановления для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются.

Во-вторых, не исключается вменение соответствующего квалифицирующего признака лицу, признанному виновным в совершении с использованием информационно-телекоммуникационной сети других альтернативных действий, предусмотренных диспозициями статей 242 и 242¹ УК РФ (незаконные изготовление, перемещение через Государственную границу Российской Федерации порнографических материалов или предметов, вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, незаконные приобретение, хранение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), особенности квалификации которых не стали предметом внимания Пленума.

В-третьих, толкование понятий распространения, публичной демонстрации и рекламирования порнографических материалов или предметов является применимым также к случаям, когда указанные действия совершены обычным способом, без использования информационно-телекоммуникационных сетей.

При оценке распространения порнографических материалов и предметов, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», суды ссылаются на положение п. 9 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с которым распространение информации – действия, направленные на

получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Это соответствует той оценке общественной опасности распространения порнографических материалов и предметов, согласно которой под распространением понимается передача указанных материалов или предметов для использования группе или неограниченному кругу лиц¹.

Вместе с тем согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ нормы имеющего самостоятельный предмет регулирования Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» относятся именно к информации и не определяют содержание и объем уголовно-правовых запретов в сфере оборота порнографических материалов².

Эта правовая позиция вкупе с мнением о возможности квалификации по статьям 242, 242.1 УК РФ передачи порнографии хотя бы одному лицу³ повлияла на более широкое толкование понятия распространения порнографических материалов и предметов, принятое Пленумом. В частности, под распространением порнографических материалов в данных статьях понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования. Оно может совершаться, в том числе путем направления в личном сообщении конкретному лицу (по электронной почте либо с использованием социальных сетей, мессенджеров или иных приложений) ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания.

Поскольку теперь согласно официальному толкованию уголовно наказуемым распространением порнографии считается передача последней не только неограниченному кругу лиц, но и хотя бы одному лицу, постольку содержание данного противоправного деяния соответствует принятому в уголовном праве понятию сбыта предметов, запрещенных к обороту.

Такая интерпретация разъяснения Пленума подтверждается не только его грамматической конструкцией, в которой направление ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания в личном сообщении конкретному лицу и рассылка такой информации определенному или неопределенному кругу лиц текстуально разграничены в качестве возможных

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. С. 189; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. К.В. Ображиев, Н.И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 295; Шарапов Р.Д. Преступления против общественной нравственности: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 49-50 // URL: http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2022_01_07.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

² Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2018 № 2047-О, от 19.07.2016 № 1746-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 2) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., Проспект, 2015 // СПС «Консультант Плюс»; комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Чучаева А.И. М.: Контракт, 2012. С. 415.

способов распространения порнографии, но и последующей практикой Верховного Суда РФ, который в одном из решений указал, что «под распространением порнографических материалов понимается, в том числе (выделено нами – Р.Ш.) незаконное предоставление возможности их использования неопределенному кругу лиц»¹.

Это позволяет подчеркнуть важность рекомендации тщательного исследования вопроса о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в случае, когда умысел субъекта направлен на предоставление порноматериалов конкретному лицу (например, супругу или иному сексуальному партнеру). Возможно предположить, что со временем по мере накопления оправдательных решений вышестоящих судов такая рекомендация появится в тексте разъясняемого постановления.

Данной рекомендации также целесообразно следовать при оценке действий лица, разместившего заведомо порнографический материал в общем доступе на крайне непродолжительное время, после чего удалившего материал, в том числе после личного просмотра. Вопреки мнению об отсутствии прямого умысла², формально такие действия содержат признаки преступления, т.к. «даже за непродолжительный, со слов подсудимого, промежуток времени хранения им указанных видеофайлов порнографического содержания в общедоступной папке его компьютера они могли быть скопированы большим числом пользователей пиринговой сети, что однозначно расценивается как распространение порнографических материалов»³.

Публичная демонстрация представляет собой предоставление возможности просмотра порнографических материалов группе или неограниченному кругу лиц. Вопрос о наличии признака публичности демонстрации порнографии должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. Публичный характер демонстрации может проявляться в использовании для этого информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и других), в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах), а также в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, сообщений по электронной почте.

Важным представляется разъяснение о том, что действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах), подлежат квалификации как публичная демонстрация порнографических материалов. Такой подход отражает

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 14-УДП22-1-К1 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2 (пункт 40).

² Кириллова Н.М. Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 6. С. 84.

³ Апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 05.06.2014 № 22-1395/2014 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5N09vaSr9CYq/> (дата обращения: 22.04.2024).

высказанное в юридической литературе мнение о том, что к числу порнографических материалов нужно относить зрелищные мероприятия порнографического характера, в том числе выполнение лицом роли «веб-модели»¹. Поэтому у судов не должно возникать сомнений в квалификации соответствующих действий, как это имело место в одном из уголовных дел.

В частности, судом первой инстанции осужденный по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ признан виновным в том, что работал за денежное вознаграждение в качестве «веб-модели» и осуществлял общение с клиентами в онлайн-режиме в «приватном чате» с обнажением тела, демонстрацией своих половых органов, сценами мастурбации. Суд апелляционной инстанции, отменяя приговор на том основании, что судом не дана надлежащая оценка обстоятельствам дела, свидетельствующим об отсутствии осведомленности осужденного о фактах записи на материальный носитель проходивших в режиме реального времени «онлайн»-трансляций и последующего распространения видеозаписей, вместе с тем указал, что «уголовная ответственность, предусмотренная ст. 242 УК РФ, наступает лишь за действия связанные с изготовлением с целью распространения или распространением порнографических материалов, сама по себе демонстрация одним человеком сексуальной стороны своей жизни в режиме реального времени «онлайн» посредством сети Интернет неопределенному количеству лиц (например, организация порнографического шоу), может рассматриваться как совершение уголовно наказуемого деяния в рамках ст. 242 УК РФ только на основании заключения экспертов, располагающими специальными познаниями в области ряда социальных наук»².

В качестве критерия, позволяющего разграничить распространение порнографии и публичную ее демонстрацию, Пленум называет наличие или отсутствие у адресатов противоправных действий виновного возможности самостоятельного использования порнографических материалов. Предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т.п.) следует квалифицировать как распространение. Открытый показ либо иное предоставление неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования,

¹ Кобзева Е.В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие. М., 2014. С.128; Заирная М.М. Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. 2015. № 6. С. 16-22; Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43-48; Куфлева В.Н., Литовченко А.И Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 127–131.

² Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 04.12.2014 № 22-3288/14 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 28.09.1988 по делу Кузьмина и Ойринга // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1989. № 5.

должны квалифицироваться как публичная демонстрация.

При толковании понятия рекламирование порнографических материалов или предметов Пленум использовал законодательное определение рекламы как информации, распространенной любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»). Форма рекламирования (рассылка сообщений в социальных сетях, мессенджерах или по электронной почте, размещение на личной странице социальных сетей и т.п.) не влияет на квалификацию противоправных действий как совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Главным условием, характеризующим субъективную сторону рекламирования, является то, что противоправные действия должны быть направлены на достижение перечисленных целей, т.е. привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. В отличие от распространения порнографии, которое может выразиться в ее предоставлении конкретному лицу, рекламирование предполагает адресацию запрещенной информации неопределенному кругу лиц.

Преступления, связанные с распространением материалов порнографического характера, совершенные с использованием сети «Интернет», часто предполагают типичную схему действий преступников: создание специального интернет-сайта, на котором размещаются материалы порнографического характера. Чаще всего такие материалы получают копированием с других интернет-сайтов¹. Положение о том, что факт нахождения порнографических материалов в свободном доступе на момент совершения противоправных деяний не имеет значения для квалификации действий лица, связанных с распространением, публичной демонстрацией или рекламированием порнографических материалов с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», отражает сформированную позицию большинства судов, которые не считают обоснованным довод сторон по уголовному делу (чаще всего стороны защиты) о том, что нахождение распространяемых, демонстрируемых или рекламируемых порноматериалов в свободном доступе в сети «Интернет» к моменту совершения лицом указанных действий исключает состав преступления.

По приговору районного суда Т. осужден за приобретение, хранение в целях распространения и распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста. Суд апелляционной инстанции приговор отменил, уголовное дело в отношении Т. прекратил за отсутствием в его

¹ Курьянова М.Н. Некоторые проблемы выявления и расследования преступлений, связанных с распространением материалов порнографического характера, совершенных с использованием сети «Интернет» (на примере Центрального федерального округа России) // Общество и право. 2009 № 4 (26). С. 232-234.

действиях состава преступления, в том числе по тому основанию, что файлы, которые Т. сохранил на своем компьютере, уже были распространены в сети «Интернет» и находились в свободном доступе. Суд кассационной инстанции не согласился с этим доводом и со ссылкой на п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» признал выводы суда апелляционной инстанции в этой части противоречащими закону. Дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда¹.

Литература

1. Зазирная М.М. Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. 2015. № 6. С. 16-22.
2. Кириллова Н.М. Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 6. С. 75-85.
3. Кобзева Е.В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие. М., 2014. 168 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 2) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Чучаева А.И. М.: Контракт, 2012. 624 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. К.В. Ображиев, Н.И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 984 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. 298 с.
8. Курьянова М.Н. Некоторые проблемы выявления и расследования преступлений, связанных с распространением материалов порнографического характера, совершенных с использованием сети «Интернет» (на примере Центрального федерального округа России) // Общество и право. 2009 № 4 (26). С. 232-234.
9. Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 127–131.

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77-11/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43-48.

11. Шарапов Р.Д. Преступления против общественной нравственности: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 124 с.

УДК 343.13
ББК 67.410

А.С. Шаталов

Об особенностях формата экстрадиционного взаимодействия в современных условиях

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные аспекты выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора с целью выяснения ее места, роли и вектора дальнейшего развития в системе российского права. Рассмотрев вопросы, непосредственно связанные с повышением эффективности юридического механизма выдачи и обозначив его проблемы, автор приходит к выводу о необходимости охвата этого направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства сферой судебного контроля путем привнесения в него состязательного и диспозитивного начала.

Ключевые слова: выдача, запрос о выдаче, исполнение приговора, международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, экстрадиция

Деятельность Следственного комитета Российской Федерации и входящего в структуру его центрального аппарата управления правового обеспечения и международного сотрудничества, являющегося компетентным подразделением, ответственным за осуществление международных связей, осуществляется в условиях сложной геополитической ситуации, возникшей в связи с началом специальной военной операции на Украине. Эта ситуация сохраняется более двух лет и становится все серьезнее за счет появления разного рода «проблем» и «опасностей» для России, генерируемых коллективным Западом, включая:

распространение негативной информации о нашей стране и ее вооруженных силах;

нарастающее санкционное давление и русофобию;

экспроприацию имущества и зарубежных активов Российской Федерации;

отказ ряда иностранных государств и международных организаций от ранее достигнутых договоренностей о сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства и предъявление разного рода требований и условий для его продолжения.

Разумеется, этот перечень неполный. В него, например, можно добавить попытки недружественных стран исключить нашу страну из международных

организаций, осуществляющих деятельность в сфере борьбы с преступностью. Они, в частности, пытались исключить Россию из Интерпола, что могло привести к прекращению международного сотрудничества с многими, прежде всего европейскими государствами, в области розыска и выдачи преступников. Однако Генеральный секретарь Интерпола 10.03.2022 выступил с заявлением о том, что Россия не будет исключена из этой Организации, но будет изменен порядок рассмотрения ее запросов¹. С этого времени все запросы, исходящие от НЦБ Интерпола МВД России, должны проходить обязательную проверку в Генеральном секретариате Интерпола. Для нас очевидно, что это решение нарушает запрет на политическое и военное вмешательство, установленный Уставом данной организации, поскольку новые правила и требования применяются только в отношении Российской Федерации, а их появление было вызвано вхождением в ее состав Крыма и проведением специальной военной операции на Украине. Такая обстановка негативно сказывается на конкретных результатах международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Наиболее чувствительным в этом плане оказалось одно из ключевых его направлений – выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, именуемая также экстрадицией². Считаем, что такое положение дел вызвано не только сложной геополитической ситуацией, но и объективными различиями принципов и правовых процедур выдачи, а также национальными традициями распределения полномочий в этой сфере³.

Основная проблема заключается в том, что в большинстве иностранных государств выдача осуществляется в рамках полноценного судебного производства, в то время как в Российской Федерации компетентным органом в вопросах экстрадиции является прокуратура⁴. Формально суды в ней могут участвовать, но в минимальном объеме. Положение дел усугубляется тем, что правовой статус субъекта выдачи как участника уголовного судопроизводства все последние годы остается неопределенным, что влечет за собой бесконтрольное применение закона по аналогии. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве фактически провозглашена «презумпция выдачи», предполагающая безусловное ее осуществление при отсутствии законных оснований для отказа, перекликающихся с фундаментальными правилами выдачи. Одним из них является правило «запрета предварительного расследования», призванного исключить вмешательство в деятельность

¹ Украина: Заявление Генерального секретариата Интерпола. 10.03.2022 // URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (дата обращения: 17.04.2024)

² Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Почему России стали больше отказывать в экстрадиции преступников // Вестник ВИПК МВД России. 2022. № 3 (63). С. 41-45.

³ Manova N. S., Churikova A. Y. Prosecutor's activity model as the most important guideline for reforming the system of criminal proceedings // SHS Web of Conferences. EDP Sciences, 2021. Т. 108. С. 04002.

⁴ Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утв. Генпрокуратурой России от 26.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

компетентных органов иностранного государства. Соответственно этому, сомнения в законности и обоснованности уголовного преследования лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче или наличия необходимых условий для исполнения в отношении него приговора суда иностранного государства обесцениваются по определению, т. к. могут не приниматься во внимание при принятии процессуальных решений. Действия должностных лиц российских правоохранительных органов по проведению предэкстрадиционный проверки при таком развитии событий становятся бессмысленными, как и обжалование заинтересованными лицами решений, принятых по запросу об экстрадиции в судебном порядке. К этому нужно добавить нерешенные вопросы выдачи в условиях вооруженных конфликтов, такие как захват, задержание, арест, обмен пленными и т. д. Они не только не приносят ясности в понимание экстрадиционных правоотношений, а напротив, приводят к фактическому отождествлению внешне схожих, но разнородных, по сути, и юридическому содержанию процедур. Обозначенные нами проблемы наводят на мысль о назревшей необходимости придания процессуальной процедуре экстрадиции состязательного и диспозитивного начала, способного ускорить нормативную регламентацию процессуального статуса участников экстрадиционных правоотношений, а главное, распространить на них в полном объеме сферу судебного контроля.

Специфическая структурная атрибутика выдачи позволяет утверждать, что она представляет собой не что иное, как относительно самостоятельный правовой институт смешанного типа, где доминирует уголовно-процессуальное содержание¹. Для него характерны собственные временные и пространственные границы, определенный круг участников и специальная юридическая процедура, регламентированная в отраслевом законодательстве. Находясь в неразрывной взаимосвязи с другими институтами уголовно-процессуального права, она предусматривает повод и основания выдачи, особенности оценки обосновывающих ее доказательств, решения вопроса о мере пресечения, обжалования принятых решений и др. В архитектуру данного института законодательным путем имплементированы элементы конституционного, уголовного и международного права, непосредственно связанные с задачами, для решения которых он, собственно, и предназначен. Соответственно этому, сама выдача, как отдельно взятое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, представляет собой комплекс предусмотренных национальным законодательством процессуальных действий и решений компетентных органов запрашиваемого государства, в связи с рассмотрением ими официальной просьбы запрашивающего государства об отправке на его территорию конкретного предмета, могущего фигурировать в уголовном деле в качестве доказательства, или принудительном возвращении лица, подозреваемого, обвиняемого, либо осужденного за совершение

¹ Гарипов Т.И. Законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3 (45). С. 375-382.

преступления, для осуществления в отношении него уголовного преследования или исполнения приговора¹. В Российской Федерации выдача такого рода признана предметом уголовно-процессуального регулирования. Соответственно этому изменение, дополнение и преумножение сопряженных с ней процессуальных процедур осуществляется через корректировку нормативного содержания УПК РФ. Здесь необходимо отметить, что правовой институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора был имплементирован в российское уголовно-процессуальное законодательство более двадцати лет тому назад. Оставаясь сравнительно новым и пока весьма далеким от совершенства, он сохраняет потребность в осуществлении комплексного научного анализа его сущности, отраслевой принадлежности, современного состояния, состоявшихся достижений и имеющихся недостатков. Не менее важна разработка стратегии его собственного развития и продолжение работы над улучшением условий для применения данного института на практике.

Возвращаясь к упоминанию негативной реакции европейских и некоторых других государств на присоединение Крыма и специальную военную операцию, следует прямо сказать, что помимо всего прочего она свидетельствует о том, что состояние международных отношений Российской Федерации с зарубежными странами весьма и весьма изменчиво. Тем не менее выдача, как ключевое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, при любых мутациях вектора межгосударственного партнерства была и остается призванной обеспечивать не только публичные интересы запрашивающего государства в вопросах уголовного преследования и исполнения приговора в отношении того или иного лица, находящихся за пределами его национальной юрисдикции, но и неукоснительно соблюдать гарантии защиты его прав и законных интересов². Полагаем, что этот баланс должен соблюдаться безусловно и независимо от политической позиции, занимаемой тем или иным государством, а признаваемые им приоритеты не должны смещаться в сторону отрицания верховенства права. Особенно актуальным соблюдение такого баланса стало в наши дни, поскольку возможности практической реализации института выдачи посредством применения норм российского уголовно-процессуального права на фоне внешнеполитических событий двух последних лет существенно изменились. Помимо этого заметное влияние на практику экстрадиции оказали не столько преобразования в российской судебной системе, сколько установление приоритета Конституции РФ, которая в 2020 году обрела положения, позволяющие не исполнять решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании,

¹ Шайбакова К.Д. Экстрадиция и нестандартные ее виды // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 40 -41.

² Насонов А.А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 28 с.

противоречащем Основному закону нашей страны¹. К этому можно добавить остановку весной 2023 года действия Европейской конвенции по правам человека и других международных договоров Совета Европы², последовавшую за выходом нашей страны из состава ее Парламентской ассамблеи. Логично предположить, что данные события рано или поздно приведут к возникновению нового формата экстрадиционного взаимодействия, которое будет выстраиваться на принципиально иных началах. Понимая неизбежность такой перспективы, процессуалисты в своих исследованиях заключают, что происходящие события детерминируют изменения как качественного (в части устранения проблем правового регулирования), так и количественного (в части повышения эффективности) содержания выдачи. Принимая во внимание данное обстоятельство, нельзя не согласиться с их утверждениями о том, что совершенствование механизма ее практической реализации в пределах нашей национальной юрисдикции наиболее перспективно именно в плане оптимизации его уголовно-процессуальной компоненты, требующей совершенствования юридической техники и приведения в соответствие с современными реалиями, в том числе с учетом изменений смежного отраслевого законодательства³.

Литература

1. Manova N.S., Churikova A.Y. Prosecutor's activity model as the most important guideline for reforming the system of criminal proceedings // SHS Web of Conferences. EDP Sciences, 2021. Т. 108. С. 04002.

2. Гарипов Т.И. Законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3 (45). С. 375-382.

3. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Почему России стали больше отказывать в экстрадиции преступников // Вестник ВИПК МВД России. 2022. № 3 (63). С. 41-45.

4. Насонов А.А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 28 с.

5. Чобитько М.Б. Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2023. 33 с.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом изменений и дополнений, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

² Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz43-site-dok.html> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Чобитько М.Б. Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Челябинск 2023. 33 с.

6. Шайбакова К.Д. Экстрадиция и нестандартные ее виды // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 40-41.

УДК 343.412

ББК 67.408

С.А. Яшков

К вопросу об исчислении срока, с которого может наступить уголовная ответственность за невыплату заработной платы

Аннотация. Статья посвящена квалификации преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. В работе автором исследуется один из дискуссионных вопросов уголовно-правовой оценки данного преступления – срок, с которого может наступить уголовная ответственность за невыплату заработной платы. Речь идет о том, следует ли работнику предприятия отработать не менее двух месяцев, чтобы работодателя можно было привлечь, например, за полную неуплату заработной платы.

Ключевые слова: преступление, квалификация, уголовная ответственность, заработная плата, иные выплаты, невыплата

Трудовое право регулирует отношения между работниками и работодателями, устанавливая права и обязанности каждой стороны, а также комплекс гарантий, направленных на реализацию права работника на получение своевременной и в полном объеме заработной платы¹.

В случае невыплаты работодателем работникам заработной платы нормальное функционирование сферы трудовых и социальных отношений будет напрямую связано с эффективностью расследования уголовных дел по факту невыплаты заработной платы и иных выплат².

Вопросы расследования преступлений о невыплате заработной платы в последние годы становятся все более актуальными³, в особенности, если у правоприменительных органов имеются определенные проблемы с квалификацией анализируемых преступлений.

¹ Колесова В.Д., Комнов А.Д. Невыплата заработной платы: сложные аспекты борьбы с этим правонарушением // В сборнике: Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник научных статей участников 22-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Курск, 2023. С. 300.

² Ян П.С. Современные проблемы квалификации невыплаты заработной платы // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (18- 19 апреля 2023 года); Алтайский филиал РАНХиГС. Барнаул: Издательство ООО «Пять плюс», 2023.С. 137.

³ Савельев А.В. О некоторых вопросах расследования преступлений о невыплате заработной платы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 566.

Так, у следственных органов, а расследование преступлений указанной категории ввиду их важности отнесено в ведение Следственного комитета РФ¹, одним из дискуссионных вопросов является установление срока, с которого может наступить уголовная ответственность за невыплату заработной платы.

В данном случае имеются две противоположные точки зрения.

Согласно одной из них состав преступления, предусмотренного, например, ч. 2 ст. 145.1 УК РФ², образуется в результате отработанного работником времени в течение свыше двух месяцев и по день, следующий за установленной датой выплаты.

Например, дата выплаты заработной платы определена 5-го числа каждого месяца. За январь 2023 г. работнику 05.02.2023 полностью не выплачена заработная плата, за февраль 2023 г. работнику 05.03.2023 полностью не выплачена заработная плата. Таким образом, уголовная ответственность руководителя наступает 06.03.2023.

Согласно другой позиции состав данного преступления образуется в результате отработанного работником любого времени и по истечении двухмесячного срока с момента невыплаты заработной платы.

Учитывая, что данное разногласие в применении нормы уголовного законодательства может существенно затруднить принятие законных и обоснованных процессуальных решений как по уголовным делам, так и по материалам проверки, представляется, что есть необходимость исследовать данную проблему.

Объективная сторона анализируемого состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, заключается в полной невыплате свыше двух месяцев заработной платы и иных выплат³.

Порядок применения указанной нормы уголовного закона дан в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»⁴.

К сожалению, высшая судебная инстанция страны не дала разъяснений относительно указанного в ст. 145.1 УК РФ двухмесячного срока – «привязан» он ко времени работы сотрудника на предприятии, которому работодатель не платит заработную плату, или нет.

¹ Курнышева Е.А, Изосимов В.С. Отдельные элементы уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с невыплатой заработной платы // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. 2015. № 2 (8). С. 53.

² Следует отметить, что все положения, изложенные в данной статье, применимы также к ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, а часть 2 взята в целях удобства изложения материала.

³ Без учета такой объективной стороны, как «выплата (свыше двух месяцев) заработной платы в размере ниже установленного МРОТ».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2019. 09 янв.

Вместе с тем представляется, что данный срок не имеет указанной «привязки», поскольку трудовое законодательство не исключает возможность заключения с работником срочного трудового договора (ст. 59 ТК РФ).

В связи с этим следует признать, что при заключении такого договора работник предприятия может не отработать двух и более месяцев, а может выполнять свои функции, например, всего несколько недель или месяц.

Кроме того, он может через некоторое время по собственной инициативе уволиться по тем или иным причинам с организации.

Отсюда следует, что если с работником заключен любой трудовой договор (срочный, бессрочный), и он отработал какой-то период времени, например, несколько дней, неделю, месяц, полностью выполнив принятые на себя обязательства, ему должна быть выплачена заработная плата.

Таким образом, для наступления ответственности работодателя в данном случае следует говорить не о времени работы сотрудника, а о времени невыплаты заработной платы, допущенной работодателем, и дифференциации ответственности за содеянное.

В данном случае речь идет о том, что законодатель за невыплату или неполную выплату заработной платы сначала устанавливает административную ответственность согласно ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ, а потом уже уголовную, о чем свидетельствует такое положение данной статьи, как «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Думается, что правовой смысл ответственности за, например, полную невыплату заработной платы, исходя из указанной статьи КоАП РФ, а также ст. 145.1 УК РФ, заключается в том, что административно наказуемой она будет в период до двух месяцев.

Как только срок невыплаты «перешагнет» отметку в два месяца, должна наступать уголовная ответственность.

Представляется, что в следственно-судебной практике применения ст. 145.1 УК РФ имеют место примеры, соответствующие изложенной позиции.

Так, приговором суда¹ Ф. был осужден по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

Факты полной невыплаты заработной платы и иных выплат в нем по каждому потерпевшему описывались следующим образом:

1) Потерпевший № 2, работник уволен 10.11.2017:

- за март 2017 г. подлежало выплатить заработную плату и иные установленные законом выплаты в сумме 22 037,36 р. В срок до 10.04.2017 данная заработная плата и иные установленные законом выплаты не выплачены. Данная заработная плата и иные установленные законом выплаты за март 2017 г. в сумме 22 037,36 р. не выплачены в срок до 10.06.2017, что превышает 2 месяца. Выплата за март 2017 г. в сумме 22 037,36 р. осуществлена в период с 15.06.2017 по 23.08.2017.

То же самое описано по факту невыплаты заработной платы Потерпевшему № 2 за июнь, август, октябрь и ноябрь 2017 г.

¹ Приговор Ясногорского районного суда Тульской области от 15.03.2021 № 1-2/2021 (1-101/2020) // URL: <http://yazsnogorsky.tula.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

Факты частичной невыплаты описывались следующим образом:

1) Потерпевший № 1, работник уволен 15.01.2019:

- за январь 2018 г. подлежало выплатить заработную плату и иные установленные законом выплаты в сумме 38 190,08 р. В срок до 10.02.2018 данная заработная плата и иные установленные законом выплаты не выплачены. По состоянию на 10.05.2018 остаток по заработной плате и иным установленным законом выплатам за январь 2018 г. составлял 23 190,08 р., что составляет 60,72 % от подлежащей выплате заработной платы и иным установленным законом выплатам за январь 2018 г. Период частичной невыплаты заработной платы и иным установленным законом выплатам (осуществление платежа в размере менее половины подлежащей выплате суммы) превышает 3 месяца. Выплата за январь 2018 г. в сумме 23 190,08 р. осуществлена в период с 14.05.2018 по 15.05.2018.

То же самое по данному потерпевшему описано за февраль 2018 г.

К сожалению, больше таких подробных приговоров при анализе заявленной в настоящей работе проблематики найти не удалось, однако имеются иные, которые также не свидетельствуют о том, что для привлечения руководителя организации к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ является необходимым, чтобы работник отработал в ней два, три и более месяца.

Указанные приговоры показывают, что потерпевшему достаточно отработать хотя бы месяц и не получить заработанную за свой труд плату, чтобы действия руководителя предприятия оценить по ст. 145.1 УК РФ.

Например, в одном из приговоров¹ указано, что Потерпевший № 4 был принят на работу в ООО «Арт Строй» на должность сборщика оконных конструкций с установленным окладом в сумме 6 960 р., которому руководство данного ООО как частично, так и полностью не выплачивало заработную плату, осуществляя платежи следующим образом:

- ДД.ММ.ГГГГ в размере 10 960 р. за декабрь 2014 г. и частично за январь 2015 г. в размере 4 000 руб., что ниже 5 965 р., что на тот момент согласно ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в редакции от ДД.ММ.ГГГГ) являлось минимальным размером оплаты труда, не выплатив таким образом заработную плату за январь 2015 г. в размере 2 960 руб.;

- ДД.ММ.ГГГГ в размере 6 053 р. за май 2015 г., не выплатив таким образом частично заработную плату за май 2015 г. в размере 907 р.

После этого руководство ООО «Арт Строй» продолжило не выплачивать Потерпевшему № 4 заработную плату в полном объеме до момента увольнения, а именно... (далее расписывается полная невыплата заработной платы в период с ноября 2015 г. по июнь 2016 г.).

В другом приговоре² указано, что заключением эксперта №_ от ДД.ММ.ГГГГ установлено, что задолженность ООО «...» по заработной

¹ Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 04.02.2021 № 1-2/2021 // URL: <http://zent.vol.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

² Приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 08.06.2020 № 1-1/2019 // URL: <http://sovetsky.orb.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

плате (иным выплатам) перед одним из работников (Потерпевший №_37) составила 7 523,32 р. за октябрь 2017 г. (100%).

Еще в одном приговоре¹ также имеющая место невыплата заработной платы свыше двух месяцев была описана в отношении каждого потерпевшего, исходя из их работы сроком в месяц.

По поводу частичной невыплаты в приговоре указано: «Кроме того, Ш. в период с <дата> по <дата> незаконно не выплатил заработную плату за март 2019 г. частично свыше трех месяцев подряд следующим работникам ФГУП «Русский соболь»: Потерпевший № 6 в сумме 27 687,44 р. и Ф. в сумме 91 717,30 р., а всего на общую сумму 119 404,74 руб., поскольку размер осуществленной в указанный период времени выплаты заработной платы составлял менее половины подлежащей выплате суммы».

Имеются и иные приговоры², в которых содержатся аналогичные данные по факту полной или частичной невыплаты заработной платы и иных выплат.

Следует отметить, что приведенные в настоящем исследовании примеры судебной практики отнюдь не свидетельствуют о том, что работники тех или иных предприятий отработали на них всего месяц, уволились, а за невыплату им положенной заработной платы их работодатель был привлечен к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ.

В приведенных примерах они показывают обратную ситуацию – работники продолжали работать и им работодатель продолжал не выплачивать заработную плату.

Вместе с тем они показывают, что срок – свыше двух месяцев (для полной невыплаты) и свыше трех месяцев (для частичной невыплаты) – «привязан» к периоду именно невыплаты заработной платы, а не фактическому времени работы сотрудника на предприятии.

Изложенная в настоящей работе позиция не претендует на то, что она является правильной, особенно учитывая, что опубликованная судебная практика в большинстве своем не указывает ни периодов работы сотрудников на предприятии, ни сроков неоплаты им полностью или частично заработной платы и иных выплат, ограничиваясь такими обезличенными фразами, как «за период с <дата> по <дата> незаконно не выплатил заработную плату в размере «...».

Вместе с тем системное толкование трудового, уголовного и административного законодательства свидетельствует, что нет никаких оснований предполагать, что уголовная ответственность за невыплату заработной платы и иных выплат может наступать только при условии работы потерпевшего на предприятии, например, свыше двух месяцев.

¹ Приговор Пушкинского городского суда Московской области от 28.05.2021 № 1-70/2021 (1-760/2020) // URL: <http://pushkino.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

² См.: приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 09.03.2022 № 1-33/2022 (1-821/2021) // URL: <http://oktiabrsky.bur.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024); приговор Кировского районного суда г. Перми от 02.08.2021 № 1-1/2021) // URL: <http://kirov.perm.sudrf.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

Литература

1. Колесова В.Д., Комнов А.Д. Невыплата заработной платы: сложные аспекты борьбы с этим правонарушением // В сборнике: Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник научных статей участников 22-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Курск, 2023. С. 300.
2. Курнышева Е.А, Изосимов В.С. Отдельные элементы уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с невыплатой заработной платы // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. 2015. № 2 (8). С. 53.
3. Савельев А.В. О некоторых вопросах расследования преступлений о невыплате заработной платы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 566.
4. Ян П.С. Современные проблемы квалификации невыплаты заработной платы // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (18- 19 апреля 2023 года); Алтайский филиал РАНХиГС. Барнаул: Издательство ООО «Пять плюс», 2023. С. 137-138.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бардачевский Руслан Игоревич – следователь по особо важным делам отделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий третьего следственного управления (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Бедерин Игорь Юрьевич – руководитель отделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Быкова Елена Георгиевна – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Галдин Максим Владимирович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Гейнце Ольга Викторовна – судья Третьего кассационного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук.

Зацепина Олеся Геннадиевна – судья Военного суда Луганской Народной Республики, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического института Луганского государственного университета имени Владимира Даля, кандидат юридических наук.

Казаков Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Кашанов Радик Минивалеевич – заведующий научно-исследовательским отделом Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Корешников Дмитрий Сергеевич - ассистент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Костенко Константин Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Малышев Дмитрий Сергеевич – заместитель руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного

комитета Российской Федерации по Свердловской области, полковник юстиции.

Назырова Наталья Александровна – заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, старший советник юстиции.

Незнамова Зинаида Александровна – заведующий кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор.

Пейсикова Елена Владимировна – судья Верховного Суда Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

Полев Михаил Сергеевич – старший следователь следственного отдела по городу Салават следственного управления Следственного комитета России по Республике Башкортостан, капитан юстиции.

Полубинская Светлана Вениаминовна – ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

Поляков Игорь Сергеевич – аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, следователь по особо важным делам отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции.

Санькова Екатерина Валерьевна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Серова Елена Борисовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции.

Страхова Светлана Вячеславовна – заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, младший советник юстиции.

Ткачев Игорь Олегович – доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Хромов Евгений Владиленович – прокурор Гаврилово-Посадского района прокуратуры Ивановской области, доцент Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат технических наук, кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции.

Черчукина Людмила Вячеславовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического института Луганского государственного университета имени Владимира Даля, кандидат юридических наук, доцент.

Чернышев Дмитрий Борисович – старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Шадрина Елена Сергеевна – следователь следственного отдела по Ленинскому району города Киров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, майор юстиции.

Шакурина Валентина Геннадьевна – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации.

Шарапов Роман Дмитриевич – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Шаталов Александр Семенович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук.

Яшков Сергей Александрович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

СОДЕРЖАНИЕ

Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»	3
Бардачевский Р.И. Оптимизация процедуры ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела	9
Бедерин И.Ю. О проблеме постановления заочного приговора по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии	11
Быкова Е.Г., Казаков А.А. Сложности квалификации приготовления к мошенничеству при получении выплат	16
Галдин М.В. О сущности нового основания освобождения от уголовной ответственности и его некоторых недостатках	22
Гейнце О.В. О некоторых вопросах применения меры пресечения и назначения наказания за ненасильственные преступления	28
Зацепина О.Г. Следственные ошибки как препятствие для своевременного рассмотрения уголовного дела судом	35
Казаков А.А. Современные проблемы прекращения уголовных дел о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ	41
Кашапов Р.М. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 78 ¹ УК РФ	47
Корешников Д.С. Приостановление течения сроков давности: проблемы доказывания факта уклонения лица от следствия	52
Костенко К.А. Правотворческая ошибка введения уголовно-правовой нормы с административной преюдицией (на примере ст. 171.5 УК РФ)	59
Малышев Д.С. Некоторые процессуальные проблемы доказывания обстоятельств получения завуалированной взятки	64
Назырова Н.А. К вопросу о расследовании уголовных дел с учетом перспективы их рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей	70
Незнамова З.А. Уголовно-правовая оценка групповой преступной деятельности следственными и судебными органами	74
Пейсикова Е.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы правоприменительной практики	82
Полев М.С. Основные причины коррупционного поведения сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России	91
Полубинская С.В. Психическое расстройство как признак вреда здоровью: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации	94
Поляков И.С. Процессуальное оформление действий, направленных на фиксацию криминалистически значимой информации в информационно-телекоммуникационных сетях: современное состояние	101

Санькова Е.В. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в процессе предварительного расследования преступлений против интересов государственной службы	107
Серова Е.Б. К вопросу о расследовании преступлений против жизни и здоровья, уголовные дела о которых подсудны суду с участием присяжных заседателей	112
Страхова С.В. Проблемы возвращения уголовных дел прокурору в порядке, предусмотренном статьей 237 УПК РФ	118
Ткачев И.О. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	123
Хромов Е.В. Атипичная и привходящая причинная связь в преступлениях против жизни	128
Черечукина Л.В. Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод для возбуждения уголовного дела	133
Чернышев Д.Б. Вопросы ответственности военнослужащих за вред, причиненный в ходе боевых действий	138
Шадрина Е.С. Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд	143
Шакурина В.Г. Анализ судебной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц за участие в деятельности экстремистского международного общественного движения «АУЕ» (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ): уголовно-правовые и криминологические аспекты	149
Шарапов Р.Д. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	156
Шаталов А.С. Об особенностях формата экстрадиционного взаимодействия в современных условиях	163
Яшков С.А. К вопросу об исчислении срока, с которого может наступить уголовная ответственность за невыплату заработной платы	168
Сведения об авторах	174

**Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в
практике Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 21-22 мая 2024 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Формат 60x90 1/16

Усл. печ. л. 11,18

Тираж 100 экз.

Печать офсетная

Компьютерная верстка,

техн. редактирование – А.Ж. Саркисян

Подписано в печать: 30.05.2024

Заказ № 458

Отпечатано в типографии

Московской академии

Следственного комитета

имени А.Я. Сухарева,

ул. Врубеля, д. 12